

Annotation

Расследование ведет уже полюбившийся читателям инспектор Алан Грант. В романе «Шиллинг на свечи» он занят расследованием внезапной трагической гибели знаменитой кинозвезды.

- [ШИЛЛИНГ НА СВЕЧИ](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

ШИЛЛИНГ НА СВЕЧИ

Ранним летним утром Вильям Поттикери шел своим привычным маршрутом по травянистой дорожке, которая вилась по скалам вдоль морского берега. Было немногим более семи. Далеко внизу, как молочно-белый опал, светилась водная гладь Ла-Манша. Пронизанный солнцем воздух был легкий и чист — даже жаворонков еще не было видно, только откуда-то с пляжа доносились крики чаек. За исключением прямой, маленькой, одинокой фигуры самого Поттикери, ландшафт был пустынен. Человека с воображением миллионы сверкающих, чистых капелек росы на зеленой траве навели бы на мысль, что мир Божий переживает свой первый миг творения. Однако Вильяму Поттикери воображение было чуждо. Роса для него означала только, что ночью был туман и солнце еще не успело высушить оставшуюся влагу. Он отметил этот факт совершенно бессознательно, занятый мыслями о том, следует ли ему, поскольку он уже нагулял себе аппетит, повернуть у Расщелины назад, к береговой станции спасательной службы, или же, используя хорошую погоду, дойти до Вестовера. Там он мог бы купить газету и ознакомиться с сообщением о каком-нибудь сенсационном убийстве на два часа раньше других. Правда, с появлением приемников чтение газет, можно сказать, утратило прежнюю остроту. Но все же в такой прогулке виделась хоть какая-то цель. Пускай сейчас мир, а не война — все равно у человека должна быть определенная цель, если уж он куда-то пошел. Нельзя же просто прийти в город, поглазеть на стены домов. Другое дело — вернуться к завтраку с газетой под мышкой. Да, пожалуй, он все-таки дойдет до города. Он невольно ускорил шаг. Черные тупоносые ботинки сверкали на солнце. Ботинки были на редкость прочные и служили ему верой и правдой с давних пор. Казалось, отдав свои лучшие годы армейской службе, где волей-неволей приходилось начищать сапога до зеркального блеска, Поттикери мог бы теперь отряхнуть прах бессмысленной дисциплины и выразить себя как лицо гражданское хотя бы тем, чтобы позволить пылиться своим башмакам. Но бедняга продолжал их начищать, потому что ему нравилось это делать. Может, у него был рабский менталитет. Однако поскольку он

представления не имел, что это такое, то и не печалился по этому поводу. А что до самовыражения, то, опиши вы ему, что это такое, он бы, разумеется, понял, о чем идет речь, но в армии для этого существовало другое слово — строптивость.

Внезапно с утеса сорвалась чайка и ринулась вниз к галдящим товаркам. Ох уж эти чайки, до чего шумные птицы! Поттикери подошел к краю скалистого обрыва взглянуть, из-за чего они ссорятся, — наверное, отступающий прилив притащил им какую-нибудь соблазнительную добычу.

В беловатой полосе пены мелькнуло что-то зеленое. Наверное, тряпка. Какая яркая, совсем не потемнела от воды... Внезапно глаза Поттикери округлились и все его тело странно напряглось. В следующий момент черные башмаки ринулись вперед. «Тук-тук-тук» — глухо, как удары сердца, отстукивали они по плотно утоптанной тропинке. Расщелина, где располагался пляж, находилась еще метрах в двухстах, но Поттикери мчался со скоростью, не посрамившей бы и профессионального бегуна. Он захохотал по грубым вытесанным каменным ступеням, пыхтя от волнения и негодования. Вот что выходит, когда лезут купаться в холодную воду до завтрака. Сущее безумие! Не только себе вредят — еще и другим завтрак портят. Для восстановления дыхания лучше всего метод Шеффера, если только ребра не сломаны. Наверяд ли они поломаны. Скорее просто обморок. Первое — внятно и спокойно объяснить потерпевшему, что с ним все в полном порядке.

Ее руки и ноги были загорелые — под цвет песка. Поэтому ему и показалось сперва, что это просто зеленая тряпка. «Одной лезть в ледяную воду, да еще на рассвете! Чистое безумие, иначе не назовешь! Другое дело — если нет иного выхода. Со мной однажды такое приключилось. В Красном море возле порта. Пришлось высаживаться на берег, чтобы оказать помощь арабам. Хотя зачем кому-то понадобилось помогать этим прохвостам — непонятно. Вот тогда пришлось добираться вплавь, что поделать. Ох уж эти мне молодые особы! Апельсиновый сок у них на завтрак да тоненькие тосты — с этого разве силы будут?! Идиотство, да и только!»

По пляжу бежать было трудно. Крупная белая, обкатанная водой галька предательски скользила; где не было камней, там ноги увязали в мокром после прилива песке. Наконец он оказался в самой гуще стаи

чаек, оглушивших его неистовыми жалобными криками и хлопанием крыльев.

Ни в методе Шеффера, ни в каком-либо другом способе уже не было никакой надобности. Он понял это с первого взгляда. Женщине уже ничто не могло помочь. Поттикери, которому не раз доводилось спокойно подбирать тела утонувших в прибрежной полосе Красного моря, испытал несвойственное ему горестное чувство. Такой несправедливой, такой непоправимо жестокой казалась смерть совсем молодого существа, когда весь мир встречал новый, сверкающий летний день. Ведь перед ней была еще целая жизнь. И какая хорошенькая! Волосы, правда, кажется, крашенные, но остальное все при ней.

Набежавшая волна прикрыла ей ноги и равнодушно отхлынула вновь, обнажив ногти с красным педикюром. Несмотря на то что отлив уже начался и через минуту-другую вода и так отступила бы далеко, Поттикери оттащил безжизненное тело повыше, подальше от дерзких волн.

Потом он сообразил, что надо позвонить. Поттикери стал озираться вокруг в надежде обнаружить место, где она разделась, прежде чем войти в воду, но ничего не увидел. Может, она оставила одежду слишком близко к воде и ее унесло приливом, а может, заходила в воду совсем не здесь. Во всяком случае прикрыть ее было нечем, и Поттикери поспешил назад, к сторожевой вышке, где был телефон.

— Тело на берегу, — бросил он через плечо Биллу Гантеру, снимая трубку, и назвал номер телефона полиции.

Билл Гантер прищелкнул языком и тряхнул головой, вложив в этот выразительный и предельно лаконичный жест всю гамму чувств: и досаду по поводу случившегося, и неодобрение по поводу глупых людей, которые лезут в воду, а потом тонут, и удовлетворение, что его пессимистический взгляд на жизнь снова подтверждается.

— Если уж им так приспичило кончать жизнь самоубийством, — меланхолично проговорил он с мягким выговором, — почему обязательно делать это у нас? Все побережье к их услугам.

— Это не самоубийство, — отрывисто сказал Поттикери, ожидая, пока его соединят.

— А все потому, что до южного побережья дорога дороже! — продолжал Билл, будто не слыша. — Казалось бы, коль человеку жить надоело, так мог бы не мелочиться напоследок и укокошить себя с размахом. Так нет же! Покупают самый дешевый билет и хлоп — к нам на порог!

— На «Пляжной Макушке» их тоже хватает, — ради справедливости заметил Поттикери. — И это не самоубийство.

— Да ну, конечно, оно самое и есть. Для чего еще у нас скалы? Для защиты Англии от вражеских набегов, что ли? Ясное дело, нет. Исключительно для удобства самоубийц. Это уже четвертое за год. И помяните мое слово, вот повысят налоги на доходы — и их станет еще больше...

Билл замолчал, прислушиваясь к тому, что говорил в трубку Поттикери:

— Женщина. Да, молодая. В ярко-зеленом купальном костюме. (Поттикери принадлежал еще к тому поколению, которое не употребляло слово «купальник».) Чуть южнее Расщелины. Метрах в ста. Нет, там никто не остался. Я должен был добраться до телефона. Сейчас же туда вернусь. Там буду вас ждать. Хэлло, это вы, сержант? Конечно, не лучшее начало дня, но мы уж понемногу тут к этому привыкаем... Нет, нет, на сей раз просто несчастный случай на воде. Машина «скорой помощи»? Да, она сможет подойти прямо к Расщелине. Да-да, свернете с дороги на Вестовер после третьего межевого камня и доедете до самой Расщелины. Ладно, пока.

— Откуда вы взяли, что это просто несчастный случай? — не хотел сдаваться Билл.

— Ты что, не слышал? Я же сказал: на ней был купальный костюм.

— А почему она не могла надеть купальный костюм перед тем, как сигануть в воду? Чтобы сделать вид, будто это несчастный случай.

— В эту пору и с этого места нельзя броситься в воду — приземлишься на песчаный пляж. И когда человек кончает с собой, то чего уж тут притворяться.

— Она могла идти и идти, пока ее водой не покрыло, — сказал Билл, цепляясь за свою теорию до последнего.

— С таким же успехом она могла умереть, объевшись бычьих глаз, — саркастически заметил Поттикери.

Он готов был биться до последнего, когда был в Аравии, но в своей гражданской жизни бессмысленного упорства не одобрял.

Кучка мужчин с серьезными лицами собралась вокруг трупа: Поттикери, Билл, сержант, констебль и двое медиков. Один из медиков, тот, что помоложе, думал только о том, как бы не опозориться перед остальными: его тошнило. Другие были целиком поглощены тем, что им предстояло выполнить.

— Знаете ее? — спросил сержант.

— Нет, — отозвался Поттикери, — никогда не видел.

Оказалось, никто из присутствующих опознать ее не может.

— Наверняка не из Вестовера. Зачем оттуда ехать к нам, когда у них собственный пляж под боком. Откуда-нибудь издалека.

— Может, зашла в воду у Вестовера, а сюда ее прибило? — предположил констебль.

— По времени не получается. Тело пробыло в воде совсем недолго, — возразил Поттикери, — где-нибудь тут рядом утонула.

— Тогда как она здесь очутилась? — спросил сержант.

— На машине могла приехать, — высказал предположение Билл.

— Тогда где машина?

— Там, где всегда их оставляют, — под деревьями, где кончается дорога.

— Ты так думаешь? Но там никакой машины нет, — отозвался сержант.

Это подтвердили и санитары. Они вместе с полицией ехали как раз оттуда и там оставили свою машину: никакой другой рядом не было.

— Чудно, — заметил Поттикери. — Поблизости нет ни одного дома, откуда сюда можно было бы прийти пешком, да еще в такую рань.

— Не думаю, что она была из тех, кто ходит пешком, — отозвался сержант и, встретившись с вопросительными взглядами, добавил: — Она не из простых.

Стоявшие еще раз взглянули на распростертое у их ног тело: да, при жизни она явно следила за собой.

— Тогда где же ее одежда? — озадаченно спросил сержант.

Поттикери поделился с ним предположением, что одежду могло смыть приливом.

— Вполне возможно, — сказал сержант. — Хотя все равно непонятно, как она сюда добралась.

— Странно вообще, что она отправилась купаться одна, — подал голос младший из медиков, кое-как справившись с тошнотой.

— В наше время все возможно, — проворчал Билл. — Это еще что! Хорошо еще, что она не стала съезжать со скалы на водных лыжах. А так, пойти плавать одной на пустой желудок — это у них теперь запросто. Глаза бы мои не смотрели на этих молодых идиотов.

— Что это у ней на щиколотке? Никак браслет? — изумился констебль.

Это был действительно браслет. Браслет из платиновых звеньев необычной формы — в виде латинской буквы «s».

— Что ж, — распрямляясь, заключил сержант, — тут, пожалуй, нам делать больше нечего. Осталось отвезти тело в морг и выяснить, кто она есть. Судя по всему, это большого труда не составит. Определения вроде «убежала», «заблудилась» или «похищена» к ней явно отношения не имеют. Не тот случай.

— Да, — согласился медик, — скорее всего уже сейчас ее дворецкий всюю названивает в полицию.

— Пожалуй что так, — задумчиво произнес сержант. — И все же непонятно, как она здесь очутилась и что именно... — Он взглянул вверх и внезапно сказал: — Ого, да мы тут не одни.

Обернувшись в направлении его взгляда, все заметили одинокую фигуру на вершине утеса возле Расщелины. Человек напряженно наблюдал за каждым их жестом. Увидев, что его заметили, он быстро повернулся и исчез.

— Для одиноких прогулок вроде рановато, — проговорил сержант. — И потом, почему он убегает? Надо бы с ним побеседовать.

Однако они с констеблем не успели пройти и нескольких шагов, как убедились, что человек не только не убежал, но, напротив, торопливо спускается им навстречу. Худая, темная фигура показалась из распадка, где шли ступени. Мужчина бежал неуклюже, скользя и спотыкаясь, и вид у него был как у помешанного. Когда он приблизился, они услышали, как он судорожно ловит ртом воздух, хотя бежать было совсем недалеко и человек явно был молод.

Он с разбегу врезался в их плотную маленькую группу, оттолкнув обоих полицейских, которые инстинктивно пытались загородить от него тело.

— О Господи! Это она, она, она! — воскликнул он и неожиданно для всех разразился громкими рыданиями. Несколько мгновений шестеро мужчин растерянно молчали. Потом сержант стал ласково похлопывать его по спине, отчего-то бессмысленно повторяя: «Ничего, ничего, сынок, все в порядке».

Но юноша продолжал горестно раскачиваться и рыдать.

— Ну полно, полно, будет вам, — успокаивал его констебль. (Господи, ничего себе утречко выдалось!) — Слезами горю не поможешь. Возьмите себя в руки... — И, заметив дорогой носовой платок, который молодой человек извлек из кармана, торопливо добавил: — Сэр.

— Ваша родственница? — спросил он затем соответствующим печальному событию сочувственным тоном.

Молодой человек отрицательно качнул головой.

— Значит, просто приятельница?

— Она была так добра ко мне, так добра!

— Во всяком случае, тут вы сможете нам помочь. А то мы уже начали беспокоиться. Хоть скажете нам, кто она такая.

— Она... Она меня приютила.

— Хорошо, так как ее полное имя?

— Не знаю.

— То есть как это «не знаете»? Послушайте, сэр, соберитесь-ка с мыслями. Вы единственный, кто может нам помочь. Вы должны знать имя женщины, у которой жили.

— Да нет же, не знаю я.

— Но вы же ее как-то называли? Как?

— Крис.

— Крис, а дальше?

— Просто Крис.

— А она как вас звала?

— Робин.

— Это действительно ваше имя?

— Ну да, Роберт Станвей. То есть нет, теперь Тисдейл. Это раньше я был Станвей, — торопливо добавил он, встретив

недоуменный взгляд сержанта.

«Пошли мне терпение, Господи!» — подумалось тому, но вслух он лишь сказал: — Звучит это довольно странно, мистер, э...

— Тисдейл.

— Мистер Тисдейл. Можете вы мне объяснить, как она здесь очутилась, да еще так рано?

— Могу, конечно. Она приехала на машине.

— Ах так, на машине. И куда делась эта машина?

— Я ее угнал.

— Что-что?

— Я ее украл. Вот только что вернулся на ней обратно. Конечно, это был свинский поступок. Я чувствовал себя подонком, потому и вернулся. Когда я не нашел ее у дороги, то решил, что она тут, внизу. Потом я увидел, что вы тут столпились и... о Господи, Господи Боже мой! — И он снова принялся горестно раскачиваться.

— В каком месте вы с этой женщиной жили? — нетерпеливо спросил сержант, переходя на сухой, деловой тон. — В Вестовере?

— Нет. У нее есть... Боже мой, я хотел сказать, у нее был небольшой домик — «Бриары» называется. Возле Милдея.

— Мили полторы от побережья, — пояснил Поттикери, поймав недоуменный взгляд полицейского. Тот был явно не из местных.

— Вы жили вдвоем или там еще есть прислуга?

— Только миссис Питтс. Она живет в деревне и приходит стряпать.

— Понятно.

Последовало неловкое молчание, которое прервал сержант.

— Ладно, ребята, приступайте, — сказал он и кивнул санитарам. Те склонились к носилкам. Юноша судорожно вздохнул и закрыл лицо руками.

— В морг, сержант?

— О нет, не надо! У нее же есть дом. Тела умерших ведь полагается привозить домой, разве не так?

— Мы не можем повезти тело неизвестной женщины в бунгало, где никто не живет.

— Это не бунгало, это нормальный дом, — автоматически поправил юноша. — Я понимаю, вы, наверное, правы. Но морг — это так ужасно! Господь Всевышний, как ты мог допустить такое?!

— Дэвис, — сержант обратился к констеблю, — возвращайтесь в участок вместе со всеми и доложите там. Я с мистером Тисдейлом отправлюсь в — как вы сказали называется этот коттедж? — в «Бриары».

Галька заскрипела под ногами санитаров с их тяжелой ношей. За носилками двинулись Поттикери и Билл.

Когда их шаги стали затихать, сержант заговорил снова:

— Вам не пришло в голову выкупаться вместе?

Что-то похожее на смущение промелькнуло на лице Тисдейла. Он явно находился в замешательстве. Потом отрывисто проговорил:

— Нет, не пришло. Я... я не очень-то люблю плавать на голодный желудок. Я... я вообще не ахти какой спортсмен.

Сержант понимающе кивнул:

— В котором часу она выехала из дома?

— Не знаю. Вчера перед сном она говорила, что если рано проснется, то отправится купаться. Я сам проснулся рано, но она уже уехала.

— Ясно. Если вы уже оправились, мистер Тисдейл, то давайте-ка трогаться в путь.

— Да-да, разумеется, я готов.

Он встал, и вместе они в полном молчании пересекли пляж, поднялись по ступеням в Расщелине и вышли к машине, которая стояла в конце дороги в тени деревьев, как Тисдейл им и сказал. Машина была красивая, хотя, пожалуй, уж слишком роскошно отделанная: двухместная малолитражка цвета слоновой кости, со специальным отделением для пакетов и свертков. Сиденья были расположены на значительном расстоянии одно от другого, так что при желании туда мог бы втиснуться и третий пассажир. Из этого свободного пространства сержант извлек женское пальто и меховые сапожки, которые этой зимой было модно надевать, отправляясь на скачки.

— Это пальто она всегда носила, когда шла плавать: надевала прямо на купальник. А вот и полотенце.

Действительно, теперь сержант вынул и полотенце, яркое, оранжевое с зеленым.

— Странно, почему она не взяла его с собой на пляж.

— Она любила обсушиваться прямо на солнце.

— Похоже, вы хорошо изучили привычки особы, полного имени которой даже не знаете. — Сержант протиснулся на одно из сидений. — И давно вы с ней жили?

— Жил не с ней, а у нее, — поправил его Тисдейл, и первый раз за все время в его голосе послышалось еле сдерживаемое раздражение. — Поймите меня правильно, сержант, и давайте покончим с этим раз и навсегда. Это избавит вас от лишней мороки: Крис меня приютила, я у нее жил, и на этом поставим точку. Вам ясно? Я просто жил в ее доме, и ничего больше между нами не было. Мы жили одни, но отношения наши не могли быть более невинными, даже если бы за нами следил целый штат прислуги. Это вам кажется странным?

— Очень, — откровенно признался сержант. — А это тут зачем? — спросил он, разглядывая пакетик с парой черствых, неаппетитного вида булочек.

— Это я прихватил по дороге. Другого ничего не нашел. Когда я был маленьким, то после купания нам всегда давали булочки. Я подумал, может, ей тоже захочется поесть.

Машина неслась по крутому спуску, приближаясь к шоссе, соединявшему Вестовер и Стонгейт. Они пересекли его и поехали по длинной аллее. Указатель гласил:

«Мидлей: 1 км; Лиддлстоун: 3 км».

— Значит, когда вы отправились за ней на пляж, то еще не намеревались угонять ее машину?

— Разумеется нет! — негодуяще воскликнул Тисдейл с таким видом, будто это что-то меняло в самом факте кражи. — Мне это и в голову не приходило, пока я не увидел машину на дороге. Мне сейчас даже трудно представить, как я мог это сделать. Идиотизм полный, я до этого никогда машин не угонял.

— Женщина была еще в воде?

— Не знаю. Я не стал смотреть. Если бы я увидел ее хоть издали, то ни за что бы на такое не решился. Я просто кинул в машину пакет с булочками и умчался. Опомился уже где-то на полдороге в Кентербери, тут же развернулся и приехал прямо сюда.

Сержант немного помолчал, потом спросил:

— Вы так и не сказали, долго ли прожили в коттедже.

— С полуночи субботы.

Был вторник.

— И вы по-прежнему хотите меня уверить, что и в самом деле не знали ее полного имени?

— Не знал. Немножко странно, я понимаю. Я и сам воспитывался в традиционном духе. Но с ней это казалось вполне естественным. С первого же дня у меня возникло такое чувство, будто я знал ее всю жизнь.

Поскольку сержант молчал, все своим видом выражая сомнение, столь же явно, как горячий радиатор излучает тепло, то Тисдейл запальчиво воскликнул:

— С чего бы я стал скрывать ее полное имя, если бы оно мне было известно?!

— Откуда мне знать? — мрачно отозвался сержант.

Краем глаза он продолжал наблюдать за Тисдейлом. Лицо юноши было бледно, но довольно спокойно. Похоже, он довольно быстро оправился после недавнего приступа отчаяния. Легкомысленная пошла нынче молодежь. Ничто их по-настоящему не волнует. Истерики — это всегда пожалуйста! Забавы на сеновале у них называются любовью. Все остальное считается ненужными сантиментами. Никакой дисциплины. Никакой выдержки. Попадут в трудную ситуацию — и давай бог ноги. Мало их пороли в детстве. Вот к чему приводят эти новые методы воспитания, когда ребенку позволено делать все, что ему вздумается. И вот вам живой пример: только что рыдал там, на пляже, а сейчас — спокоен и холоден, как огурец!

Тут взгляд сержанта упал на изысканно-тонкие пальцы Тисдейла, лежавшие на руле, — они заметно дрожали. Ну нет, каким бы этот Тисдейл ни оказался, спокойным и холодным его не назовешь.

— Тот самый дом? — спросил полицейский, когда они затормозили у живой изгороди.

— Тот самый.

Бревенчатый на каменном фундаменте коттедж был небольшой, — вероятно, там было не более пяти комнат. Со всех сторон его окружала изгородь из жимолости. В саду было полно роз. Идеальное место для американских туристов, любителей уик-эндов и фотографов. В тихой дреме смотрели на мир небольшие окна; ярко-

синяя дверь была гостеприимно распахнута, и проникавший внутрь солнечный лучик высвечивал медную сковороду на стене кухни. Игрушечный коттедж был явно отыскан и приобретен совсем недавно.

Пока они шли по мощенной кирпичом дорожке, на пороге появилась худенькая женщина небольшого роста, в белоснежном переднике. Ее жиденькие волосы были собраны в пучок на затылке, а на самой макушке еле держалось некое сооружение из черного шелка, напоминавшее птичье гнездо. При виде ее Тисдейл замедлил шаги, видимо желая, чтобы само появление официального лица подготовило женщину к недобрым вестям. Но миссис Питтс была вдовой полицейского: ее маленькое суровое лицо осталось невозмутимым. Полицейский мундир в дверях дома значил для нее прежде всего необходимость подать еду на стол, и первые ее слова соответственно были:

— Я испекла к завтраку печенье с кунжутом. Скоро станет жарко, так что лучше плиту протопить пораньше. Пожалуйста, передайте это мисс Робинсон, когда она вернется, ладно, сэр?

Тут она заметила, что это не просто полицейский, а сержант, и с беспокойством спросила Тисдейла:

— Неужто вы вели машину без водительских прав, сэр?

— Вы сказали «мисс Робинсон»? — вмешался сержант. — С мисс Робинсон произошел несчастный случай.

— Господи! Эти машины! Она всегда так неосторожно ездит! Она очень пострадала?

— Это не в машине. Несчастный случай произошел в воде.

— Ах вот оно что, — проговорила она тихо.

— Что значит ваше «вот оно что»?

— Несчастный случай на воде может означать только одно. Ну и дела, — печально проговорила она и вдруг изменившимся голосом резко спросила Тисдейла: — А где же вы были в это время?

Она обратила на понуро стоявшего Тисдейла взгляд, каким, наверное, смотрела на несвежую рыбу на базаре в Вестовере. Перед лицом несчастья ее суеверное почтение к «господам» как ветром сдуло. Тисдейл оказался таким, каким она окрестила его про себя с первого дня знакомства, — никчемным парнем.

Сержант не показал своей заинтересованности в ее реакции, однако со скрытой насмешкой произнес:

— Джентльмен при сем не присутствовал.

— Как так? Он ведь отправился следом за ней.

— Откуда вам это известно?

— Я его видела. Мой дом возле самой дороги.

— Вы не знаете ее постоянного адреса? Как я понимаю, здесь она жила временно.

— Конечно временно. Она сняла коттедж на месяц. Он принадлежит Оуэну Хьюджеду.

Она замолкла на мгновение, чтобы до сержанта дошло значение этого имени, и потом продолжала:

— Он сейчас в Голливуде. Играет испанского гранда — он мне сам рассказывал. Он говорил, что уже играл итальянских князей и французских принцев и теперь решил, что ему будет интересно сыграть испанского гранда. Вы не поверите: однажды какая-то девчонка предложила мне пять фунтов, если я ей отдам простыни, на которых он спит. Не простыни я ей дала, а отповедь хорошую. А ей — хоть бы что! После этого она еще стала у меня его наволочку клянчить за двадцать пять шиллингов. И куда только мир катится! До чего мы дожили...

— Так какой постоянный адрес у мисс Робинсон?

— Никакого другого, кроме этого адреса, я не знаю.

— Разве она не писала вам перед приездом?

— Писала?! Она только телеграммы слала. Наверное, писать она умеет, но ни разу ничего не писала, пока здесь жила, в этом я вам поклясться готова! Иной раз по шесть штук телеграмм на день шли от нее из Лиддлстоуна. Мой Альфред обычно относил их туда на почту. В перерывах между уроками. Некоторые из них были такие длинные, что одного бланка не хватало — требовалось два, а то и три сразу.

— К ней кто-нибудь сюда приезжал? Может быть, ночевал?

— Никто у нее тут не останавливался. Само собой кроме мистера Станвея.

— Никто никогда?

— Ни одной души. Как-то раз, когда я ей показывала, как у нас в туалете воду спускать — тут есть такая хитрость: надо сначала сильно дернуть, а потом полегоньку отпустить, — так вот тогда она мне вдруг говорит: «Миссис Питтс, с вами так не случается, что вам тошно видеть людей?» Я ответила: «Точно, на кое-кого и глаза бы мои не

глядели». А она: «Не на кое-кого, а на всех вообще. Когда вообще ни на кого смотреть не хочется». Я сказала, что, когда такое со мной бывает, я принимаю касторку. Она засмеялась и заметила, что это и впрямь неплохая идея. Надо, чтобы все принимали касторку, и тогда мир за какие-нибудь пару дней полностью преобразится. И еще добавила: «Жаль, что Муссолини до этого не додумался!»

— Откуда она приехала? Из Лондона?

— Да. За три недели, что мисс Робинсон здесь прожила, она раз-другой туда ездила. Последний раз это было в конце этой недели, когда она привезла с собой мистера Станвея.

Ее взгляд снова с пренебрежением скользнул по Тисдейлу, как будто он был вещью.

— А он что, тоже не знает ее адреса? — спросила миссис Питтс.

— Никто не знает. Пройду посмотрю ее бумаги, может, в них что-нибудь обнаружится.

Миссис Питтс провела его в гостиную — прохладную комнату с низким брусчатым потолком, где стоял сладкий запах душистого горошка.

— Куда вы ее дели? Тело, я имею в виду.

— Оно в морге.

Казалось, только теперь до миссис Питтс дошла непоправимость случившегося.

— Господи Боже! — медленно проговорила она, машинальным движением вода кончиком передника по полированной поверхности стола. — Подумать только, а я еще колечки испекла.

В этих словах звучало не столько сожаление о ненужном теперь печенье, сколько смирение перед превратностями жизни.

— Надо вам все же позавтракать, — ворчливо обратилась она к Тисдейлу. Смутное осознание того факта, что все, даже самые благополучные люди в этом мире, лишь игрушки в руках судьбы, сделало ее снисходительнее.

Тисдейл от завтрака отказался. Он смотрел в окно, повернувшись спиной к сержанту, который разбирал бумаги, лежавшие на письменном столе.

— Против печенья я бы не возражал, — заметил он между делом.

— Поверьте моему слову, вкуснее моего во всем Кенте не сыщешь. Может, заодно и мистер Станвей выпьет хоть глоток чаю, —

заклучила она и отправилась в кухню.

— Так вы не знали, что ее фамилия Робинсон? — спросил сержант, поднимая глаза на Тисдейла.

— Миссис Питтс всегда обращалась к ней просто «мисс». И потом, неужели вы верите, что у такой женщины, как она, может быть эта вульгарная фамилия?!

Действительно, сержант и сам ни минуты не сомневался, что это не так.

— Я выйду в сад, если я вам сейчас не нужен. Не возражаете? Здесь... здесь мне душно, — сказал Тисдейл.

— Ладно. Только не забудьте — машина мне понадобится, чтобы доехать обратно в Вестовер.

— Я вам уже говорил. Я поддался минутному порыву. В любом случае теперь я уже не могу надеяться, что мне удастся украсть ее.

«Не такой уж он дурак, как кажется. Да еще с гонором. Нет, уж что-что, а он не простачок», — подумал про себя сержант. Письменный стол был завален журналами, газетами, начатыми пачками сигарет, рассыпанными фишками кроссворда; там же лежали пилка для ногтей, образцы шелковых тканей и еще множество мелочей — словом, тут было все, кроме одного — писчей бумаги. Единственными официальными документами были многочисленные счета из местных лавок, в большинстве случаев уже оплаченные. Если покойная и была неаккуратной и рассеянной, то, видимо, отнюдь не там, где дело касалось финансов. Расписки, хоть и скомканные и распаханные по разным ящикам, явно не выбрасывались, а сохранялись.

Умиротворенный тишиной раннего утра, веселым позвякиванием посуды, доносившимся из кухни, и в предвкушении знаменитых песочных колечек, сержант, возясь с бумагами, целиком предался своему излюбленному пороку: он стал насвистывать. Его свист был тих и музыкален, тем не менее это был свист. Он насвистывал последний шлягер «Спой мне еще раз», насвистывал выразительно, со всеми нюансами, сам наслаждаясь своим искусством. Правда, жена показала ему однажды в разделе читательских писем заметку, где говорилось, что привычка свистеть свидетельствует о праздном уме. Но это его не излечило.

Его безмятежное настроение было нарушено самым неожиданным образом. Без всякого предупреждения кто-то постучал в полуоткрытую дверь игривой дробью «там-та-та-там-там-та!», и мужской голос произнес:

— Так вот где ты прячешься!?

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился маленький смуглый человек.

— Та-а-к, — произнес он врасстяжку. Несколько мгновений он стоял в дверях и, широко улыбаясь, разглядывал сержанта. — А я-то думал, это Крис свистит! Могу я узнать, что здесь делает наша доблестная полиция? Неужели кража со взломом?

— Нет, не кража, — осторожно ответил сержант, пытаясь собраться с мыслями.

— Только не уверяйте меня, что Крис устроила здесь оргию! Она покончила с этим сто лет назад. Это наносит ущерб ее благородному имиджу.

— Дело в том, что...

— Где она сама, черт возьми?

Он задрал голову и крикнул:

— Эй-хо! Крис! Спускайся, злодейка! Нечего от меня прятаться! — и, обращаясь к сержанту, добавил: — Улизнула от нас на целых три недели. Наверное, ей осточертели съемки. Это с ними со всеми случается рано или поздно. С другой стороны, последний фильм имел такой кассовый успех, что не мудрено, если они спешат скорее запустить следующий.

С напускным пафосом он промурлыкал музыкальную фразу из шлягера «Спой мне еще раз» и добавил:

— Потому я и принял вас за Крис: вы насвистывали ее песенку. И очень мелодично, надо вам отдать должное.

— Как вы сказали? Ее песню? — с надеждой, что наконец хоть что-то начнет проясняться, переспросил сержант.

— Ее. Чью же еще? Не думаете же вы, приятель, что она моя? Ни боже мой! Я написал музыку, верно, но это не в счет. Это ее песня. Хотя она этого никогда не подчеркивала. Шикарно она сыграла, просто потрясающе, правда?

— Честно говоря, мне трудно судить. (Помолчал бы он чуток, тогда я бы разобрался, что к чему!)

— Вы, часом, не пропустили «Стальные тиски»?

— Пропустил.

— Вот что значит это чертово радио и пластинки. Они портят весь эффект от фильмов. К тому времени, когда вы услышите, как Крис исполняет ее в картине, мелодия уже успевает вам надоесть до тошноты. Это несправедливо по отношению к кинопродукции. Для поэтов-песенников и прочей мелкой шатии-братии это безразлично, но для фильма скверно, очень скверно. Надо бы разработать специальное соглашение на этот счет. Эй, Крис! Неужели ее нет в доме? И это после всех моих усилий заставить ее врасплох!

Его лицо вытянулось, как у обиженного ребенка.

— Если она войдет и застанет меня здесь, это будет совсем не тот эффект, как если бы я сам неожиданно заявился перед ней! Как вы думаете...

— Минуточку, мистер... Простите, не знаю вашего имени.

— Джей Хармер меня зовут. По свидетельству о рождении — Джасон. Я автор песни «Если это невозможно в июне». Вы, наверное, знаете ее и тоже насвистываете, но...

— Мистер Хармер, если я правильно понял, особа, которая здесь живет, вернее, жила, киноактриса?

— Киноактриса ли она?! — от изумления Хармер почти лишился дара речи. И тут впервые с момента своего появления он вдруг усомнился, туда ли попал. — Послушайте, ведь Крис живет здесь, я не ошибся?

— Молодую особу действительно звали Крис. Думаю, вы сможете нам помочь разобраться. Видите ли, произошло несчастье, большое несчастье. Но эта женщина говорила, что ее фамилия Робинсон.

— Робинсон! — Человек рассмеялся, будто услышал удачную шутку. — Великолепно! Я всегда говорил, что она начисто лишена воображения. Глупейшего розыгрыша придумать и то не могла. И вы поверили, что ее фамилия Робинсон?

— Да, это казалось маловероятным.

— Что я вам говорил! Теперь я отомщу ей за то, что она обращает на меня внимания не больше, чем на кусочки пленки под ногами в съемочном павильоне, — всем расскажу про выдуманную фамилию! Она за это, конечно, может запихнуть меня в холодильник на сутки, но шутка того стоит! В любом случае джентльменом меня никто не

считает, так что большого убытка моей репутации это не нанесет. Эту особу, сержант, на самом деле зовут Кристина Клей.

— Кристина Клей! — повторил сержант. У него отвисла челюсть от удивления.

— Кристина Клей! — выдохнула миссис Питтс, стоя на пороге. Она совершенно забыла про поднос с песочными колечками, который держала в руках.

«Кристина Клей»! — вопили объявления на театральных тумбах.

«Кристина Клей»! — кричали газетные заголовки.

«Кристина Клей»! — несло из приемников.

«Кристина Клей»! — сосед сообщал соседу.

Это имя было у всех на устах в самых разных концах земного шара. Еще бы! Утонула знаменитая Кристина Клей. Во всем цивилизованном мире нашелся лишь один шустрый юнец, который, услышав о ее смерти в веселой компании в Блумсбери, спросил, кто это такая, — и то лишь потому, что ему захотелось показаться оригинальным. В разных концах света произошло сразу несколько событий исключительно оттого, что ушла из жизни эта женщина. Из Калифорнии позвонили в обитель актеров и музыкантов Гринвич-Виллидж и попросили некую девушку немедленно приехать; в Техасе пилоту пришлось совершить дополнительный ночной рейс, чтобы перебросить кассеты с фильмами Кристины Клей для срочного показа. Нью-йоркская фирма расторгла контракт; итальянский граф стал банкротом: он надеялся поправить свои дела, продав ей яхту; в Филадельфии один человек впервые за много месяцев досыта поел: он запродавал газетчикам историю о том, что когда-то знал ее. Некая женщина из труппы Ле Туке запела от радости: настал ее звездный час, теперь она наконец-то получит «ту самую» роль. А в Англии, в одном из соборов, человек, преклонив колена, благодарил Господа за ее смерть.

Пресса, притихшая было в мертвый сезон, оживилась, почувствовав в своих парусах нежданный ветер сенсации. Местная газета «Кларион» отозвала своего ведущего корреспондента Барта Бартоломео из Брайтона с конкурса красоты (за что он был весьма им признателен: он вернулся оттуда, громко возмущаясь тем, как мясники могут есть мясо животных, которых убивают) и Джемми Хопкинса, специалиста по «кровавым драмам на почве ревности», который был в Брэдфорде, собирая материал о скучном и неэстетичном убийстве, совершенном с помощью кочерги (что лишней раз свидетельствовало о том, как низко пала «Кларион»). Газетные фотографы покинули

гоночные трассы, забыли про интервью со знаменитостями, про светские бракосочетания и крикет, про человека, который собирался лететь к Марсу на воздушном шаре, и как пчелы облепили коттедж в Кенте, квартиру на Саут-стрит и меблированный особняк в Хэмпшире. То обстоятельство, что перед смертью Кристина Клей сбежала ото всех и укрылась в никому не ведомом и безо всяких удобств коттедже, добавляло пикантной остроты сенсационному известию о ее кончине. Фотография особняка (со стороны сада, так как спереди его скрывали липы) была снабжена надписью: «Дом, которым владела Кристина Клей» (то, что она сняла этот особняк всего на сезон, никого не смущало: это было неважно, главное — создать нужную атмосферу вокруг ее имени); рядом с этим импозантным снимком поместили фотографии скромного, утопающего в розах коттеджа. Под ним стояло: «Дом, который она предпочитала». Ее пресс-агент при виде этих снимков смахнул непрошеную слезу: «Надо же! Такая сенсация всегда приходит слишком поздно, теперь ей, бедной, уже все равно».

От человека, хоть сколько-нибудь разбирающегося в психологии и наблюдающего со стороны, наверняка не укрылось бы некое странное обстоятельство: смерть Кристины Клей вызвала много разных эмоций — жалость и растерянность, ужас и сожаление и еще множество других. Не вызвала она лишь одного: горя. Единственным всплеском подлинного искреннего чувства можно было считать разве что истерические рыдания над ее телом Роберта Тисдейла. И то неизвестно еще, чего было больше в этих слезах: жалости к Кристине или к самому себе. Кристина принадлежала всем: она не могла принадлежать немногочисленному кругу лиц. Впрочем, среди окружавших Кристину и знавших ее людей эта ужасная смерть вызвала шок и растерянность. Но не только среди них. Койен (подлинное имя — Кохан), который должен был стать продюсером ее третьей и последней в Англии картины, был на грани отчаяния; с другой стороны, Лежен (он же Томпкинс), который должен был быть ее партнером, вздохнул с облегчением: фильм с участием Клей, конечно, принес бы ему славу, однако львиная доля кассового сбора досталась бы, разумеется, ей, а не ему. Герцогиня Трентская, которая собиралась устроить ленч в честь Клей, чтобы тем самым восстановить утерянный престиж щедрой покровительницы искусств и гостеприимной хозяйки, вероятно, скрипела зубами от ярости. Лидия

Китс не скрывала своего торжества. Она предсказала ей скорую смерть, и то, что ее предсказание так быстро исполнилось, повергло в изумление даже выдавших виды знаменитостей.

— Милочка, это просто поразительно! — щебетали наперебой ее друзья и подруги. Их восхищение совсем вскружило Лидии голову: она стала являться на все приемы подряд только для того, чтобы услышать снова и снова, как они восторженно восклицают: «Милочка, ты просто гений!» Нет, насколько можно было судить, смерть Кристины Клей не разбила ни одного сердца. Друзья и знакомые вытащили на свет Божий траурные костюмы и платья и стали с надеждой ожидать приглашений на церемонию похорон.

Однако вначале состоялось предварительное слушание по факту смерти. И именно во время этого слушания проявились первые признаки того, что самая большая сенсация еще впереди. Первым уловил легкую рябь на гладкой поверхности судебного заседания Джемми Хопкинс. Недаром свое прозвище «Джемми» он заработал потому, что, почуяв интересный материал, всегда прибегал в редакцию с криком: «Джем! Сладенькое!» Это он, когда дела газеты шли плохо и тираж начинал падать, обычно с философским видом говаривал: «Прокати через печатный станок любую чушь и получишь джем». У него было особое чутье на такого рода «сладенькие» или «жареные» факты. Именно поэтому он внезапно умолк в самый разгар своего поучительного комментария, адресованного Бартоломео, по поводу известных личностей, охочих до сенсаций, собравшихся в зале. Умолк и устремил куда-то пристальный взгляд: меж двух экстравагантных шляпок заядлых любительниц скандалов он углядел спокойное лицо человека, само присутствие которого здесь уже можно было считать достаточно сенсационным.

— Что-то углядел? — спросил Бартоломео.

— Знал бы ты, что именно! — воскликнул Хопкинс. Он соскользнул со скамьи как раз в тот момент, когда председательствующий занял свое место и призвал всех к молчанию, чтобы объявить о начале заседания.

— Держи для меня место, — шепнул Хопкинс и вышел из зала. Он вернулся туда снова через служебный вход, ловко работая локтями, добрался до нужного места и сел. Человек обернулся и с откровенной неприязнью взглянул на Хопкинса, вторгшегося туда, куда вход для публики был закрыт.

— Привет, инспектор. Я бы так не поступил, да деньги очень нужны, — в качестве оправдания зашептал Хопкинс.

Председательствующий снова постучал молоточком, требуя тишины. Лицо инспектора вновь приняло прежнее, непроницаемо-холодное выражение.

Под шум и шепот, сопровождавшие появление Поттикери для дачи свидетельских показаний, Хопкинс спросил:

— Что подделывает здесь Скотланд-Ярд, а, инспектор?

— Просто наблюдает.

— Понятно, изучаете порядок судопроизводства. Что, Скотланд-Ярду нынче нечем заниматься? У преступного мира тоже мертвый сезон? — И, видя, что инспектор не собирается отвечать, взмолился: — Да ну же, имейте хоть каплю сочувствия. Чем тут пахнет? Что-нибудь неладно с установлением причины смерти? Появились подозрения, а? Если вы не хотите, чтобы это просочилось в печать, я буду молчать как убитый.

— Не убитый вы, а настоящий живой слепень.

— Поглядите, как я ободрал бока, пробираясь к вам.

Это вызвало у инспектора лишь насмешливую улыбку.

— Послушайте, инспектор, скажите мне хотя бы одну вещь: вердикт о причине смерти не будет вынесен сегодня?

— Меня бы очень удивило, если бы его вынесли.

— Весьма признателен. Я узнал все, что хотел, — полусерьезно-полунасмешливо проговорил Хопкинс и снова покинул зал. Он отодрал сынишку миссис Питтс от окна, на котором тот угнезвился, убедил его, что два шиллинга несравненно соблазнительнее, чем нудное наблюдение сквозь окно, и отослал в Лиддлстоун с телеграммой в «Кларион», после чего вся редакция загудела, как растревоженный улей, и только после этого присоединился к Барту.

— Что-то нечисто, — произнес он, едва разжимая губы, в ответ на немой вопрос приятеля. — Здесь человек из Ярда. Его зовут Грант — вон он там, за красной шляпой. Слушание дела собираются отложить. Ищи убийцу!

— Тут его наверняка нет, — ответил Барт, обводя взглядом собравшихся.

— Твоя правда. А кто этот пижон во фланелях?

— Ее дружок.

— А я думал, ее дружок Джей Хармер.

— Был. Этот самый последний.

— Убийство в любовном гнездышке?

— Готов биться об заклад, что да.

— Считалось ведь, что она не особенно любвеобильна.

— Считалось. Похоже, она их всех водила за нос. Повод для убийства вполне подходящий.

Свидетельские показания носили чисто формальный характер: обнаружение трупа и детали его идентификации. Едва с этим было покончено, следователь закрыл заседание без упоминания о том, когда слушание будет продолжено. Хопкинс пришел к заключению, что смерть Клей не явилась результатом несчастного случая, и поскольку Скотланд-Ярд, как видно, не собирался пока никого арестовывать, то единственным, кого надо было срочно разговорить, был юнец во фланелевом костюме. Он выяснил, что юнца зовут Тисдейл. Барт сообщил, что накануне газетчики чуть не всей Англии уже пытались взять у него интервью (Джемми тогда еще находился в пути), но парень оказался на редкость неподатлив. Обзывал их всех жуликами, любителями падали, крысами, прочими неприятными словами менее определенного свойства и, похоже, совсем не принимал во внимание влияние прессы. В наши дни никто не может себе позволить грубить прессе, — во всяком случае, без опасений серьезно пострадать от нее. Но Хопкинс верил, что способен обвести вокруг пальца кого угодно.

— Простите, вас, случайно, не Тисдейл зовут? — невинно спросил он, как бы невзначай оказавшись рядом с юношей, когда все стали выходить из зала.

Лицо незнакомца потемнело.

— Тисдейл. Ну и что из этого? — бросил он с вызовом.

— Неужели племянник старины Тома?

— Да. А вы были знакомы с дядей Томом? — оживился Тисдейл.

— Немного, — осторожно ответил Хопкинс, немало встревоженный тем, что Том Тисдейл и вправду существовал.

— Так вам известно и о том, что я отказался от Станвея?

— Да, мне кто-то об этом сказал, — проговорил Хопкинс, теряясь в догадках по поводу того, что такое Станвей: название поместья, что ль?

— Чем вы сейчас занимаетесь? — спросил он. К тому времени, когда они добрались до выхода, Хопкинс уже болтал с Тисдейлом, словно тот был его закадычным другом.

— Подвезти вас? Давайте перекусим где-нибудь вместе, — предложил он.

Просто, как кофе!

Чепуховая задачка! Через полчаса материал для первой полосы будет у него в руках. Ай да Джеймс Брук Хопкинс — величайший газетчик всех времен и народов!

— Извините, мистер Хопкинс, — раздался у него за спиной вежливо-ироничный голос Гранта. — Мне жаль разбивать вашу компанию, но у мистера Тисдейла сейчас назначена встреча со мной. — И, заметив изумление Тисдейла и догадку, мелькнувшую в глазах Хопкинса, поспешил добавить, по-прежнему обращаясь к журналисту: — Мы надеемся на его помощь.

— Позвольте, я не понимаю... — начал было Тисдейл, но Хопкинс, сообразивший, что Тисдейл не подозревает, кто такой Грант, не скрывая своего злорадства, торжествующе провозгласил:

— Это из Скотланд-Ярда. Инспектор Грант. У него не бывает нераскрытых преступлений.

— От всей души надеюсь, что именно вам поручат писать мой некролог.

— О, и я тоже! — с жаром отозвался Хопкинс. Тут они оба обратили внимание на лицо Тисдейла.

Оно стало похоже на сухой, старый, серый пергамент и утратило всякое выражение. Только жилка, судорожно бившаяся на виске, свидетельствовала о том, что Тисдейл еще жив. Оба — и журналист и детектив — с одинаковым изумлением наблюдали за неожиданным эффектом, который произвело на Тисдейла заявление Хопкинса. Заметив, что у Тисдейла внезапно подломились колени, Грант поспешно взял его под руку:

— Пойдемте, сядете в мою машину: она у самого входа.

Он повел словно внезапно ослепшего Тисдейла сквозь шумливую толпу, вывел на улицу и усадил в машину на заднее сиденье.

— В Вестовер, — сказал он шоферу и сел рядом.

Пока они на черепашьей скорости выезжали на шоссе, Грант обернулся и увидел, что Хопкинс стоит не двигаясь на том же месте. Когда Джемми замирал на одном месте более чем на три минуты, это означало, что его мозг бешено работает. Инспектор тяжело вздохнул: он знал, что с этого момента Джемми-слепень превратился в Джемми-ищейку.

Инспектору и самому было над чем поразмыслить. Прошлым вечером ему позвонили из Кентского отделения полиции. Местное

начальство было обеспокоено не на шутку. Они, естественно, не желали оказаться в глупом положении, делая из мухи слона, однако никак не могли обойти одно совсем крошечное, но абсолютно неподдающееся объяснению препятствие на пути расследования. Все они, — от старшего констебля до сержанта, который распоряжался на пляже — имели возможность его видеть собственными глазами; все судили-рядили по его поводу, выдвигая свои теории и азартно критикуя мнение оппонентов, и в конце концов сошлись лишь в одном: пусть ответственность за это дело возьмет на свои плечи какая-нибудь другая инстанция. Конечно, очень соблазнительно провести расследование своими силами, чтобы все лавры достались именно местной полиции, но это хорошо, когда есть полная уверенность, что злой умысел действительно имел место. Совсем иное дело — заявить во всеуслышание, что совершено преступление, на основании одного маленького предмета, лежавшего перед ними на столе. Допустить ошибку здесь значило не только признать свою полную некомпетентность, хуже того — вызвать всеобщее возмущение, а на это идти никто не хотел. Поэтому Грант сдал свой абонемент на ложу в Критерион-театре и приехал в Вестовер. Он тоже в свою очередь осмотрел смутившее всех вещественное доказательство, терпеливо выслушал все их соображения по этому поводу, внимательно ознакомился с заключением медицинского эксперта и заснул лишь под утро с твердым намерением подробно допросить Роберта Тисдейла. Ну вот, теперь Тисдейл молча сидел рядом с ним, все еще в полуобморочном состоянии, которое было связано с внезапным интересом к его особе со стороны Скотланд-Ярда.

Преступление налицо. Тут нет никаких сомнений. Однако допрашивать Тисдейла сейчас, в присутствии шофера, не стоило, а до Вестовера парень, быть может, немного очухается. Грант достал фляжку и протянул ее Тисдейлу. Тот взял ее дрожащими руками, отхлебнул солидную порцию виски и оправдывающимся тоном проговорил:

— Не понимаю, что на меня нашло. Все это страшно на меня подействовало. Всю ночь не сомкнул глаз. Все время думал о том, что произошло. Не то чтобы мне хотелось об этом думать — просто никак не мог забыть, и мысли невольно крутились вокруг этого. А тут еще во время слушания дела мне вдруг показалось... А может, не

показалось? Может, действительно что-то нечисто. Может, и не сама она утонула, а? Почему они отложили разбирательство?

— Есть кое-какие обстоятельства, которые требуют дополнительных разъяснений.

— Что, например?

— Давайте отложим этот разговор до Вестовера.

— Все, что я скажу, может быть представлено на суде стороной обвинения? — спросил Тисдейл, стараясь казаться равнодушным.

— Точно. Как раз это я и собирался вам сказать, — небрежным тоном проговорил Грант.

Остаток пути они проехали молча.

К тому моменту, когда они вошли в кабинет старшего констебля местного отделения полиции, вид у Тисдейла был хоть и утомленный, но в общем-то вполне нормальный. Настолько нормальный, что когда Грант, обращаясь к старшему констеблю, сказал: «Это мистер Тисдейл», тот — добродушнейший человек во всем, кроме одалживания у него денег — уже готов был пожать юноше руку и опомнился в последнюю минуту.

— Добрый день, — сказал он и шумно откашлялся, чтобы скрыть минутное замешательство. Он чуть было не сделал грубейшей ошибки. Этого только не хватало: пожать руку субъекту, находящемуся здесь по подозрению в убийстве. Правда, честно говоря, на преступника он совсем не походил. Вовсе нет. Хотя в наши дни по внешности судить трудно. Самые симпатичные люди вдруг оказывались с такими пороками, о которых он до недавнего времени и представления не имел. Прискорбно все это, очень прискорбно. Да, но здороваться за руку с подозреваемым?! Нет, определенно не стоит. «Гм... Кхе-кхе. Прекрасное утро! Правда, для скачек плохо. Тяжко при такой-то жаре. Зато хорошо для отпускников. Нельзя думать только о собственных удовольствиях. Вы любите скачки? Наверное, ездите в Гудвуд. Ну ладно. Пожалуй, наш друг предпочтет побеседовать с вами без помех».

Было как-то неудобно подчеркивать официальный статус Гранта. Приятный человек, этот Грант. Сразу видно, хорошо воспитан и вообще...

— Так я пошел перекусить. В «Корабль». — Это к сведению Гранта, в случае надобности. — Кормят там средне, но в остальном — вполне приличное заведение, и обслуживают хорошо. Не то что в

новомодных ресторанах на воде. Ради бифштекса с картошкой в «Корабле» не нужно идти через всю палубу, где загорают голышом.

Старший констебль наконец отбыл.

— Такой персонаж только Фредди Ллойд бы сыграть! — с иронией заметил Тисдейл.

— Вы что же, театральная завсегдатай?

— Был, и не только театральным, я был завсегдатаем всех развлекательных мест.

Слух Гранта сразу уловил некую примечательную особенность в построении фразы.

— Почему «был»? — спросил он.

— Потому что теперь я разорился. Развлечения требуют денег.

— Вы, надеюсь, еще не забыли известную формулу, о которой сами недавно упомянули: «Все, что вы скажете, может быть использовано в суде...» и так далее?

— Нет, но все равно спасибо, что напомнили. Хотя это ничего не меняет. Я вам говорю то, что есть на самом деле. Если вы сделаете из сказанного мною неправильные выводы, это ваша вина, а не моя.

— Ага, выходит, вы меня проверяете, а не я вас. Ловко это у вас получилось. Отдаю вам должное. Ладно, давайте испытывайте меня. Поглядим, что у нас с вами выйдет. Я хочу знать, как могло получиться, что вы жили под одной крышей с женщиной и даже не знали ее полного имени. Вы ведь так сказали сержанту, верно?

— Да. Знаю, это выглядит неправдоподобно. К тому же довольно глупо. На самом деле все очень просто. Понимаете, однажды вечером я стоял на тротуаре возле кинотеатра Гейсти; было уже очень поздно, и я раздумывал, как мне быть дальше. В кармане у меня оказался один пятипенсовик, но это было ровно на пять пенсов больше, чем нужно. Потому что я твердо решил остаться совсем без гроша. Так вот я и размышлял, то ли мне срочно истратить пять пенсов, хотя непонятно, на что я мог их истратить, то ли сжульничать и притвориться, что у меня их как бы и нет. И вот...

— Минуточку. Может, я слишком непонятлив, но объясните, пожалуйста, почему эти пять пенсов имели для вас такое значение?

— Потому что это было все, что осталось от моего состояния, вот почему. Тридцать тысяч. Они мне достались от дяди, маминого брата. Моя фамилия Станвей, но дядя Том поставил условие: я получу

наследство, если возьму его фамилию. Я ничего не имел против. Тем более что Тисдейлы гораздо лучше Станвеев: все они люди положительные и умеренные. Будь я настоящим Тисдейлом, то наверняка не стал бы банкротом, но я почти целиком Станвей. Я повел себя как круглый идиот, я просто живая иллюстрация к назидательному рассказу о транжире и шалопае. До того как мне досталось наследство, я работал в конструкторском бюро, жил в меблированных комнатах и еле сводил концы с концами. Сумма показалась мне грандиозной, я решил, что мне не истратить ее за всю жизнь. Я бросил работу и отправился путешествовать по местам, о которых всегда мечтал и которые никогда не надеялся увидеть: в Нью-Йорк и Голливуд, Будапешт, Рим, на Капри и еще бог знает куда. Когда я вернулся в Лондон, у меня оставалось еще около двух тысяч; я намеревался положить их в банк и устроиться на работу. Два года назад мне это было бы нетрудно сделать, я имею в виду — отложить деньги. Тогда у меня не было знакомых, которые помогали бы мне их тратить. Но за два года я обзавелся кучей приятелей во всех концах света: в одном только Лондоне к моему возвращению их объявилось не менее дюжины. Потому и вышло так, что однажды утром я проснулся и обнаружил, что у меня осталась последняя сотня. Это меня несколько отрезвило — как ушат холодной воды. Впервые за два года я сел и задумался. У меня было две возможности. Первая — стать губкой; если ты опытная губка, то по полгода можно жить за счет друзей в шикарных отелях столиц всего мира. Мне ли этого не знать — сколько таких губок я сам питал в течение двух лет! Вторая возможность — покинуть высший свет, исчезнуть. Второй вариант показался мне менее хлопотным. Я мог просто исчезнуть. Люди бы это приняли как само собой разумеющееся: раз меня нет в Лондоне, значит, я где-нибудь на другом конце света — в одном из тех зланных мест, куда обычно ездят богатые бездельники вроде них. Понимаете, ведь все считали меня сказочно богатым, и исчезнуть, чтобы оставить их в этом приятном заблуждении, казалось значительно проще, чем остаться и сделаться предметом их насмешек, когда откроется правда.

Я расплатился по счетам, и у меня осталось пятьдесят семь фунтов. Тогда я решил поставить на последнюю карту — и, если повезет, начать новую жизнь. Само по себе это было мудрое решение, вполне достойное Тисдейлов. Ну я и поставил на Краснопевого на

скачках, а он взял да и пришел пятым. На двадцать с небольшим фунтов в кармане никакого дела не начнешь, кроме одного — стать разъезжим продавцом с собственной тележкой. Пришлось бы, конечно, вести кочевую жизнь. Это меня не особенно пугало — как-никак, перемена обстановки. Но оказалось, что с двадцатью семью фунтами нечего было думать даже об этом, поэтому я решил устроить себе последний шикарный вечер и продуть все до последнего пенса. Я решил, что потом заложу свой вечерний костюм и с этими деньгами пушусь в дорогу — куда глаза глядят. Я не рассчитал только одного — в полночь на Вест-Энде никто у тебя в залог ничего не возьмет, а показаться на дороге во фраке и вечерних лакированных туфлях будет, мягко говоря, странновато.

Ну вот, как я уже сказал, я стоял там в досаде на завалившийся пятипенсовик и раздумывал, что мне предпринять по поводу подходящей одежды и ночлега. Я находился как раз под светофором возле «Олдвика», знаете, как раз перед поворотом к Ланкастеру. В это время загорелся красный свет, и рядом со мной притормозила машина. В ней сидела Крис. Она была одна.

— Крис?

— Разумеется, тогда я еще не знал, что ее так зовут. Она мельком взглянула на меня. Улица была абсолютно пустынной. Только я и она — больше никого. Я оказался совсем рядом с дверцей машины и ничуть не удивился, как будто это было вполне естественно, когда она улыбнулась и спросила: «Вас куда-нибудь подвезти, мистер?» И я ответил: «Да, на край света», а она ответила: «Это мне не совсем по дороге. Чэттэм, Февершам, Кентербери и куда-нибудь к восточному побережью вас устроит?» Что ж, это тоже был выход: не мог же я стоять там всю ночь, а выдумать сколько-нибудь правдоподобную историю, чтобы напроситься на ночлег к одному из приятелей, я был не в состоянии. К тому же весь тот мир мне уже стал казаться чуждым. Она была очень приветлива со мной. Я не рассказал ей всего, что сказал сейчас вам, но вскоре она поняла, что я остался без гроша. Я пустился было в объяснения, но она сказала: «Хватит, я ничего не хочу знать. Давайте примем друг друга такими, как есть. Вы — Робин, я — Крис, и все». До этого я представился, как Роберт Станвей, она, сама о том не подозревая, вдруг назвала меня так, как меня все звали в

детстве, — Робин. Мои приятели звали меня Бобби. Мне было ужасно приятно, что кто-то снова назвал меня Робин.

— Почему же вы назвались Станвеем?

— Сам не знаю. Вероятно, хотелось отмежеваться от фамилии, с которой было связано мое злосчастное наследство. В любом случае этой фамилии я славы не прибавил. И в душе я всегда оставался Станвеем.

— Продолжайте.

— Продолжать-то больше почти нечего. Она предложила пожить у нее. Сказала, что живет одна, но... но что я буду гостем, не более того. Я спросил, не боится ли она рисковать, приглашая в дом человека с улицы, а она ответила: «Я всю жизнь только и делала, что рисковала, и мне всегда везло».

Я не очень-то верил, что мы уживемся, но все обернулось прекрасно. Она оказалась права. Принять друг друга такими, как есть, — это ее решение сделало нашу жизнь и легкой и приятной. Я понимаю, это странно звучит, но у меня было такое чувство, что мы знакомы сто лет. Если бы мы стали знакомиться по всем правилам, то нам, наверное, потребовались бы недели, а может, и месяцы для того, чтобы так легко и свободно общаться. Нам было хорошо вместе. Я не имею в виду ничего интимного, хотя она была чудо как хороша. Просто я считал ее молодчиной, она была сама доброта. У меня с собой не было и пары белья. Весь следующий день я провел в купальном костюме и чем-то халате, которые случайно оказались в коттедже. В понедельник миссис Питтс входит ко мне в комнату и говорит: «Вам чемодан, сэр!» — и бухает на пол чемодан, который я видел впервые в жизни. В нем оказалось абсолютно все: твидовый пиджак, брюки из шерстяной фланели, носки, рубашки — в общем, все, что требуется. Чемодан не новый, но на нем был ярлычок с моей фамилией. Она даже запомнила мою фамилию! Не могу передать вам, что я при этом почувствовал. Понимаете, впервые за многие годы мне кто-то что-то давал, а не брал. Последнее время меня окружали люди, которые только требовали: «Дай, дай, дай», «Бобби заплатит», «Бобби одолжит свою машину». Мной как человеком никто из них никогда и не интересовался. Они, по-моему, даже хорошенько не знали меня в лицо. Этот чемодан с одеждой меня окончательно доканал. Я был готов умереть ради нее, если бы это понадобилось. Она рассмеялась,

когда увидела меня в новом облачении, — вещи, конечно, были не такие дорогие, как те, к которым я привык за последнее время, но как раз на меня и сидели хорошо... Так вот, она рассмеялась и говорит: «Это, конечно, не с Бартон-стрит, но выглядит неплохо. И ты не можешь упрекнуть меня, что я не разбираюсь в размерах!»

И мы стали проводить все время вместе — загорали, бездельничали, читали, болтали, ходили купаться, даже готовили еду в отсутствие миссис Питтс. Я перестал думать о будущем. Она предупредила, что дней через десять ей нужно будет отсюда уезжать. Из деликатности я в первый же день хотел уйти совсем, но она не позволила. А потом я больше и не пытался. Так и вышло, что я жил у нее, не зная ее полного имени.

Он с облегчением вздохнул и откинулся на стуле.

— Теперь я понимаю, что психоаналитики не зря зарабатывают большие деньги. Уже давно я не испытывал такого удовольствия, как сейчас, когда наконец рассказал вам все.

Грант невольно улыбнулся: юноша так располагал к себе своей детской наивностью! Но тут же инспектор стряхнул с себя это чувство, как вылезший из воды пес. Обаяние. Самое опасное оружие из всего арсенала человеческих средств защиты. Его действие продемонстрировали сейчас у Гранта перед самым носом. Теперь Грант уже вполне бесстрастно и пристально вглядывался в добродушное, слабовольное лицо сидевшего перед ним молодого человека. Он знал по меньшей мере одного убийцу с точно таким же типом красоты: голубоглазый, приветливый, безобидный на вид, он бросил расчлененный труп своей возлюбленной в яму с известью. Глаза Тисдейла были особого, бледно-голубого цвета, который, по наблюдениям Гранта, присущ мужчинам, не мыслящим себя вне женского общества. Такие глаза бывают у маменькиных сынков и иногда у заядлых сердеедов.

Ладно, историю Тисдейла он проверит потом. А пока...

— И вы думаете, я поверю, что за все четыре дня, проведенные с мисс Клей, вы так и не догадались, кто она такая? — спросил он, стараясь незаметно подвести Тисдейла к самому важному для него вопросу.

— Я подозревал, что она актриса. Отчасти по тому, — о чем она говорила, но главным образом по количеству киножурналов в доме.

Однажды я спросил ее об этом, но она сказала: «Никаких имен и никаких допросов, Робин. Так будет лучше. Не забудь, о чем мы договаривались».

— Понятно. Среди одежды, которую купила для вас мисс Клей, был плащ?

— Нет. Только дождевая накидка. Пальто у меня свое.

— Значит, поверх вечернего костюма на вас было пальто?

— Да. Когда мы отправились обедать, моросил дождь. Мы — я имею в виду всю компанию.

— Оно и сейчас у вас?

— Нет. Его украли из машины, когда мы ездили осматривать Димчарч. — В глазах Тисдейла вдруг появилось беспокойство. — А что? Какое отношение имеет ко всему этому пальто?

— Вы заявили о краже?

— Нет. Ни она, ни я не хотели привлекать к себе лишнего внимания. Но что...

— Расскажите мне, пожалуйста, поподробнее про утро четверга.

Лицо человека, сидевшего напротив Гранта, стало меняться на глазах: из беззаботного оно снова сделалось напряженным, даже враждебным.

— Как я понял, вы не отправились купаться вместе с мисс Клей, так?

— Так. Но я проснулся сразу же после того, как она уехала...

— Откуда вы знали, когда именно она уехала, если спали?

— Потому что было только шесть утра. Она не могла уехать намного раньше, и миссис Питтс потом подтвердила, что я вышел из дому буквально за ней следом.

— Так. И, грубо говоря, за те полтора часа, что прошли между тем, как вы встали с постели, и тем, когда увидели тело мисс Клей на берегу, вы успели дойти до Расщелины, украсть ее машину, доехать почти до Кентербери, раскаявшись в содеянном, вернуться назад и обнаружить, что она утонула. Я ничего не упустил?

— Пожалуй, ничего.

— Если вы действительно испытывали к мисс Клей, по вашим же словам, огромную благодарность, как вы объясните кражу ее машины? Это, по-моему, чудовищно.

— Не то слово! Я и теперь не могу поверить, что я действительно это сделал.

— Вы уверены, что не входили утром в воду?

— Конечно уверен, а в чем дело?

— Когда вы последний раз купались? Я имею в виду до утра четверга?

— Во вторник днем.

— Ваш купальный костюм в четверг был абсолютно мокрым.

— Откуда вы это знаете? Ну да, он был мокрый. Но не от соленой воды. Я разложил его просушить у себя под окном, а когда стал в четверг одеваться, то заметил, что птицы, которые сидели высоко на яблоне, вон той, ветви закрывают фонарь, — так вот, птицы обошлись с моим купальником довольно нагло. Поэтому я простирал его снова в той воде, в которой только что помылся.

— Вы не вывесили его сушиться опять?

— Опять туда же?! После того, что эти птицы учудили? Нет, я повесил его на сушилку для полотенец. Бога ради, инспектор, объясните же наконец, какое отношение все это имеет к смерти Крис? Неужели вы не видите, что вопросы, смысл которых мне непонятен, пытка для меня? Все это выше моих сил. Утреннее слушание было последней каплей. Один за другим они снова и снова описывали, как обнаружили тело. Тело! Какое тело, когда это Крис, Крис! А теперь вы со своими вопросами и недоверием к каждому моему слову. Даже если не все ясно с обстоятельствами ее смерти, какое отношение к этому имеет мое пальто?

— А такое, что в ее волосах запуталось вот это.

Грант открыл картонный коробок, лежавший перед ним на столе, и извлек оттуда пуговицу от мужского пальто. Она была вырвана с мясом, оборванные нитки болтались вокруг ее ушка, и в них запуталась тонкая прядка золотистых волос. Тисдейл вскочил со своего места и, опершись о стол, склонился над предметом:

— Так вы считаете, что кто-то утопил ее? Взял и просто утопил?! Но пуговица не моя. Таких пуговиц сотни и тысячи. Почему вы решили, что она моя?

— Я еще ничего не решил, мистер Тисдейл. Я просто рассматриваю разные варианты, чтобы свести их количество до минимума. От вас я хотел бы одного: чтобы вы вспомнили, на каких

предметах вашей одежды могли быть такие же пуговицы. Вы сказали, что у вас было пальто, но его похитили.

Тисдейл, не мигая, уставился на инспектора, то беспомощно открывая, то вновь закрывая рот. В дверь небрежно постучали, она тут же распахнулась настежь, и посреди комнаты оказалась худенькая девочка-подросток лет шестнадцати, в потертом твидовом пиджаке, с непокрытой головой и спутанными волосами.

— Ой, извините, — проговорила сия молодая особа. — Я думала, отец у себя. Еще раз простите.

В этот момент Тисдейл без чувств грохнулся ничком об пол. Грант, сидевший по другую сторону стола, вскочил, но худенькая девчушка, без видимой спешки, оказалась возле Тисдейла раньше.

— Ай-ай-ай! — проговорила она и, обхватив безжизненное тело за плечи, ловко перевернула Тисдейла на спину. Грант взял с дивана подушку, чтобы подложить ему под голову.

— А вот этого не надо, — сказала она. — Голова в таких случаях должна лежать ровно, если только это не апоплексический удар, а апоплексии у таких молодых не бывает.

Произнося это, она расстегивала ему воротничок и развязывала галстук с проворством стряпухи, обравнивающей сладкий пирог. Грант заметил, что ее загорелые худенькие запястья покрыты царапинами разной стадии заживления и что рукава ее ковбойки для нее слишком коротки.

— Кажется, бренди вон в том шкафу. Отцу пить нельзя, но он все равно не слушается.

Грант действительно обнаружил бренди в указанном месте, а когда вернулся к Тисдейлу, то увидел, что она легонько, но настойчиво похлопывает еще не пришедшего в сознание юношу по щекам.

— Вы, я смотрю, прекрасно знаете, что надо делать в таких случаях.

— Еще бы, я руковожу школьным кружком гидов-инструкторов.

Манера общения у нее была лаконичная, но вполне дружелюбная.

— Оч-чень глупая организация, но по крайней мере вносит в жизнь хоть какое-то разнообразие. А разнообразие — это самое главное в жизни.

— Так всему этому вас научили в кружке гидов?

— Да нет, что вы. Там они в таких случаях дают понюхать горелую бумагу или ароматические соли. А этому я выучилась в раздевалке.

— Где?!

— В раздевалке, в клубе спортивной борьбы. Я всегда болела за Пете, но в последнее время у него пропала быстрота, реакция стала замедленной. Во всяком случае, надеюсь, что с ним ничего плохого не приключилось, только это. Сейчас очнется. — Последнее ее замечание относилось к Тисдейлу. — Теперь, пожалуй, ему можно дать бренди.

Пока Грант вливал алкоголь в горло Тисдейла, она спросила:

— Вы что же, допрашивали его с применением силы? Вы полицейский, да?

— Послушайте, милая барышня, простите, не знаю вашего имени...

— Эрика. Эрика Баргойн.

— Так вот, дорогая мисс Баргойн, как дочери старшего констебля, вам должно быть известно лучше других, что от применения силы в нашей стране больше всего страдает в первую очередь сама полиция.

— Тогда отчего он потерял сознание? Он что, преступник?

— Я не знаю, — вырвалось у Гранта.

— Едва ли, — сказала она, окидывая закашлявшегося Тисдейла задумчивым взглядом. — Навряд ли он годится на что-нибудь путное.

Она произнесла это все тем же тоном стороннего наблюдателя, выдавшего и не такое.

— Не поддавайтесь внешнему впечатлению, оно бывает обманчиво, мисс Баргойн.

— А я и не поддаюсь. То есть не в том смысле, о чем вы подумали. Он не в моем вкусе. По внешнему виду тоже можно многое сказать, надо только разбираться, что к чему. Вы же не станете, например, покупать хорошенького жеребца, если у него глаза близко посажены?

Грант вынужден был признаться себе, что это самая удивительная беседа из всех, которые ему когда-либо приходилось вести. Девушка стояла перед ним засунув руки в карманы пиджака, которые от долгого употребления совсем отвисли. Рукава были обтрепаны, а из самого пиджака в местах, где его зацепили шипы ежевики, торчали нитки. Из юбки она давно выросла, и один чулок на тонкой, как спичка, ноге был

весь перекручен. Лишь по ее ботинкам, расцарапанным, как и руки, но прочным, на толстой подошве и явно дорогим, можно было догадаться, что она не из сиротского приюта. Но затем Грант перевел взгляд на ее лицо. Оно явно свидетельствовало о том же. Спокойная независимость бледненького треугольного личика не могла явиться следствием воспитания на деньги добровольных пожертвователей.

— Так-то лучше! — ободряюще сказала она, обращаясь к Тисдейлу, пока Грант помогал ему подняться и подводил к стулу.

— Сейчас вам станет совсем хорошо. Хлебните-ка еще немного бренди. Лучше выпейте его вы, чем отец, он все равно изведет все виски как бы на растирания. Я пошла. Вы не знаете, где отец? — обратилась она к Гранту.

— Пошел перекусить в «Корабль».

— Спасибо, — и, обращаясь к еще не вполне очнувшемуся Тисдейлу, добавила: — У вас воротник слишком тесный.

Когда Грант уже собирался распахнуть перед нею дверь, она проговорила:

— Кстати, вы так и не сказали, как вас зовут.

— Грант. Всегда к вашим услугам. — И он отвесил ей легкий поклон.

— Пока я в них не нуждаюсь, но, может, когда и воспользуюсь.

Она задержала на Гранте внимательный взгляд. Грант поймал себя на мысли, что ему ужасно не хочется, чтобы она и его причислила к категории «хорошеньких жеребчиков».

— Вот вы в моем вкусе, — услышал он. — Мне нравится, когда у мужчин широкие скулы. До свидания, мистер Грант.

— Кто это? — спросил Тисдейл слабым, безучастным голосом.

— Дочка полковника Баргойна.

— Она права насчет моего воротничка.

— Это что, один из подаренных?

— Да. Вы меня арестуете?

— Нет, с чего вы взяли?

— Это было бы не так уж и плохо.

— Да ну? Отчего же?

— Сам собою решил бы вопрос, куда мне деваться. Из коттеджа я утром ушел. И теперь без крыши над головой.

— Вы серьезно решили начать бродячую жизнь?

— Конечно. Вот только обзаведусь подходящей экипировкой.

— Мне бы хотелось, чтобы вы задержались на какое-то время. Вдруг мне понадобится от вас дополнительная информация.

— Понимаю. Но куда мне деться?

— А что если вам вернуться опять в конструкторское бюро? Почему не попытаться найти работу?

— Никогда больше туда не вернусь. Только не в бюро. Меня туда сунули потому, что я умею чертить.

— Следует ли понимать вас так, что вы считаете себя неспособным заработать на кусок хлеба?

— А вы язва! Нет, от работы я не отказываюсь. Вопрос только в том, на что я гожусь.

— За те два года, пока вы болтались в высшем свете, должны же вы были ну чему-то научиться, ну машину водить, что ли.

В это время почтительно постучали и в дверь просунулась голова сержанта.

— Извиняюсь, что потревожил вас, сэр, но мне нужно кое-что проверить по картотеке шефа. Срочно.

Получив разрешение, он вошел в кабинет.

— В этот сезон у нас на побережье весело. Прямо как на континенте, — заметил он, просматривая картотеку. — Ага, вот он, шеф-повар в «Моряке». Это за городом, значит, в нашем округе. Так вот, шеф-повар в «Моряке» пырнул ножом официанта за то, что у него перхоть. У официанта то есть. Теперь шеф-повар на пути к тюрьме, а официант — к больнице. У него, кажется, задето легкое. Ну ладно, спасибо, сэр. Еще раз извините за беспокойство.

Грант посмотрел на Тисдейла. Тот с меланхолично-рассеянным видом поправлял узел галстука. Поймав взгляд Гранта, Тисдейл вначале выразил полное недоумение, но затем догадался и с живостью спросил:

— Послушайте, сержант, вы не знаете, они нашли замену официанту?

— Точно знаю, что не нашли. Менеджер, мистер Тозелли, волосы на себе рвет.

— У вас ко мне больше нет вопросов? — спросил юноша Гранта.

— На сегодня все. Желаю удачи, — отозвался Грант.

— Нет, еще никого не арестовали, — сообщил Грант по телефону начальнику криминального отдела Скотланд-Ярда, Баркеру. Разговор происходил ранним вечером. — Однако в том, что это убийство, у меня никаких сомнений нет. Медицинский эксперт тоже в этом убежден. Пуговица в волосах, конечно, могла оказаться случайностью, хотя если бы вы сами ее видели, то тоже пришли бы к заключению, что это не случайность; но, помимо этого, у нее все ногти обломаны, будто она за что-то цеплялась. Все, что удалось обнаружить под ногтями, сейчас на анализе, но там задержалось не много — после целого часа в морской воде, сами понимаете.

Что?.. Видите ли, все сходится на одном человеке, но странным образом одни улики исключают другие. Думаю, разобраться будет сложно. Я оставляю здесь пока Вильямса, для того чтобы он занялся выяснением и уточнением обычных деталей, а сам хочу сегодня вечером вернуться в город. Надо увидеться с Эрскином, ее поверенным. Он приехал к самому началу слушания, а я потом провозился с Тисдейлом и упустил его. Будьте добры, узнайте, когда он сегодня попозднее сможет уделить мне время. Похороны состоятся в понедельник на кладбище Голдерс-Грин... Да, будут кремировать. Пожалуй, я тоже туда заеду. Хочу взглянуть на ее друзей-приятелей... Да, может, пойду пропустить стаканчик, но это будет зависеть от того, когда я освобожусь... Спасибо.

Грант повесил трубку и присоединился к Вильямсу. Тот решил попить чайку: для обеда было еще слишком рано, а Вильямс обожал яйца с беконом и большим количеством жареного хлеба.

— Сегодня воскресенье, так что наши расследования насчет пуговицы могут несколько притормозиться, — заметил Грант, устраиваясь рядом. — Ну а что говорит миссис Питтс?

— Говорит, что не знает, было на нем пальто или нет. Она только видела его макушку поверх живой изгороди, когда он проходил мимо ее дома. Правда, было на нем пальто надето в то утро или нет, в сущности, не важно, потому что, по словам миссис Питтс, оно, как и пальто мисс Клей, обычно лежало за сиденьем в машине. Миссис

Питтс не помнит, когда она видела это пальто в последний раз. Он часто его надевал — и по утрам, и по вечерам. Она говорит, что он вообще был «зяблик». Считала, это оттого, что он долго прожил в теплых краях. Вообще, она о нем невысокого мнения.

— Считает его негодяем?

— Да нет. Просто никчемным парнем. Сдается мне, сэр, что совершил это дело очень умный человек.

— Почему вы так решили?

— Не объявись эта пуговица, никто ничего и не заподозрил бы. Сочли бы, что она утонула. Было известно, что она каждое утро ходит купаться, так что ничего необычного в ее смерти не было бы. Ни следов чужих на берегу, ни оружия, никаких внешних признаков насильственной смерти. Все очень аккуратно исполнено.

— Да, действительно, аккуратно.

— Не слышу в вашем голосе особого восторга, сэр.

— Меня смущает это чертово пальто. Если бы вы собирались утопить женщину в море, неужели вы бы надели плащ или пальто?

— Не знаю. В зависимости от того, какой способ я захотел бы избрать.

— Ну и какой же способ вы бы предпочли?

— Поплыл бы вместе с ней, а потом пригнул бы ей голову и подержал под водой.

— Тогда наверняка у вас все руки окажутся расцарапанными. Уже улика.

— У меня бы никаких царапин не нашли. Я бы схватил ее за щиколотки, пока мелко, а потом, где поглубже, просто перевернул бы ее вверх тормашками и держал так, пока не утонет.

— Ну и Вильямс! Ну и злодей!

— А как бы вы это сделали, сэр?

— Идея с водной акробатикой меня не прельщает. А вдруг я вообще не умею плавать или боюсь холодной воды? Или, предположим, мне надо как можно быстрее исчезнуть, а тут пока еще выберешься из воды, пока оденешься... Нет, я бы взобрался на скалу где-нибудь на глубоком месте, окликнул бы ее, а когда она подплыла, схватил бы за голову и держал под водой. Таким образом, она бы могла мне только руки расцарапать, но, чтобы избежать этого, я бы надел

кожаные перчатки. Через несколько секунд она бы потеряла сознание — и все было бы кончено.

— Великолепно, сэр, только такой метод на мили от Гейна нигде нельзя применить.

— Почему это?

— Утесов нет.

— Ага, правильно. Молодец. Но можно найти им замену: каменные гряды, которые уходят далеко в море.

— Точно! Вы думаете, так оно все и случилось, сэр?

— Как знать? Пока это всего лишь теория. Но пальто все-таки меня сбивает с толку.

— Не вижу на это причины, сэр. Утро было туманное, и в шесть утра еще довольно прохладно. Любой мог быть в пальто.

— Возмо-о-жно, — протянул Грант и решил пока больше не думать про пальто. (Это был один из тех случаев, когда маленькая деталь не укладывалась в привычное логическое построение: частенько именно внимание к таким алогичным деталям обеспечивало Гранту успех в решении сложного дела.)

Грант стал давать Вильямсу указания по поводу того, чем ему заниматься, пока он сам будет в городе. Под конец он сказал:

— Я только что снова виделся с Тисдейлом. Он получил место официанта в «Моряке». Не думаю, что он пустится в бега, но для верности приставьте к нему человека. Полагаю, Сангер с этим справится. Вот предполагаемый маршрут, по которому проехал Тисдейл, когда угнал машину. — С этими словами он передал Вильямсу лист бумаги и добавил: — Перепроверьте его. Может быть, несмотря на ранний час, кто-нибудь запомнил его или машину. Главное, узнайте: был ли он в пальто. Мое мнение таково, что он действительно угонял машину. Но не по тем причинам, которые назвал.

— Когда я прочел его показания, то решил, что он дал очень неправдоподобное объяснение. Неужели ничего лучше не смог выдумать? Как вы считаете, сэр, почему он это сделал?

— Когда он ее утопил, то, вероятно, первой его мыслью было поскорее убраться отсюда подальше. С машиной он смог бы очутиться на другом конце Англии или даже за границей прежде, чем был бы обнаружен труп. Но потом что-то его остановило: он понял, что делает

великую глупость. Может спохватился, что на обшлага не хватает пуговицы. Во всяком случае, до него дошло, что самое безопасное для него — оставаться на месте и делать невинный вид. Он избавился каким-то манером от обличающего его пальто — даже если он и не заметил отсутствия пуговицы, рукава пальто должны были быть по локоть мокрые, — повернул назад, поставил на место машину, обнаружил, что благодаря приливу тело уже нашли, и прекрасно разыграл на пляже сцену шока. Ему даже не очень-то пришлось и притворяться: одной мысли о том, что он чуть не свалил дурака, наверное, оказалось вполне достаточно, чтобы впасть в истерику.

— Так вы считаете, это все-таки он?

— Не знаю. Мне кажется, у него не было мотива. Он остался без гроша, а она была женщиной щедрой. У него были все основания желать ей долгой жизни. Он, конечно, был ею увлечен. Он утверждает, что не был в нее влюблен, но на его слова мы полагаться не можем. Хотя думаю, он не соврал, когда сказал, что между ними ничего не было. Он мог быть на нее зол за это, но мне кажется, он скорее всего просто накинулся бы на нее с кулаками. А убийство, и это самое отвратительное, Вильямс, совершено с холодным расчетом.

— Вы совершенно правы, сэръ. У меня прямо все внутри переворачивается, — сказал Вильямс, любовно подцепляя вилкой кусок отменного вилтширского сыра и отправляя его в рот.

Глядя на него, Грант невольно улыбнулся. Ради этой улыбки его подчиненные готовы были за него в огонь и в воду. Он и Вильямс, часто работали в паре, и всегда к обоюдному удовольствию и в полном согласии. Главным образом, вероятно, оттого, что Вильямс, дай ему Бог здоровья, никогда не помышлял о карьере. В глубине души он был в гораздо большей степени добрым супругом своей хорошенькой преданной женушки, чем честолюбивым сержантом криминальной полиции.

— Жаль, что я не успел перехватить ее поверенного после слушания. Мне многое надо у него выяснить, а теперь одному Богу известно, где он будет проводить уик-энд. Я запросил в Ярде досье на нее, но поверенный наверняка сможет мне рассказать гораздо больше. Надо выяснить, кому она завещала деньги. Для Тисдейла ее смерть — катастрофа, но, возможно, для многих — это подарок судьбы. Поскольку она американка, то, вероятнее всего, ее завещание где-

нибудь в Штатах. К моему приезду в Ярде уже будут все нужные сведения.

— Кристина Клей никакая не американка, сэр! — воскликнул Вильямс таким тоном, будто его безмерно удивила неосведомленность Гранта.

— Да? А откуда она?

— Уроженка Ноттингема.

— Но все говорят о ней как об американке.

— Факт есть факт. Родилась в Ноттингеме и школу там окончила. Говорят, потом работала на кружевной фабрике, хотя тут за правду не поручусь.

— Я и забыл, что вы киношный фан. Давайте выкладывайте, что вам еще о ней известно.

— Как вам сказать, я знаю только то, что вычитал в таких журналах, как «Мир кино», «Фото» и прочих. Они, конечно, печатают массу всякой чепухи; с другой стороны, часто публикуют самые интимные факты — только чтобы привлечь читателей. Она не любила давать интервью. Каждый раз излагала события своей жизни по-новому. А когда ей на это указывали, говорила: «Ну, прошлый рассказ у меня вышел очень скучный! Я придумала поинтереснее». Каждый раз не знали, чего от нее ждать. Все объясняли ее темпераментом.

— А вы бы это иначе объяснили? — живо спросил Грант, чей слух всегда чутко схватывал любую еле заметную интонацию.

— Пожалуй, да, иначе. Мне всегда представлялось, что это ее средство самозащиты. Понимаете, люди ведь только в том случае могут причинить вам боль, если они хорошо знают ваши слабые места. А коли они не знают, кто вы есть на самом деле, то вы сами можете ими вертеть как вздумается, а не они вами.

— Бывшая работница кружевной фабрики, которая сумела пробиться в кинозвезды, вряд ли могла остаться легкоранимой.

— Как раз потому она и была такой, как там вы ее сейчас назвали, что вышла из работниц. Ее карьера была головокружительной: каждые полгода она оказывалась уже в ином, новом для нее мире. А это требует железной выдержки. Это все равно как ныряльщик, когда он стремительно поднимается из глубины на поверхность: приходится все время приспосабливаться к меняющемуся давлению. Нет, я думаю, ей

необходима была раковина, куда она могла спрятаться, — и пусть все теряются в догадках, где она на самом деле.

— Оказывается, вы были ее фаном, Вильямс?

— Точно, был, — коротко ответил Вильямс, и его розовые щеки еще чуть-чуть порозовели. Он в сердцах шлепнул джем на огромный кусок хлеба. — И я не успокоюсь, пока не защелкну браслетки на руках парня, который это сделал.

— У вас есть соображения, кто это мог быть?

— Вы, конечно, можете на меня обижаться, сэр, но, по-моему, вы упускаете из виду человека, у которого явно был мотив.

— Кого это?

— Джасона Хармера. Чего он тут вынюхивал с утра пораньше?

— Приехал из Сэндвича. Там ночевал на постоялом дворе.

— Это он так говорит. Местная полиция это проверяла?

Грант сверился со своими записями:

— Вроде бы нет. Он давал показания до того, как нашли пуговицу, тогда еще никто ни о чем не подозревал. А потом все сосредоточились на Тисдейле.

— Мотив у Хармера достаточно серьезный. Клей его бросает, и он застаёт ее в коттедже с мужчиной.

— Да, ничего не скажешь, весьма правдоподобно. Тогда добавьте к своему, списку дел еще и перепроверку Хармера. Узнайте, что у него с собой из одежды.

СОС по поводу брошенного пальто уже разослан. Надеюсь, он даст какие-то результаты. Пальто — это все-таки более солидная улика, чем пуговица. Кстати, Тисдейл утверждает, что весь гардероб, кроме вечернего костюма, продал старьевщику с подходящей фамилией Тогер — в тогу облаченный, но он не знает, где его основная база. Это не тот ли, что располагался на Кровен-роуд?

— Тот самый.

— А где он теперь?

— В Вестбурн-Гроув, на самой окраине.

— Спасибо. Не сомневаюсь, что Тисдейл тут не соврал. Но есть вероятность, что такого же типа пуговицы и на другом его пальто. Это может тоже нам что-нибудь прояснить. Ну ладно, принимайтесь за работу, — заключил Грант, решительно вставая. — Хотя работа пока

что идет вхолостую — как на кирпичном заводе: печь для обжига есть, а глины на кирпичи нет.

Он вынул из кармана «Страж» — так назывался дневной выпуск «Кларион» — и положил его рядом с тарелкой Вильямса. Набранный крупными буквами на первой странице заголовок гласил:

«Была ли смерть Кристины Клей несчастным случаем?»

— Опять этот Джемми Хопкинс! — с отвращением воскликнул Вильямс и досадливо бросил в крепкий чай кусок сахара.

Марта Халлард, как и полагалось ведущей актрисе, известной почти столь же широко, как собор Святого Джеймса или Хаймаркет, занимала апартаменты в доме, где лестницы были устланы ковровыми дорожками и в коридорах царила торжественная тишина. Устало поднимаясь по лестнице, Грант по достоинству оценил мягкий ковер под ногами, мельком подумав о том, каких трудов стоит пылесосить его каждый день. Он еще только входил с улицы через вертящуюся дверь, когда бледно-розовый лифт бесшумно заскользил вверх, поэтому, не дожидаясь его возвращения, Грант стал подниматься на второй этаж пешком. Консьержка сказала, что Марта у себя, около одиннадцати она приехала из театра и с нею еще несколько человек. Грант пожалел, что она не одна, но был полон решимости до исхода дня все-таки составить хоть какое-то представление о Кристине Клей и о тех, кто ее окружал. Баркеру не удалось назначить для него встречу с адвокатом. Его слуга сказал, что хозяин, в шоке от происшедшего, удалился в деревню, не оставив адреса, и не вернется раньше понедельника. (Вам попадался хоть когда-нибудь адвокат, подверженный шокам? — заметил по этому поводу Баркер.) Так что с содержанием завещания, которое больше всего интересовало Гранта, придется ждать до понедельника. В Скотланд-Ярде он прочел ее досье — пока что неполное, а только то, что им удалось собрать за последние двенадцать часов, — всего пять страниц, и в нем только два обстоятельства привлекли внимание Гранта. Ее настоящее имя было Кристина Готобед. И у нее не было любовников. Во всяком случае официально. Даже в те решающие годы, когда незаметный бродвейский цветочек вдруг пышно расцвел и превратился в эстрадную певицу — звезду первой величины, у нее не было покровителя. Не было и позже, когда от музыкальных комедий она перешла к драме. Казалось, она взлетела к звездам только за счет собственных талантов. Это могло означать одно из двух: либо она до своего замужества в двадцать шесть лет оставалась девицей (что Грант, знакомый с жизнью не по учебникам психологии, считал вполне вероятным), либо она дарила свои ласки, лишь подчиняясь велению

сердца (или капризу — все зависит от того, кто это говорит, романтик или циник). Четыре года назад лорд Эдуард Чампни (известный публике как Чинс), пятый сын старого Бада, встретился с ней в Голливуде, а через месяц они поженились. В то время шли съемки ее первого серьезного фильма, и, по общему мнению, «замужество пошло на пользу ее карьере». Два года спустя лорда Эдуарда знали уже только как «мужа Кристины Клей». Говорили, что он воспринял это совершенно спокойно. И брак оказался прочным. Судя по всему, они относились друг к другу дружески и со взаимным уважением. Вероятно, этому способствовала профессия Кристины, требовавшая от нее немало времени и сил; с другой стороны, основной интерес в жизни сэра Эдуарда (помимо Кристины) составляло посещение далеких стран, населенных дикими племенами, и их последующее описание. Пока он готовил очередную книгу, они с Кристиной жили более или менее под одной крышей и явно были довольны обществом друг друга.

То обстоятельство, что сэр Эдуард хоть и был пятым сыном, тем не менее обладал огромным состоянием, доставшимся ему от брата его матери («кожаного короля» Бремера), видимо, спасало брак от наиболее обычных в таких случаях опасностей. Гармонию довершало искреннее восхищение сэра Эдуарда своей талантливой женой.

Каким образом можно было согласовать все эти сведения из досье с убийством? — снова и снова спрашивал себя Грант, поднимаясь по ступеням. Хармер? Да, он был с ней рядом все три месяца, пока она снималась в Англии. Да, у них были общие интересы (продюсеры по-прежнему стремились, чтобы по сценарию Кристина пела: публика считала себя обманутой, если Кристина в фильме не пела), и мир праздных господ не сомневался в их интимных отношениях, что бы там ни утверждали их товарищи по ремеслу. Может, Тисдейл? Истеричный юнец, которого она подобрала, поддавшись порыву великодушия или минутной прихоти в момент, когда у нее было бесшабашное настроение и она сама не знала, чего хочет? Ладно, с Тисдейлом он как-нибудь разберется сам. Тем временем надо выяснить, какую роль в ее жизни играл Хармер.

Он поднялся до площадки второго этажа, когда услышал, как негромко щелкнула дверь лифта, и, повернув за угол, столкнулся нос к

носу с Джемми Хопкинсом, как раз отнимавшим руку от кнопки звонка.

— Так, так! — заметил Джемми. — Да тут, оказывается, собирается теплая компания!

— Надеюсь, у вас есть приглашение?

— А я надеюсь, у вас есть ордер на обыск? В наши дни, увидев полицейского на пороге, люди тут же вызывают адвоката. Послушайте, инспектор, — торопливо добавил он уже совсем другим тоном, — давайте не будем мешать друг другу. Нам обоим пришла в голову одна и та же идея — поговорить с Мартой. Соединим усилия и сравним результаты. Не обязательно толкаться локтями.

Из чего Грант заключил, что Джемми далеко не уверен в радушном приеме. Он прошел вслед за Грантом в небольшой холл молча, не называя своего имени, и Грант, хоть и восхитился изворотливостью Джемми, решил не брать под свою защиту обнахалившуюся прессу.

— Этот джентльмен, насколько я знаю, из «Кларион», — сказал он горничной, уже повернувшейся, чтобы доложить об их приходе.

— Вот оно что! — воскликнула та, поглядывая на Хопкинса без большого энтузиазма. — Мисс Халлард всегда к вечеру чувствует себя очень утомленной, и, потом, сейчас она занята, у нее друзья.

Но Хопкинсу на этот раз сопутствовала удача, и его все-таки не изгнали. Двойные двери, ведущие во внутренние комнаты, распахнулись, и оттуда донесся громкий, возбужденный голос:

— Мистер Хопкинс! Как мило! Наконец-то вы нам сами расскажете, о чем там трезвонят сегодняшние дневные выпуски! Я и не подозревала, что ты знакома с мистером Хопкинсом, дорогая Марта!

— Кто бы мог подумать, что придет такой час, когда я буду рад услышать этот голос, — пробормотал Хопкинс, делая шаг навстречу говорившей, в то время как Грант повернулся к входящей в комнату хозяйке. Она приветствовала его улыбкой:

— Алан Грант! Деловой визит или просто решили навестить меня?

— И то и другое. Окажите мне услугу: не объявляйте этим людям, кто я на самом деле. Ведите себя так, словно меня нет. Если сможете,

избавьтесь от них поскорее. Я хотел бы поговорить с вами один на один.

— Для вас я готова сделать что угодно. Я вспоминаю о вас всякий раз, как надеваю свой жемчуг.

Грант, разумеется, не дарил ей жемчужного кольца, он просто сумел отыскать его, когда оно было украдено.

— Входите же, я вас представлю остальным. Это ваш приятель? Кто он?

— Он не мой приятель. Это Хопкинс из «Кларион».

— А, тогда понимаю, отчего Лидия так горячо его приветствовала. А еще говорят, что актеры гоняются за прессой!

Она повела Гранта в гостиную, по пути представляя ему своих гостей. Первым был Клемент Клементс, фотограф светской хроники. Он весь блестел и переливался: под ярко-красным фраком на нем была желтая, как масло, рубашка из мягкой ткани. Он никогда в жизни не слышал об Алане Гранте, что дал понять весьма недвусмысленно. Вторым оказался некий военный в чине капитана — явно один из многочисленных поклонников Марты. Он цепко держался за свой бокал виски с содовой, как за единственный знакомый объект на совершенно чуждой ему территории, третьей была Джуди Селлерс — светловолосая девица с угрюмым лицом; из года в год она снималась в одном и том же амплуа «туповатых блондинок», и вся ее жизнь была сплошной борьбой между аппетитом и страхом расползеть. Четвертой оказалась «та самая наперсница звезд», мисс Лидия Китс, которая из кожи вон лезла, чтобы заинтересовать своей особой Хопкинса, и была в полном восторге от его общества.

— Просто мистер Грант? — ядовито переспросил Хопкинс, услышав, как Марта представляет Гранта.

— А что, разве не так? — насторожилась Лидия. Ее глаза загорелись любопытством.

— Не так, не так! — пропел Хопкинс, но, встретив взгляд Гранта, не решился продолжать. Наживать себе врага в лице инспектора криминальной службы было более чем глупо. — Он обладатель громкого греческого титула, но стесняется об этом упоминать. Свой титул он получил за то, что выловил в одной прачечной рубашку особы королевской крови.

— Не обращайтесь на него внимания, мистер Грант. Он обожает слушать самого себя. Он часто брал у меня интервью, но так меня ни разу и не выслушал. Это не его вина. Едва он в первый раз переступил мой порог, как я поняла, что он родился под созвездием Рыб. А вот вы, мистер Грант, конечно, Лев. Правильно? Нет, можете мне не говорить, я и так знаю. Даже если бы я не чувствовала это здесь... — она постучала кулачком по плоской груди, — то все равно не ошиблась бы: все признаки Льва у вас налицо.

— Надеюсь, они не очень пугающие? — спросил Грант, думая только о том, как бы поскорее вырваться из когтей этой гарпии.

— Пугающие? Что вы, мистер Грант! Сразу видно, что вы ничего не понимаете в астрологии. Рожденный под знаком Льва — это король. Такие люди — баловни звезд. Им обеспечены успех и слава. Они — владыки мира.

— Когда же надо родиться, чтобы находиться под покровительством Льва?

— Между серединой июля и серединой августа. Думаю, вы родились в начале августа.

Грант полагал, что ничем не выдал своего удивления. Он действительно родился четвертого августа.

— С Лидией просто страшно иметь дело, — вмешалась Марта, передавая Гранту бокал. — Год назад она составила гороскоп для бедной Кристины Клей и предсказала ей смерть.

— И наконец-то попала в точку! — заметила девица Джуди, поглощая сэндвич за сэндвичем.

Лицо Лидии исказилось от ярости, и Марта поспешила утихомирить готовую вспыхнуть ссору.

— Это нечестно с твоей стороны, Джуди. Предсказания Лидии и до этого часто сбывались. Помнишь, она ведь предупредила Тони Пикина, что может произойти, еще до того, как он попал в автокатастрофу. Если бы он прислушался к ее словам и стал осторожнее, то не лишился бы обеих ног. И мне она сказала, чтобы я не принимала приглашения Клайнса и...

— Марта, дорогая, я не нуждаюсь в твоей защите. Тут дело не во мне. Я только читаю судьбу по звездам. А они не лгут. Чего другого и ждать от рожденной в созвездии Овна. Они обычно ни во что не верят и не способны увидеть то, что у них под самым носом.

— Приготовиться: ринг! — прошептал Джемми и щелкнул по дужке очков: «Начали!»

Но матч не состоялся: их отвлек Клементс.

— Мне хочется знать не про то, что Лидии открыли звезды, а про то, что полиция открыла в Вестовере, — проговорил он манерно.

— А я хотела бы узнать, кто ее кокнул, — подала голос Джуди, откусывая большой кусок очередного сэндвича.

— Джуди! — укоризненно воскликнула Марта.

— Да бросьте вы! Признайтесь, все мы думаем об одном и том же: перебираем возможные варианты. Лично я ставлю на Джасона. Кто принимает ставку на Джасона?

— Почему именно Джасон? — спросил Клементс.

— Потому что он один из этих пламенных иудеев, в которых бурлят страсти, и они обожают горячие ванны.

— Джасон бурлит? — запротестовала Марта. — Он поет, как веселый чайник.

Грант украдкой взглянул на нее. Значит, она готова защищать Джасона. Интересно, насколько сильно она к нему привязана.

— Джасон слишком быстро выдыхается, где уж ему бурлить.

— И в любом случае, — вставил Клементс, — те, кто предпочитает горячие ванны, не совершают убийств. Иное дело — приверженцы холодных обливаний: эти приходят в ярость по малейшему поводу. Они одержимы стремлением поскорее ощутить горячий ток крови после перенесенной мучительной процедуры.

— А я считал, что мазохисты редко бывают одновременно и садистами, — заметил Грант.

— Так или иначе, но Джасона из кандидатов в убийцы надо вычеркнуть: он мухи не обидит.

— Как бы не так! — многозначительно заметила Джуди, и все выжидающе поглядели на нее.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Клементс.

— Неважно. Я за то, что это Джасон.

— Какой у него мог быть мотив?

— Полагаю, она собиралась его бросить.

— Глупости, и ты сама это знаешь, — резко сказала Марта. — Тебе прекрасно известно, что между ними ничего не было.

— Ничего такого мне не известно. Она все время держала его при себе.

— Сучка на сучку всегда лает, — проговорил Хопкинс в ухо Гранту.

— Я подозреваю, — вмешалась в разгорающийся спор Лидия, — что мистер Хопкинс осведомлен об этом деле лучше всех нас. Он был сегодня в Вестовере по заданию своей газеты.

Джемми немедленно оказался в центре внимания. Что он думает? Какими сведениями располагает полиция? Кого они подозревают? Насколько верны намеки в газетах, что она жила там не одна?

Джемми расцвел. Он долго распространялся о психологии убийц, щегольнул эрудицией по поводу преступности вообще, показал себя знатоком в области психологии; он позволил себе весьма нелестно отозваться о полиции, при этом со злорадной ухмылкой поглядывая на вынужденного молчать Гранта.

— Они арестуют парня, с которым она жила. Можете в этом не сомневаться. Тисдейл его зовут. Смазливый парнишка. В тюрьме он будет пользоваться успехом, помяните мое слово.

— Тисдейл?! — раздались возгласы. — Никогда не слышали!

Такова была реакция всех, за исключением Джуди. Ее рот слегка приоткрылся от горестного изумления, но она быстро овладела собой и плотно сомкнула губы. Лицо ее приняло опустошенное выражение. Грант с интересом и удивлением следил за этой игрой чувств.

— Я лично считаю все эти домыслы отвратительными, — с презрением произнесла Марта. — Представить, что Кристина тайно встречалась с кем-то! Это не ее стиль. Скорее... скорее я готова предположить, что убийство совершил Эдуард.

Кто-то рассмеялся.

— А почему бы и нет? — отозвалась Джуди. — Представьте, он возвращается в Англию, узнает, что жена ему неверна, и теряет от ревности голову.

— Ну да! Представьте себе Эдуарда в шесть утра на холодном пляже.

— Чампи вернулся в Англию только в среду, так что придется его исключить.

— Более бессмысленной и жестокой болтовни трудно себе представить, — сказала Марта. — Давайте поговорим о чем-нибудь

другом.

— Давайте, — согласилась Джуди. — Все это абсолютно беспочвенные рассуждения. Тем более что скорее всего ты сама, Марта, ее и убила.

— Я?! — воскликнула Марта. Наступило неловкое молчание. Потом все заговорили сразу, перебивая друг друга.

— Ну конечно! — произнес Клемент. — Ты же претендовала на роль в новом фильме, которую предложили ей! Как же мы об этом забыли!

— Ну уж коли мы заговорили о мотивах, милый Клемент, то ты сам был вне себя от злости, когда она отказалась, чтобы ты ее сфотографировал. Если мне не изменяет память, Кристина сказала, что твои работы напоминают ей кашу-размазню.

— Клемент не стал бы ее топить, — подала голос Джуди. — Он бы ее отравил, как Борджиа. Нет, скорее всего это дело рук Лежена. Он боялся сниматься с ней в одном фильме. Тем более что его отец был мясником, и очень может быть, что сын унаследовал папину кровожадность. А может, это Койен? Сколько раз он готов был убить ее, пока на него никто не смотрел, во время съемок «Железной хватки»!

Про Джасона она явно забыла.

— Может, все-таки прекратите этот глупый треп? — сердито сказала Марта. — Понимаю, это шок, и дня через три вы придете в себя. Но Кристина была нашим другом; отвратительно устраивать игру из смерти человека, которого мы все любили!

— Ах-ах! — с издевкой воскликнула Джуди. Она только что осушила пятый бокал. — Плевать мы на нее хотели. И почти все рады, что она убралась с дороги.

Ясным прохладным утром в понедельник Грант вел машину по Вигмор-стрит. В этот ранний час улица была пустынна. Завсегдатаи Вигмор-стрит не имели привычки оставаться в городе на уик-энд. В цветочных магазинах субботние розы связывались в тугие викторианские бутоньерки, где не были заметны увядшие лепестки; в антикварных лавках сомнительного качества коврики убирались в дальний уголок — подальше от разоблачающих пронзительных лучей утреннего солнца; в крошечных кафе официанты жевали с утренним кофе вчерашние булочки и с оскорбленным достоинством обиженно взирали на тех посетителей, которые с утра требовали свежих. В магазинах готового платья продавцы торопливо прищипливали к нераскупленному за субботу, по сниженным ценам, товару обычные ценники.

Грант направлялся к портному Тисдейла и был крайне раздосадован еще одним непредвиденным осложнением: если бы Тисдейл заказывал себе пальто у лондонского портного, то не было бы ничего проще, чем идентифицировать пуговицы, пришитые, в частности, именно к пальто Тисдейла. Это, разумеется, еще ничего не решило бы, однако значительно сузило бы круг поисков. Но пальто Тисдейла было заказано не где-нибудь, а в Лос-Анджелесе.

— То, которое у меня было до этого, оказалось слишком теплым для тамошнего климата, — объяснил Тисдейл, — поэтому я заказал новое.

Резонно, но очень хлопотно теперь для Гранта. Если бы пальто было заказано в одной из лондонских солидных фирм, можно было бы спокойно получить информацию о всех видах пуговиц, которые шли на пальто на протяжении последних пятидесяти лет, и все это без лишнего шума и услужливо — при условии, если они знали, кто ты такой. Но надеяться на то, что в Лос-Анджелесе вспомнят, какие пуговицы они пришили на такое-то пальто полгода назад?! И потом, сама пуговица нужна была здесь. Ее нельзя было послать в Лос-Анджелес. Самое большее, что можно сделать, — это запросить

образцы всех пуговиц, какие у них там имеются, но и на это трудно рассчитывать.

Грант надеялся главным образом на то, что наконец объявится само пальто. Если бы это произошло и на нем действительно недоставало бы одной пуговицы, дело можно было считать раскрытым. Когда Тисдейл вел машину, он был в пальто. К чести Вильямса, тому удалось-таки это выяснить. Во вторник, вскоре после шести, машину Тисдейла видел фермер. Он сказал, что заметил машину у перекрестка на Ведмарш где-то в шесть двадцать, хотя часов у него нет. Они ему не нужны. Он и так может определить любое время в течение дня, есть солнце или нет — не важно. Он выгонял овец, и из-за них водителю пришлось сбавить газ. Он точно запомнил — водитель был молодой, в темном пальто. Оpoznать его он не берется, тем более под присягой, но машину опознал. Она была единственной за целое утро.

Другая находка Вильямса была скорее негативного свойства. Вильямс доложил, что Джасон Хармер не ночевал в Сэндвиче в гостинице, которую он им назвал. Более того, в Сэндвиче он вообще не появлялся.

Грант оставил нетронутым жареный бекон и почки и, не откладывая дела в долгий ящик, отправился допрашивать мистера Хармера. Грант явился к нему на квартиру, отделанную в розовых тонах, и застал его облаченным в малиновый шелковый халат, заросшего щетиной и в разгаре творческого процесса.

— Я редко встаю так рано, — заметил он, освобождая для Гранта кресло, заваленное листами нотной бумаги. — Но эта история с Крис выбила меня из колеи. Мы были добрыми друзьями, инспектор. Другим было сложно с ней, а мне — нисколько. И почему? Хотите, я вам скажу почему? Потому, что она и я чувствовали себя в этой среде неуверенно и все время опасались, как бы это кто-нибудь не заметил. Люди ведь ужасно бессердечны. Если ты выглядишь и держишь себя так, будто у тебя миллион в кармане, они будут лизать твои башмаки. Но стоит им догадаться, что ты не очень-то уверен в себе, как они накидываются на тебя, как муравьи на дохлого жука.

Я разгадал Кристину с первой встречи: я понял, что она блефует. А уж мне ли не знать, что такое блеф! В Штаты я пробился, потому что блефовал; первую свою песню я пробил тоже благодаря блефу.

Издатели догадались об этом уже после того, как моя песня стала шлягером, и посчитали за лучшее не поминать про то, как я их надул.

Выпьете?.. Да, пожалуй, еще рановато. Сам я не пью обычно до ленча, но когда не спал... Мне еще две песни надо написать, срок договора на исходе. Песни для... — его голос вдруг замер, — для нового фильма Койена, — торопливо закончил он. — Знаете, каково это — сочинять песню, когда у тебя в голове ни одной идеи?

Нет, конечно. Это чистое мучение. И кто их будет исполнять, я вас спрашиваю? Эта дамочка Халлард петь не умеет. Вы когда-нибудь слышали в исполнении Крис «Спой мне еще раз»?

Грант слышал.

— Вот это было то, что я называю презентацией песни! Да, я писал и более удачные вещи. Но она сделала ее лучшей из всего, что когда-либо было написано мной. И какой мне смысл теперь мучиться над очередной песней, если эта выскочка Халлард все равно ее испортит?

Он кружил по комнате, перекладывая с места на место кучи нотных листов. Так вот он, «веселый чайник» Марты и «кипящий страстью иудей» Джуди! По мнению Гранта, он был ни то ни другое. Обыкновенный американский еврей родом из Богом забытого нищего местечка в центре Европы; малообразован, несдержан и неразборчив в средствах, как многие из его соплеменников; не очень хорош собою, но, без сомнения, пользуется благосклонностью женщин. Грант вспомнил, что и Марта Халлард и Джуди Селлерс, несмотря на полную противоположность характеров, обе находили его привлекательным, но каждая рисовала его по-своему. Он явно в полной мере обладал способностью, столь характерной для представителей его расы, быть приятным для всех сразу. Что он находился в приятельских отношениях с Мартой, которую недолюбливал, было очевидно. Марта была не из тех, кто кинется защищать человека, не поклоняющегося ее таланту. Иными словами, он всю жизнь играл некие роли. Он только что сам это признал. Интересно, какую роль он играл сейчас.

— Извините, что я обеспокоил вас в столь раннее время, но этого требует дело. Вы, конечно, знаете, что мы расследуем обстоятельства смерти Кристины Клей. По ходу расследования нам необходимо установить точно, где находились люди, знавшие ее близко. Мы

устанавливаем местопребывание всех и каждого — независимо от личности, мотивов, возможностей и прочего. В четверг, когда вы беседовали с сержантом местной полиции, то сказали, что провели ночь в гостинице в Сэндвиче. Теперь обнаруживается, что вы там не ночевали.

Хармер, не поднимая глаз, продолжал перебирать ноты.

— Где вы провели ночь на самом деле, мистер Хармер?

Хармер наконец поднял голову и с усмешкой проговорил:

— Вы не находите это забавным: милый человек навещает вас рано поутру, извиняется за беспокойство, выражает надежду, что не помешал; однако, находясь при исполнении обязанностей инспектора по уголовным делам, он вежливо требует от вас дать ему кое-какую информацию, да еще при этом упоминает, что в предыдущий раз ваша информация не соответствовала действительности. Просто прелестно! И вы добиваетесь результатов, я уверен. Может, люди даже сами признаются и рыдают у вас на плече — так их трогает ваше дружелюбие. Любимый мотив в мелодраме: злодей попадает под гостеприимный кров, видит на столе пирог и, рыдая, раскалывается, говоря: «Такой же пирог пекла моя мамаша!» Меня только интересует: вы этот метод применяете исключительно на господах с Парк-Лейн или на бандитах и нищих из района Пимлико тоже?

— А меня интересует, где вы провели ночь со среды на четверг, мистер Хармер.

— «Мистер» — это тоже, наверное, исключительно для господ с Парк-Лейн. Представляю: если бы вы изловили меня, Джасона, лет десять тому назад, то отвезли бы в участок и вытрясли бы из меня всю душу — как делает полиция во всем мире. Они везде одинаковы: любят тесто из людей делать.

— Должен признаться, мистер Хармер, что у меня нет вашего обширного опыта по части общения с полицией разных стран.

— Ага! Я таки вас достал! Полицейский делается таким оскорбительно-вежливым, только когда очень зол! Однако не поймите меня превратно, инспектор: у полиции на меня ничего нет. Что же до ночи со среды на четверг, то я провел ее в машине.

— Вы хотите сказать, что вовсе не ложились в постель?

— Именно это я и хочу сказать.

— И где же находилась все это время ваша машина?

— В аллее, где живая изгородь была высотой с дом, на обочине. На этих обочинах в Англии столько травы пропадает даром! В той аллее она росла по обеим сторонам — больше трех метров шириной.

— Так вы говорите, что спали в машине? Кто-нибудь может это подтвердить?

— Нет, никто. Такое уж это было место. У меня слипались глаза, я сбился с дороги и просто заснул.

— Сбились с дороги?! Это в восточной-то части графства Кент!

— Да хоть в восточной, хоть в западной — какая разница? Вы когда-нибудь пробовали отыскать нужную вам деревушку в Англии ночью? Нет? По сравнению с этим ночь в пустыне — просто игрушки. Вы едете, видите наконец нужное вам название и рядом расстояние: две с половиной мили. «Слава тебе Господи! — говорите вы мысленно. — Вот она, миленькая! Почти приехал. Слава английским дорожным указателям!»

Вы катите дальше и через полмили оказываетесь у развилки трех дорог. И тут же, на травке, аккуратненький такой указатель, и над каждой его стрелкой, указывающей на три разные стороны, по крайней мере три названия; может, вы думаете, что среди них есть то, которое вам нужно? Ничего подобного! Это было бы уж слишком примитивно! Вы несколько раз кряду прочитываете все названия и ждете, чтобы кто-нибудь появился и подсказал вам нужное направление, но будете ждать напрасно. Последний раз кто-то проезжал тут в прошлый вторник. Вокруг ни одного строения. Одни поля да объявление о цирковом представлении, которое прошло в этих местах в апреле прошлого года.

Так, вы наобум выбираете одну из трех дорог и после того, как проезжаете два дорожных указателя, которые нужную вам деревушку не берут в расчет, наконец натываетесь на тот, где она есть, и дальше надпись: «Шесть и три четверти мили». Оказавшись на четыре мили дальше, чем прежде, вы все начинаете сначала, и все повторяется снова. И снова! После того как пункт назначения ускользает от вас в шестой раз, вам уже все равно: только бы съехать с дороги и где-нибудь прикорнуть. Так случилось и со мной, я решил поспать. В любом случае было неудобно заявляться к Крис так поздно.

— Но не слишком поздно для того, чтобы заночевать в гостинице.

— Конечно, если только вы знаете, где она. К тому же, судя по тем гостиницам, которые я видел по дороге, лучше уж заночевать в машине, чем там.

— Я смотрю, вы совсем обросли, — заметил Грант, кивая на небритый подбородок Хармера.

— Да. Иногда приходится бриться даже дважды в день. Особенно если вечером куда-нибудь иду. А что?

— Вы приехали в дом мисс Клей уже выбритым. Каким образом?

— Всегда вожу бритву с собой. Иначе мне нельзя, вы же видите.

— В то утро вы не завтракали?

— Нет, я намеревался позавтракать у Крис. Да я и не привык плотно завтракать. Только кофе и апельсиновый сок. Господи, ваш апельсиновый сок — гадость сплошная. А кофе... Что они с ним делают? Хозяйки, я имею в виду. Он...

— Может, оставим в покое кофе и перейдем к делу? Почему вы сказали сержанту, что ночевали в Сэндвиче?

Выражение лица Хармера неуловимо изменилось. До сих пор он отвечал не задумываясь, почти автоматически. Его широкое, в общем-то добродушное лицо было не напряжено и довольно дружелюбно. Сейчас оно стало настороженным, оно сделалось... да, пожалуй, враждебным.

— Потому что нутром почувствовал — случилось нечто неприятное, и не желал оказаться в чем-то замешанным.

— Вам самому не кажется это довольно-таки странным? Вы почувствовали наличие злого умысла, когда еще никто ни о чем и не подозревал?

— Не нахожу в этом ничего необычного. Мне сказали, что Крис утонула, но я-то знаю, что она плавает как рыба. Той ночью я не ночевал дома — был в дороге, как известно, а сержант и без того глядел на меня так, будто собирался тут же допрашивать, кто я такой и зачем явился.

— Но сержант тогда еще полагал, что ее смерть просто несчастный случай. У него и повода не было вас допрашивать.

— А ему и не нужны были никакие поводы. Я еврей — этого достаточно.

— Бросьте, мистер Хармер! Неужели вы хотите, чтобы я поверил...

— Да, да, только, пожалуйста, не надо мне читать лекцию на эту тему! — прервал его Хармер. — Я все знаю наизусть: Англия — страна полнейшей веротерпимости. Здесь не делают различия между людьми разных национальностей; англичанам абсолютно все равно, какую веру кто исповедует, и никого не волнует цвет вашей кожи! Да известно ли вам, дорогой инспектор, что Англия — единственная страна, где нас не принимают за своих? — выдохнул он сквозь стиснутые зубы. — Мы должны знать свое место. Это же ваше излюбленное выражение: «Знай свое место!» — и тут лучше не скажешь! Никаких тесных контактов! Никаких смешанных браков. Выйти замуж за еврея, если у него меньше ста тысяч в год, — Боже упаси! И даже в этом случае никто не плачет от умиления. Вы — единственная страна, где еврей навсегда остается евреем. Немецкий еврей — немец, российский еврей ведет себя как русский. Эти страны их вбирают, воспринимают как своих. Но английский еврей так и остается евреем. И вы еще называете это терпимостью!

Грант не только выглядел удивленным — он на самом деле был изумлен. Кто бы мог подумать, что у этого самодовольного песенника (если угодно, у этого стяжателя, охотника до женщин, сплетника и завсегдатая лучших ресторанов) нашлось столько горечи? Хармер уже до этого упомянул о своем комплексе неполноценности, но Грант не принял его слова всерьез. И сейчас Грант невольно подумал о том, что, наверное, именно этот комплекс неполноценности и порождал людей, претендовавших на роль Мессии за долгие века существования человеческого рода. Возможно, главное, что движет такими людьми, — это и есть гипертрофированное чувство собственной неполноценности. До сих пор ему казалось, что у мессий и пророков просто слишком много пробивной энергии. Он решил несколько изменить направление разговора.

— Между прочим, откуда вы знали, где искать мисс Клей? Насколько я знаю, она держала свое убежище в секрете.

— Да, она сбежала. Всех провела, и меня в том числе. Она устала и была не очень довольна тем, как встретили ее последний фильм. На просмотре, я имею в виду. Он еще не выпущен. Койен не нашел с ней общего языка. С одной стороны, он ее чуточку побаивался, с другой — не хотел давать ей полной свободы. Назови он ее «деткой» и «шоколадкой», как, бывало, называл ее старина Мейер в Штатах, она

бы на него работала как негр и была бы весела, словно птичка. Но Койен — он будто индюк надутый: ну как же! Продюсер, его реноме! И они не ладили. Ну вот, ей все надоело, она устала, каждый хотел, чтобы она поехала в перерыве между съемками именно с ним, а она не могла ни на что решиться. В одно прекрасное утро мы проснулись, а ее и след простыл. Бандл — ее экономка — сказала, что не знает, где она: адреса она не оставила, обещала через месяц объявиться и просила никого не беспокоиться. Целых две недели о ней ничего не было слышно, но в прошлый вторник я встречаю Марту на шерри-вечере у Либби Саймона — она собирается играть в его новой пьесе, — и Марта мне говорит, что в субботу наткнулась на Крис на Бэйкер-стрит, та покупала шоколад — Крис между съемками никогда не отказывала себе в шоколаде, — и что она попыталась выведать у Крис, где та скрывается. Но Крис ей ничего не открыла. Во всяком случае, Марте так показалось. Крис, правда, сказала: «Может, я вообще не вернусь в кино. Ты слышала про знаменитого римлянина, который занялся выращиванием овощей и был так восхищен плодами своего труда, что больше не пожелал возвращаться в сенат? Вчера, когда я помогала собирать ранние вишни для Ковент-Гарденского рынка, то испытала такое счастье, по сравнению с которым все премии Академии театрального искусства — ничто». Я прямо слышу ее голос! — с грустным смешком произнес Хармер. — Я тут же от Саймона отправился на Ковент-Гарден и там выяснил, откуда к ним поступили вишни, — из вишневого сада в местечке с названием «Птичий рай». К трем часам я уже знал, где это место. Я туда поехал, нашел людей, которые работали в пятницу. Я думал, сразу же найду Крис, но выяснилось, что там ее не знают. Рассказали, что в пятницу, когда они работали, мимо ехала машина. Она остановилась, и сидевшая за рулем леди спросила, не разрешат ли и ей помочь. Старик, хозяин сада, сказал, что он не нуждается ни в чьей помощи, но дамочка видно умела настоять на своем. Хозяин сам потом ее хвалил и добавил, что не прочь и в следующий раз ее нанять. Потом хозяйский внук сказал, что вроде бы встречал эту леди милях в шести от них, на почте в Лиддлстоуне; я отправился в Лиддлстоун, но там был перерыв. Когда они вернулись, приемщица сказала, что леди, которая посылает телеграммы — они за всю свою жизнь не приняли столько телеграмм, сколько послала одна Крис, — живет возле Милдея, и закончил я этот

день заночевав в машине. Согласитесь, инспектор, независимо от того, где я провел ночь, за день я проделал больше детективной работы, чем вы к сегодняшнему утру.

— Вы так считаете? — добродушно усмехнувшись, заметил Грант. — С вами на сегодня я почти закончил. Да, кстати, у вас было с собой в машине пальто? — спросил он, поднимаясь.

— Было.

— Какое?

— Твидовое, коричневое. А что?

— Оно сейчас с доме?

— А как же.

Хармер подошел к гардеробу, встроенному в стену коридора между гостиной и спальней, и раскрыл дверцу.

— Вот, можете полюбоваться. Если вам посчастливится обнаружить пуговицу, то, значит, вы умнее, чем я думал.

— Какую пуговицу? — быстро переспросил Грант, забыв об осторожности.

— Ну что же еще могут искать? Всегда ищут пуговицу, — безмятежно отозвался Хармер. Его карие глаза с насмешкой глядели на Гранта из-под тяжелых век.

Грант не нашел в шкафу ничего заслуживающего внимания и ушел, так и не решив, насколько можно верить тому, что рассказал Хармер, но прекрасно сознавая, что «у полиции на него ничего нет». Так что все их надежды, так сказать, теперь были связаны с одним Тисдейлом.

В это прохладное ясное утро, припарковав машину, Грант вспомнил гардероб Джасона и про себя улыбнулся. Ясно, что свою одежду Джасон покупал не в модном магазине Стэси и Бреккера. Мысленно он представил себе внутренность этого убогого, тесного шкафа, и ему показалось, что он снова слышит насмешливый и презрительный голос Джасона: «Тоже мне, эти англичане! Сто пятьдесят лет занимаются мануфактурным делом, и это все, чего они достигли?!» Вероятнее всего, одежда куплена в провинции, — во всяком случае, расцветка костюмов явно местная. На сердце у Гранта потеплело: да, это была его Англия — страна, которую он знал и любил. Может меняться мода; могут гибнуть целые династии, и цоканье копыт на тихих улицах может смениться на вопли тысяч

таксомоторов, но фирма Стэси и Бреккера, как и прежде, с неторопливой деловитостью будет шить одежду для неторопливых и деловитых английских джентльменов.

Грант был принят не Стэси и даже не Бреккером, но мистером Тримли, точнее сказать, мистером Стефеном Тримли (потому что существовали еще мистер Роберт и мистер Томас), который объявил, что весь к услугам господина инспектора. О да, они шили одежду для мистера Роберта Тисдейла. Да, и пальто тоже — к вечернему костюму. Нет, эти пуговицы решительно не от сшитого ими пальто. Они не того класса. Если мистеру Тримли (мистеру Стефену Тримли) будет позволено заметить, данная пуговица очень низкого качества и ни один уважающий себя портной ее использовать не станет. И его, мистера Стефена, ничуть не удивит, если пуговица окажется иностранного происхождения.

— Может, американская? — предположил инспектор.

Очень может статься. Хотя, на искушенный взгляд мистера Тримли, скорее из Европы. Нет, ничем доказать свой вывод он не может. Просто инстинкт ему это подсказывает. Возможно, он ошибается. Пусть инспектор не слишком полагается на его мнение. Он также надеется от всей души, что с мистером Тисдейлом не случилось ничего скверного. Обаятельный молодой человек, мистер Тисдейл. Из частных школ, особенно из частных школ старого образца, выходят прекрасные молодые люди. Гораздо лучше, — вы согласитесь со мной, инспектор? — чем из второсортных муниципальных школ. В тех школах было нечто от прежней надежности молодого сословия: в семье поколение за поколением все посещали одну и ту же приходскую школу — разве их сравнишь с современными, где никогда не знаешь, у кого какие родители? Грант был глубоко убежден, что в Тисдейле нет ни грамма надежности, присущей молодым людям прежних времен, но он не стал вступать в спор и лишь заверил господина Тримли, что, насколько ему известно, с мистером Тисдейлом пока ничего плохого не случилось.

Господин Тримли был рад это слышать. К старости его вера в подрастающее поколение сильно поколебалась, и это было огорчительно. Конечно, старики всегда склонны считать, будто молодежь стала не та, однако эта... Да, от старости никуда не денешься; возможно, поэтому его больше, чем когда-либо раньше,

стала тревожить судьба молодого поколения. Возьмите сегодняшний понедельник, для него день был испорчен, испорчен окончательно и бесповоротно: ведь именно сегодня, совсем скоро, вся прелесть, все обаяние Кристины Клей будет обращено в пепел. Пройдет много лет, может даже поколений (мистер Тримли предпочитал оперировать поколениями, — вероятно, это результат того, что их фирма существовала уже полтора века), прежде чем снова явится такая, как она... Она обладала настоящим талантом, — инспектор, надеюсь, согласен? Поразительным талантом. Говорят, она была весьма скромного происхождения, но в ней чувствовалась порода. Такие, как Кристина Клей, не просто так рождаются. Матушка-природа долго должна трудиться, чтобы создать нечто подобное. Сам он не был, как теперь принято говорить, кинофаном, но не пропустил ни одной картины с Кристиной Клей с тех самых пор, как племянница повела его на первый серьезный драматический фильм с ее участием. В тот раз он забыл, что находится в кино: он просто онемел от восторга. Если кино может давать впечатления такие же глубокие и сильные, как, бывало, театр, тогда можно перестать вздыхать по поводу того, что уже нет ни Сары Бернар, ни Элеоноры Дузе.

Грант вышел на улицу. Он не переставал удивляться огромной популярности Кристины Клей.

В зал крематория Голдерс-Грин, похоже, съехалась элита со всего света. Станный конец для маленькой работницы с кружевной фабрики из Ноттингема. Станный конец и для той, которая была идолом толпы... «И они сунули это в печь, будто...» Господи, надо перестать думать об этом. Слишком отвратительно. А почему, собственно, отвратительно? Он не знал. Потом подумал: наверное, оттого, что это так по-мещански — практично да и не так хлопотно, как настоящие похороны. Но такая, как Клей, пламя таланта которой светило всем людям, наверное, в этом случае была достойна чего-то более грандиозного, огромного костра что ли. Тризны, как во времена викингов, а не печи в провинциальной крематории. Господи, он впадает в крайности, он становится чуть ли не сентиментальным! Грант переключил скорость и присоединился к потоку машин.

Вчера он переменял свое намерение присутствовать на церемонии похорон Клей. Расследование, связанное с Тисдейлом, шло своим нормальным путем, и он посчитал, что незачем подвергать себя такому

испытанию, если можно этого избежать. Но только сегодня он осознал, как рад, что действительно не поехал, хотя он не был бы самим собой, если бы тут же не стал сомневаться в разумности своего решения и в том, не сыграло ли тут решающую роль его подсознательное нежелание избежать отрицательных эмоций. Он решил, что едва ли. Пока он не видел никакой нужды в изучении характеров неизвестных ему друзей Кристины. Он достаточно насмотрелся на некоторых из них у Марты, и это не дало ему почти ничего. Тогда люди не желали расходиться. Джемми снова пустился в рассуждения в надежде, что все станут плясать под его дудку и он выудит из них что-нибудь «сладенькое». Но Марта запретила говорить о Кристине, и, хотя ее имя упоминалось еще несколько раз в течение вечера, даже Джемми, несмотря на все свое искусство, не удалось заставить их вернуться к этой теме. Лидия, которая редко говорила о чем-нибудь, кроме себя самой, стала читать по ладоням, поскольку, как оказалось, когда она не могла читать по звездам, то занималась и хиромантией (она довольно точно определила характер Гранта по линиям его руки и предостерегла от принятия в ближайшем будущем ошибочного решения; «от этого можно предостерегать любого — и не ошибешься», — подумалось ему); только после часа ночи хозяйке удалось наконец избавиться от последнего гостя. Грант задержался — как это ни странно, не столько оттого, что у него были к ней вопросы (на все свои вопросы он в течение вечера сумел найти ответы), но потому, что у нее были вопросы к нему: «Собирается ли Скотланд-Ярд принимать участие в расследовании смерти Кристины? Что вызывает подозрения? Что ими обнаружено? Кого они подозревают?» Грант отвечал, что да, они будут участвовать в расследовании (это теперь уже и без того было известно всем), но пока у них есть только неясные подозрения относительно личности убийцы. Она немного всплакнула, но так, чтобы это не повредило ее внешности и не потекла тушь, и произнесла несколько приличествующих случаю фраз, тепло отозвавшись о Кристине как об актрисе и человеке: «Она была, безусловно, талантливой. Должно быть, требуется огромная сила воли, чтобы справиться со сложностями, которые стояли перед ней в начале карьеры». Она даже взяла на себя труд их перечислить. Грант вышел от нее в теплую ночь, грустно вздохнул по поводу человеческой природы и пожал плечами по поводу собственных, так и не изжитых иллюзий на этот счет.

Но в человеческой природе встречаются и приятные исключения. Сейчас он притормозил у тротуара, и его смуглое лицо просияло дружелюбной улыбкой.

— С добрым утром! — воскликнул он, обращаясь к маленькой фигурке в сером пиджаке.

— О, это вы, мистер Грант! Доброе утро! — отозвалась Эрика, пересекая мостовую. Она сдержанно улыбнулась ему, но было видно, что и она рада этой встрече; это было еще более заметно благодаря ее школьной манере всегда казаться невозмутимой при любых обстоятельствах. На этот раз она была одета «по-городскому». Правда, нельзя сказать, чтобы этот ее наряд в выгодную сторону отличался от обычного. Одежда была чистой, но ее явно надевали крайне редко. Серый костюм, который был на ней, выглядел дорогим, но старомодным. То же самое относилось и к ее шляпке.

— Я и не знал, что вы иногда останавливаетесь в городе.

— А я и не останавливаюсь. Я приехала, чтобы купить мост.

— Что? Мост?!

— Оказалось, что его нельзя купить просто так. Надо снять мерку. Так что мне придется наведаться сюда еще раз. Сегодня они просто набивали мне рот глиной.

— А, так вы были у зубного врача? Понятно. Я думал, что мосты носят только старушки.

— Штука, которую он мне поставил в прошлый раз, не хочет держаться на месте. Мне все время приходится ее подбирать и засовывать обратно. Этой зимой, когда Флайт свалился вместе со мной во время скачек через препятствия, я потеряла почти все задние зубы. Так что ничего не поделаешь: врач сказал, что без моста не обойтись.

— Негодник он, это ваш Флайт.

— Это как посмотреть, с одной стороны — да, а с другой... У него прекрасная скорость: он промахал весь Кент, пока его удалось поймать после падения.

— Куда вы сейчас? Может, я вас подвезу?

— Вы вряд ли захотите провести меня по Скотланд-Ярду?

— Хотел бы. И даже очень. Но через двадцать минут у меня встреча с адвокатом во Дворце правосудия, в Тампле.

— В таком случае подбросьте меня на Кокспар-стрит. Мне надо выполнить поручение няни.

«Конечно, — подумал он, пока она усаживалась рядом, — конечно, у нее няня, а не мама. Ни одна мать не одела бы так своего ребенка».

Одежда была явно заказана заочно, как заказывают школьную форму: «один костюм из серой шерстяной фланели и одну шляпку к нему». Несмотря на всю самоуверенность и независимость, которые она с готовностью демонстрировала, было в ней что-то заброшенное.

— Они очень миленькие, — сказала она. — И не очень высокие, хотя все равно я терпеть не могу в них ходить.

— Про что это вы?

— Про свои туфли.

Она задрала ногу и показала ему скромный венский каблучок.

— Няня считает, что в городе надо надевать их. Хотя мне ужасно в них неудобно. Неустойчиво как-то.

— Полагаю, со временем к этому можно привыкнуть. Надо подчиняться общим законам племени.

— А зачем?

— Затем, что неприятности, связанные с неподчинением, обходятся человеку гораздо дороже, чем следование общим правилам, хотя это и надоедает.

— Да ладно. Не так уж часто я езжу в город. У вас, наверное, нет времени на мороженое?

— Боюсь, что да. Давайте отложим это до моего возвращения в Вестовер, хорошо?

— Ну да, я совсем забыла, вы же обязательно вернетесь. — И добавила, как бы между прочим: — Вчера я видела вашу жертву.

— Какую жертву?

— Ну, человека, который упал в обморок.

— Видели его? Где?

— Отец взял меня к «Моряку».

— Я думал, ваш отец терпеть не может этот ресторан.

— Так оно и есть. Он сказал, что в жизни не видел столько противных пузанов в одном месте сразу. «Пузаны», пожалуй, довольно сильно сказано, не так уж они и противны. И потом, дыня там была даже очень вкусная.

— Это отец вам сказал, что Тисдейл там устроился официантом?

— Нет, сержант. Он не очень-то профессионально обслуживает клиентов. Не сержант, а мистер Тисдейл, я хочу сказать. Слишком развязно себя держит и к разговорам прислушивается. Ни один профессиональный официант себе такого не позволит, правда? И потом он забыл принести ложки для мороженого. И неудивительно, после того как вы его трясли накануне.

— Это я его тряс?

Грант набрал побольше воздуха в легкие и сказал: он надеется от всей души, что смазливый молодой человек не смутит ее сердечный покой.

— Нет, конечно. Ничего подобного. У него слишком длинный нос. И, кроме того, я влюблена в Тогаре.

— Кто такой Тогаре?

— О Господи. Он — укротитель тигров! Вы что, Тогаре не знаете? — произнесла она, словно не веря своим ушам.

Грант признался, что действительно никогда о таком не слышал.

— Вы что же, на Рождество не бываете в Олимпии на цирковом представлении? Обязательно сходите! Я попрошу мистера Миллса, чтобы он послал вам билеты.

— Спасибо. И как долго вы в него влюблены?

— Уже четыре года. Я очень привязчивая.

Грант согласился: четыре года — срок немалый.

— Высадите меня у туристической конторы «Ориент», ладно? — сказала она тем же деловым тоном, которым говорила о своей верности Тогаре. Грант послушно остановил машину у ярко-желтого лайнера.

— Собираетесь в путешествие?

— Нет, я собираю по туристским агентствам буклеты для няни. Она их обожает. Сама никогда не выезжала за пределы Англии, потому что ужасно боится воды, но очень любит, сидя в безопасности, представлять, будто она путешествует. Весной я ей добыла в австрийском бюро на Риджент-стрит потрясающие виды гор. Все немецкие курорты она знает как свои пять пальцев. До свидания. Спасибо, что подбросили. А как я узнаю, когда вы вернетесь в Вестовер? Я насчет мороженого.

— Я сообщу через вашего отца. Это годится?

— Да. Пока. — И она исчезла в конторе.

Что касается Гранта, то он уже в более веселом расположении духа отправился на встречу с адвокатом Кристины Клей и мужем Кристины Клей.

С первого взгляда на Эдуарда Чампни было очевидно, почему его называли именно Эдуард, а не Эдди. Он был очень высокий, очень представительный, очень красивый и очень несовременный, с серьезной, хотя и благожелательной манерой держаться и нечастой, но обаятельной улыбкой. Рядом с суетливым мистером Эрскином он выглядел как корабль, неохотно следующий за буксиром.

Грант до этого с ним встретиться не успел. Эдуард Чампни прибыл в Лондон в четверг пополудни после почти трехмесячного отсутствия и только тут узнал о смерти жены. Он немедленно отправился в Вестовер, где опознал тело, в пятницу имел беседу с весьма встревоженным начальством в местной полиции, где все продолжали ломать голову над пуговицей, и утвердил их в решении передать дело в Скотланд-Ярд. Его долгое отсутствие и множество разных дел, возникших в связи со смертью жены, заставили его выехать обратно в Лондон именно тогда, когда Грант отбыл оттуда в Вестовер.

Сэр Эдуард выглядел очень утомленным, в остальном же никаких эмоций не проявлял.

«Интересно, — подумал Грант, — может ли вообще что-нибудь вывести из равновесия этого ортодокса, за спиной которого — пятисотлетняя традиция верности долгу и сознания собственной исключительности?»

Но пока Грант пододвигал стул и садился, он вдруг понял, что к сэру Эдуарду слово «ортодокс» совсем не подходит. Последуй сэр Эдуард неписаным законам своего клана, то, как можно было бы предполагать, судя по его наружности, он благополучно женился бы на троюродной сестре, поступил на службу в армию, управлял бы помещьем и читал на досуге «Морнинг пост». Однако он ничего такого не сделал. Он женился на актрисе, которую подцепил на другом конце света, он путешествовал, он писал книги. В данном случае внешность была настолько обманчива, что это даже пугало.

— Лорд Эдуард, разумеется, уже видел завещание, — говорил между тем Эрскин. — С его основными пунктами он был знаком и

раньше. Леди Эдуард поставила его в известность о своих намерениях. Тут, правда, есть и некая неожиданность. Но, вероятно, вы сами захотите взглянуть на документ.

Через стол он подвинул к Гранту лист плотной гербовой бумаги.

— Ранее, еще в Штатах, леди Эдуард уже дважды составляла завещания, но, согласно ее указаниям, они были аннулированы поверенными там же, в Америке. Она желала, чтобы ее состояние осталось в Англии, стране, традиции которой ее всегда восхищали.

Мужу Кристина не завещала ничего:

«Я не оставляю деньги своему супругу Эдуарду Чампни, поскольку у него всегда их было и будет больше, чем он в состоянии потратить, а также поскольку он никогда не придавал им большого значения».

Она оставляла за ним право взять себе из ее личных вещей все, что он захочет, кроме предметов, специально оговоренных и предназначенных кому-либо в дар. В завещании были указаны различные суммы — в виде наличных денег или пожизненной ренты — друзьям и слугам: Бандл, ее камеристке, а впоследствии экономке, негру-шоферу, Джо Мейеру, продюсеру ее наиболее удачных фильмов, юноше-носильщику из Чикаго — «чтобы купил себе бензозаправочную станцию». В общей сложности трем десяткам людей во всех уголках земного шара и занимающим самое разное положение в обществе. Джасон Хармер упомянут не был вообще. Грант взглянул на дату: восемнадцать месяцев тому назад. Тогда она, вероятно, еще не была с ним знакома.

Завещанные суммы, хотя и значительные, оставляли нетронутым ее основной капитал. И весь капитал, как ни удивительно, она завещала не определенному лицу, а «для сохранения красот Англии». Предполагалось учредить особый фонд, из средств которого можно было бы выкупить любое место или здание, оказавшееся в бедственном положении, либо оплатить расходы по его поддержанию.

Для Гранта это была уже третья неожиданность, связанная с завещанием. Четвертая ожидала Гранта в самом конце дарственного списка. Он завершался фразой:

«Моему брату Герберту — шиллинг на свечи».

— Брату? — переспросил Грант.

— До вскрытия завещания лорд Эдуард не знал, что у его супруги есть брат. Родители леди Эдуард давно уже умерли, и она никогда не упоминала, что у нее остался еще кто-либо из родственников.

• Шиллинг на свечи. Это говорит вам о чем-нибудь? — обратился Грант к Чампни, но тот покачал головой:

— Не знаю. Скорее всего какая-нибудь детская обида. Детские обиды помнятся всю жизнь, — и, взглянув на Эрскина, сэр Эдуард добавил: — Когда бы я ни встретился со своей сестрой Алисией, я всегда вспоминаю, как она в детстве разбила мою коллекцию птичьих яиц.

— Это не обязательно должно быть связано с детством. Что-то могло случиться и позже.

— Лучше спросите Бандл. Она была камеристкой жены все ее первые годы в Нью-Йорке. Так уж ли это важно? В конце концов, этому господину завещан всего шиллинг.

— Важно, потому что пока это единственный признак неприязненного отношения мисс Клей к одному из близко знавших ее людей. Заранее никогда не знаешь, какая нить окажется самой важной.

— Думаю, инспектор, это не покажется вам таким уж важным, после того как вы ознакомитесь с вот этим. Это и есть сюрприз, о котором я говорил в самом начале.

Ага, значит, было что-то еще и помимо завещания!

Грант взял листок из худощавых, чуть подрагивавших пальцев господина Эрскина. Этот листок плотной, кремового цвета бумаги, которая продается в любой сельской лавочке, являл собою письмо от Кристины Клей ее адвокату. На обратном адресе стояло: Бриары, Мелдей, Кент. Письмо содержало дополнение к завещанию. Свое ранчо в Калифорнии и пять тысяч фунтов она завещала не кому иному, как Роберту Станвею (последний адрес: Ийомен-Роу, Лондон).

— Это письмо, — проговорил поверенный, — было написано в среду утром, а в четверг... — Он выразительно замолк.

— Оно имеет законную силу? — спросил Грант.

— Опротестовать это будет трудно. Написано ее рукой, подпись засвидетельствована мисс Маргарет Питтс. Все четко и просто;

человек находился в здравом уме — это ясно.

— Может, подделка?

— Ни в коем случае. Я прекрасно знаю почерк леди Эдуард; вы сами видите: он весьма характерный и подделать его было бы трудно. К тому же я знаком с ее стилем, а его, смею вас уверить, фальсифицировать еще труднее.

— Что ж, — произнес Грант и еще раз пробежал текст, словно не веря собственным глазам. — Это решительно меняет дело. Я возвращаюсь в Скотланд-Ярд. Это письмо означает, что к вечеру мы уже произведем арест.

Он встал.

— Я с вами.

— Прекрасно, сэр, — машинально отозвался Грант. — С вашего разрешения, я сейчас позвоню, чтобы начальник отдела был на месте.

Когда он уже взялся за трубку, его внутренний голос шепнул: «Да, Хармер прав. Мы не умеем не делать различий между людьми. Окажись супруг убитой страховым агентом из глухого района Брикстон, вряд ли мы допустили бы его на свое совещание в Скотланд-Ярде!»

— Вы не знаете, господин Баркер у себя? — говорил он между тем. — А... в половине? Значит, через пятнадцать минут. Передайте ему, пожалуйста, что у инспектора Гранта есть важная информация и он просит немедленно провести совещание. Да, и комиссару, пожалуйста, если он там.

Грант повесил трубку и сказал, обращаясь к Эрскину:

— Спасибо, вы нам очень помогли. Да, если раскопаете этого брата, дайте нам знать, пожалуйста.

Он попрощался, и вместе с Чампни они спустились по темной узкой лестнице и снова оказались на солнцепеке.

— Как вы считаете, — спросил Чампни, задержав руку на дверце машины, — у нас не будет времени, чтобы выпить где-нибудь? Мне необходимо подбодрить себя. Утро у меня выдалось... довольно тяжелое.

— Да, конечно. Тут, прямо по набережной, не более десяти минут. А вы куда бы хотели заехать?

— Мой клуб в районе Карлтона, но мне бы не хотелось сейчас видеть никого из знакомых. Ресторан «Савой» ничем не лучше... —

Он замолчал в нерешительности.

— Тут рядом есть удобная пивная, — предложил Грант, заезжая в переулок. — В это время дня там тихо.

Они проехали мимо газетного стенда. Сразу бросались в глаза крупно набранные заголовки: «Похороны Клей. Беспрецедентный ажиотаж! Десять женщин потеряли сознание!», «Лондон прощается с Клей». И в «Страже»: «Последняя премьера Кристины Клей».

Грант прибавил скорость.

— Это было непередаваемо гадко, — тихо произнес человек рядом с ним.

— Да. Я представляю.

— Все эти женщины. Мне кажется, от нашего величия как нации почти ничего не осталось. Мы достойно пережили войну. Но наверное, она исчерпала наши последние ресурсы. Мы все стали... как эпилептики. Иногда сильный шок вызывает именно такое состояние. — Он на некоторое время замолчал, словно заново переживая церемонию похорон. — Я видел, как из пулеметов расстреливали безоружные колонны солдат в Китае, тогда я не смолчал — я выразил свое возмущение. Но если сегодня утром можно было бы пулеметами сбить животную истерию толпы, то я бы испытал только удовольствие. И не потому, что это связано... связано с Крис, а потому что они меня заставили испытать стыд — стыд за то, что я — один из них, что принадлежу к человеческому роду.

— Я надеялся, что удастся избежать стечения народа в такое раннее время. Я знаю, что и в полиции на это рассчитывали.

— Мы тоже. Потому и выбрали столь ранний час. Но теперь, когда я увидел все это собственными глазами, то понял, что это невозможно было предотвратить ничем. Люди просто сошли с ума. — Он чуть помолчал, потом проговорил, невесело усмехнувшись:

— Знаете, она не очень-то любила людей. Они ее часто разочаровывали. Поэтому она и распорядилась так своим состоянием. Что ж, ее фаны еще раз подтвердили сегодня, насколько она была права.

Пивной бар оказался именно таким, как его охарактеризовал Грант: прохладным, тихим и без больших претензий. На Чампни никто не обратил внимания. Из шестерых посетителей трое кивнули Гранту,

а трое других явно всполошились. Наблюдательный, несмотря на горе, Чампни спросил:

— А куда ходите вы, если хотите остаться неузнанным?

— Еще не нашел такого места, — с улыбкой отозвался Грант. — Однажды я путешествовал с другом на его яхте, и когда мы высадились на Лабрадоре, мужчина в сельской лавке сказал: «Теперь вы носите более короткие усы, сержант». С тех пор я больше не надеюсь найти такое место.

Они немного поговорили о Лабрадоре, потом о Галарии, где Чампни только что провел несколько месяцев.

— Раньше я полагал, что самые примитивные племена живут в Азии или в Южной Америке, но Восточная Европа даст им всем сто очков вперед. В Галарии, за исключением больших городов, до сих пор нигде нет электрического света.

— Кажется, они предали самого известного из своих патриотов?

— Римника-то? Да. Но он снова появится на политической арене, когда его партия соберется с силами.

— Сколько же там партий?

— Около десяти, не считая группировок. В этом кипящем котле живут люди чуть ли не двадцати национальностей, при этом каждая требует полного самоуправления, и все они еще мыслят как в средние века. Место удивительное. Обязательно как-нибудь там побывайте. Их столица — просто витрина, где все как во всех прочих столицах земного шара: там есть трамваи, электричество, внушительное здание железнодорожного вокзала, кинотеатры. Но стоит отъехать от нее миль на двадцать — и вы можете наткнуться на куплю-продажу невест. Девушки сидят рядом, положив перед собой узелки с приданым, и ждут, кто даст больше. Я видел однажды, как одну обезумевшую старушку выводили из здания городского типа: она решила, что стала жертвой колдовства. Ее пришлось запереть в сумасшедший дом. Вот так: в городе — современные кинокартины, а в деревне — колдовство. Но в целом это страна с большим будущим.

Грант не прерывал его, довольный уже тем, что хоть на несколько минут Чампни забыл о пережитом. Что до него, то мысленно он был не в Галарии, а в Вестовере. Так, значит, все-таки он совершил это черное дело, он, этот смазливый, чувствительный юнец! Выпросил у приютившей его женщины пять тысяч и ранчо, а потом позаботился о

том, чтобы ему не пришлось ждать завещанного слишком долго! Возникшая было у Гранта симпатия к нему скоропостижно скончалась. С этого момента Роберт Тисдейл стал для него значить не более чем пустая молочная бутылка, оставленная на подоконнике, — ненужная вещь, мусор, от которого надо избавиться как можно быстрее и без лишних хлопот. В глубине души он чувствовал легкое сожаление, что Тисдейл, каким он себе его представлял, в действительности не существует; однако сейчас он испытывал лишь облегчение оттого, что дело будет вскоре завершено. В том, какое решение будет принято на совещании, он почти не сомневался. Улик у них было достаточно. И к тому времени, когда дело будет слушаться в суде, они соберут еще.

Его непосредственный начальник — Баркер, так же как и комиссар, с ним согласился полностью. Случай был достаточно ясный. Человек разорен, остался без угла и не знает, как жить дальше. В этот момент его подбирает на дороге богатая женщина. Четыре дня спустя она составляет документ, по которому завещает ему деньги. На следующее утро, едва рассвело, женщина идет купаться. Он следует за ней через несколько минут. Он отсутствует, когда находят ее тело. Вскоре появляется и плетет небылицы о том, что похитил машину, а потом раскаялся и вернулся. В волосах утонувшей находят черную пуговицу, а у мужчины отсутствует пальто. По его словам, пальто было украдено за два дня до этого. Однако есть свидетель, который утверждает, что видел на мужчине пальто утром того же дня. Да, дело вполне ясное. Все налицо: возможность, мотив и ключевая улика.

Единственным, кто возражал против немедленного ареста, как это ни странно, оказался Эдуард Чампни.

— Вам не кажется, что все здесь как-то слишком уж гладко складывается? — усомнился он. — Я хочу сказать, неужели, будучи в здравом рассудке, кто-то станет убивать своего благодетеля на следующее утро после составления завещания?

— Вы забываете, лорд Эдуард, что, если бы не простая случайность, никто бы не сомневался в том, что это несчастный случай. К тому же ему была дорога каждая минута, — прибавил Грант. — У него оставалось всего несколько дней. Коттедж был снят только до конца месяца. Он об этом знал. Потом, она ведь могла и не пойти больше купаться. Погода испортилась бы, или ей бы захотелось куда-нибудь съездить, или, что самое главное, она пошла бы купаться,

но среди дня. А так все складывалось как нельзя лучше: пляж пустынный, утро раннее и туман еще не совсем рассеялся. Он не хотел упускать такой шанс. Да, дело абсолютно ясное.

Лорд Чампни отправился в особняк на Риджент-парк, который вместе с состоянием унаследовал от Бремфа и который в периоды между скитаниями по дальним странам служил ему домом. А Грант, с ордером на арест в кармане, направился в Вестовер.

Больше всего на свете Тозелли ненавидел полицию. За всю свою жизнь он многое что ненавидел: когда был официантом, ненавидел метрдотеля; став метрдотелем, ненавидел управляющего рестораном; сделавшись управляющим, возненавидел сразу многое и многих: шеф-повара, сырую погоду, свою жену, усы старшего портье, клиентов, которые желали видеть его во время завтрака, — всего и не перечислишь. Но более всего он ненавидел полицейских. Они мешали бизнесу, и они мешали пищеварению. Стоило ему увидеть сквозь застекленные двери, как кто-то из них входит в зал, как у него сразу переставал вырабатываться желудочный сок. Достаточно скверно было уже одно воспоминание о размерах счета на ежегодный новогодний «презент» местной полиции: тридцать бутылок шотландского виски, тридцать бутылок джина, две дюжины шампанского, еще шесть бутылок ликера; но подвергнуться вдобавок к этому еще и вторжению полицейских, так сказать не учтенных и не задобренных, и таким образом поставить под угрозу хрупкую репутацию отеля — это было слишком, свыше того, что способен выдержать мистер Тозелли с его раскормленными телесами и высоким давлением.

Именно потому он и встретил Гранта сладчайшей улыбкой: Тозелли шел с этой натянутой над негодованием, как канат над пропастью, улыбкой всю жизнь. Он даже угостил Гранта второсортной сигарой. Ах, инспектор Грант желает побеседовать с новым официантом? Пожалуйста! Ну конечно! Сделайте одолжение! Сейчас у официантов как раз перерыв — между ленчем и файф-о-клоком, но он пошлет за ним немедленно.

— Стоп! — прервал его Грант. — Вы сказали, у него перерыв? Вы знаете, где он сейчас?

— Скорее всего в своей комнате. Официанты в этот промежуток обычно дают отдых ногам, знаете ли. Разумеется, пожалуйста. Тони! — окликнул Тозелли мальчика, проходившего мимо дверей офиса. — Проводите этого джентльмена в комнату нового официанта!

— Спасибо. Вы еще будете здесь, когда я спущусь? Мне нужно с вами поговорить.

— Я буду на месте, — отозвался Тозелли трагическим тоном, выражая полную покорность судьбе. Его улыбка стала еще шире, и он взмахнул руками. — На прошлой неделе поножовщина в кухне, на этой неделе — снова... Что же на этот раз? Кража? Незаконное сожительство?

— Я потом вам все объясню, мистер Тозелли.

— Я еще буду. — Его улыбка превратилась в гримасу. — Но только недолго! Недолго, да! Я собираюсь покупать такую штуку: бросаешь в щелку шестипенсовик и получаешь еду, да, вот так. И полное, ну полное удовольствие для всех.

— Не забудьте, что и шестипенсовики бывают фальшивые, — заметил Грант, направляясь за Тони к лифту. — Сангер, вы подниметесь со мной, — сказал Грант, когда они проходили сквозь шумный холл. — Вы, Вильямс, ждите нас здесь. Мы его проведем тут. Меньше шума, чем через служебный выход. Никто ничего не заметит. Машина наготове?

— Да, сэр.

Грант и Сангер вошли в лифт. В эти несколько минут полной, внезапной тишины и вынужденного бездействия Грант успел с недоумением подумать о том, почему он не показал ордер на арест и не объявил Тозелли, в чем дело. Обычно он так и поступал. Почему им вдруг овладело такое нетерпение во что бы то ни стало поскорее словить эту птицу? Может, в нем вдруг проснулась кровожадность его шотландских предков? Или у него вдруг возникло предчувствие, что... Что? Он не знал. Он знал лишь одно, что не хочет медлить ни минуты. Время для объяснений еще будет. Сейчас он хотел только одного: чтобы этот человек оказался у него в руках.

Тихий шум лифта был как шелест поднимающегося занавеса.

Помещения для официантов, не имевших собственного жилья, располагались на самом верхнем этаже огромного здания, которое занимал вестоверский отель «Моряк». Это был ряд каморок под самой крышей. Мальчик-проводной уже протянул костлявый кулачок, чтобы постучать в дверь, когда Грант остановил его.

— Спасибо. Можете идти, — сказал он. Тони и лифтер тут же исчезли в глубинах отеля, а двое полицейских остались одни в устланном циновкой коридоре.

Грант постучал. Вялый голос Тисдейла произнес: «Войдите!»

Комната была невероятно тесной; Гранту невольно подумалось, что ожидающая Тисдейла тюремная камера покажется ему просторной. Кровать у одной стены, в другой — окно, и у дальней стены дверцы двух стенных шкафов. Тисдейл лежал на постели, спустив ноги на пол. Рядом, на покрывале, — книга вверх обложкой.

Тисдейл ожидал увидеть одного из официантов. Это было очевидно. При виде Гранта его глаза расширились, а когда он перевел взгляд на Сангера, стоявшего за спиной Гранта, то сразу догадался о цели их прихода.

— Не может быть, чтобы вы решились на это! — воскликнул он прежде, чем Грант открыл рот.

— Решились, решились, — отозвался Грант и произнес полагающиеся в случае ареста слова. Но Тисдейл как будто не слышал его.

Когда Грант замолчал, он медленно проговорил:

— Вероятно, так чувствуешь себя, когда наступает смерть: это кажется дико, но неизбежно.

— Почему вы были так уверены в причине нашего появления?

— Не пришли же вы вдвоем, чтобы справиться о моем здоровье? — сказал он чуть громче обычного. — Мне все-таки хотелось бы знать — почему? Какие у вас против меня улики? У вас не может быть доказательств, что пуговица моя, потому что она не моя. Почему вы не скажете, что именно вы обнаружили, чтобы я мог объясниться? Если у вас появилась новая улика, то почему вы не даете мне шанс оправдать себя? В любом случае имею я право знать, в чем дело?

— Вы ничего уже не сможете объяснить, Тисдейл. Лучше давайте-ка собирайтесь.

Тисдейл поднялся, все еще не веря в случившееся.

— Я не могу идти во всем этом, — проговорил он, глядя на свою униформу. — Можно переодеться?

— Можно, и возьмите с собой самое необходимое.

Опытным жестом Грант ощупал его карманы, но ничего там не обнаружил.

— Переодеваться придется в нашем присутствии. И извольте поторопиться, — сухо сказал он и прикрыл дверь, оставив Сангера снаружи. Сам же встал у окна и облокотился на подоконник: это был

самый верхний этаж, а Тисдейл мог решиться на самоубийство. Такие, как он, не в силах представить себя в тюрьме. Не хватает даже тщеславия, чтобы испытать удовольствие от сомнительной популярности после газетных публикаций. Скорее он из таких, кто говорит себе: «Когда я умру, они пожалеют о том, что сделали».

Грант незаметно следил за каждым движением Тисдейла. Постороннему наблюдателю показалось бы, что Грант просто навестил приятеля и лениво болтает с ним. На самом деле он был весь в напряжении, готовый к действию в любую минуту.

Однако все выглядело совершенно спокойно. Тисдейл выдвинул из-под шкафа чемодан и начал машинально переодеваться в свой твидовый пиджак и фланелевые брюки. Грант подумал, что будь у него при себе яд, он наверняка прятал бы его в повседневной одежде, поэтому позволил себе немного расслабиться, лишь когда Тисдейл отложил униформу в сторону. Он, видимо, оставил всякую мысль о каком бы то ни было сопротивлении закону. И слава Богу.

— Ну вот, мне снова не придется тревожиться о крыше над головой и о куске хлеба, — говорил он. — Даже в том чудовищно аморальном, что сейчас совершается, все же есть какая-то своя правда. Кстати, как насчет адвоката? Ведь ни денег, ни друзей у меня нет.

— Адвоката вам дадут.

— Понимаю. Как салфетку.

Он открыл дверцу того шкафа, который был ближе к Гранту, и принялся снимать с вешалок одежду и складывать в чемодан.

— Скажите же, по крайней мере, что у меня мог быть за мотив? — спросил он, словно эта мысль только что пришла ему в голову. — Можно спутать пуговицы, можно, в конце концов, внушить себе, что эта пуговица от того пальто, на котором ее никогда не было, но нельзя же изобрести мотив, когда такового нет?!

— Так у вас не было мотива?

— Разумеется, не было. Напротив — случившееся в четверг было самым сильным потрясением, которое я когда-либо испытал. Мне казалось, это должно быть ясно любому.

— Конечно, вы и понятия не имели о том, что мисс Клей включила вас в завещание и оставила вам ранчо и кругленькую сумму.

Тисдейл в это время укладывал рубашку. При последних словах Гранта он вдруг выпрямился с рубашкой в руках и остановившимися

глазами воззрелся на Гранта.

— Крис это сделала? — воскликнул он. — Нет. Нет, разумеется, я не знал. Как благородно с ее стороны!

На мгновение Грант заколебался. Это было выполнено безупречно: интонация, движение, пауза — профессиональный актер не сделал бы лучше. Его сомнения длились лишь минуту. Страхнув с себя наваждение, он чуть переменил позу, припомнил всех преступников с ангельским видом, которых ему доводилось встречать (Эндрю Хейли, который специализировался на том, что женился, а потом топил своих избранниц одну за другой и при этом выглядел как солист церковного хора, и других, обладавших еще большим обаянием и умом), и успокоил себя, как всякий истинный детектив, мыслью о том, что преступник у него в руках.

— Действительно, вы выкопали просто идеальный мотив. Бедная Крис, она-то думала, что осчастливила меня! Но у меня есть шансы на защиту?

— Об этом не мне судить.

— Я испытываю к вам большое уважение, инспектор. Вероятно, мне придется расстаться с жизнью, так и не доказав, что я не виноват.

Тисдейл захлопнул первый шкаф и открыл следующий. Дверца его распахивалась внутрь, и Грант не видел, что там находится.

— В одном только вы меня разочаровали. Я считал вас хорошим психологом. В субботу утром, когда я рассказывал вам о своей жизни, мне показалось, вы достаточно разбираетесь в человеческой природе, для того чтобы понять — я не способен на преступление. Теперь я вижу, что вы всего лишь обычный полицейский.

Держась за ручку двери, Тисдейл наклонился к полу, будто собираясь достать обувь.

Послышался звук ключа, выдернутого из замочной скважины, дверь захлопнулась, и прежде, чем Грант успел добежать до шкафа, ключ повернули с противоположной стороны.

— Тисдейл! — крикнул он. — Не глумитесь! Слышите?

Мысленно он уже перебирал все средства против ядов, какие знал. Господи, какой же он дурак!

— Сангер! Помогите выломать дверь! Он заперся!

Двое мужчин пытались совместными усилиями вышибить дверь, но безуспешно.

— Послушайте меня, Тисдейл, — проговорил Грант, тяжело дыша. — Только дураки глотают яд. Мы вас сейчас оттуда вытащим, дадим противоядие, и дело кончится тем, что вы будете в скверном состоянии и все равно ничего не добьетесь! Подумайте об этом!

Дверь по-прежнему не открывалась.

— Пожарный топорик! — бросил Грант. — Я видел его, когда поднимался! На стене, в конце коридора!

Всего несколько секунд Сангеру потребовалось, чтобы сбегать за топором. При первом же ударе из соседней комнаты высунулся полуодетый и сонный сотоварищ Тисдейла по профессии:

— Вы так шумите, можно подумать, что полиция сюда нагрянула! — и, увидев в руках Сангера топор, оторопело спросил: — Чего это вы задумали, мистер?

— Отойдите, дуралей этакий! Там в шкафу человек, и он собирается совершить самоубийство!

— Самоубийство? Шкаф?! — Официант взъерошил волосы, как не вполне проснувшийся ребенок. — Это никакой не шкаф.

— Не шкаф?!

— Да нет. Это... забыл, как называется... такая узенькая лестница.

— Господи Боже! — вырвалось у Гранта, и он кинулся к двери. — Куда выходит лестница? — крикнул он на бегу.

— В коридор главного холла.

— Восемь этажей, — кинул Грант. — Пожалуй, лифтом быстрее. — Он нажал кнопку. — Вильямс задержит его, если он попытается выйти на улицу, — ради собственного утешения заметил он.

— Вильямс не знает его в лицо, сэр.

У Гранта вырвалось ругательство, которое он не произносил со времен войны.

— А дежурный у служебного выхода его знает?

— Да, сэр. Он там для того и поставлен, чтобы задержать Тисдейла в случае чего. А сержант Вильямс просто ждет нас с вами.

Грант потерял дар речи. Показался лифт. Через тридцать секунд они были в холле. Выражение безмятежного спокойствия на физиономии Вильямса подтвердило их худшие опасения. Вильямс явно никого не задержал.

Люди входили и выходили: одни шли в ресторан пить чай, другие — на площадку под тентом за мороженым, третьи спешили в бар. Четвертые ждали знакомых, чтобы вместе посидеть в «Лионе» — ресторанном зале, где собирались в основном католики. Чтобы как-то выделиться в этой толпе, пришлось бы по меньшей мере начать ходить на руках. Вильямс сообщил, что минут пять назад молодой человек, с каштановыми волосами, без шляпы, в твидовом пиджаке и модных фланелевых брюках, проследовал через холл. На улицу. «И даже не один, а двое», — добавил он.

— Как двое? Они что, вышли вместе?

Нет, Вильямс имел в виду, что два разных молодых человека, отвечающих приметам, вышли на улицу за последние пять минут. А вот, кстати, и третий такой же. Действительно, они увидели того, кого имел в виду Вильямс. При виде его отчаяние, как волна, ударила Гранта и окатила его с ног до головы. В самом деле, таких, как Тисдейл, много. В одном лишь Кенте в этот момент найдутся десятки тысяч молодых людей, по внешним приметам ничем не отличающихся от Тисдейла.

Грант с трудом взял себя в руки и занялся неблагодарным делом — организацией полицейской облавы.

Это была самая крупная ставка, которую удалось сорвать Джемми Хопкинсу за всю жизнь. Вечерние выпуски всех остальных газет в тот день вышли со страшными снимками молодежной банды, объявившейся в Голден-Грин: снятые крупным планом, оружие прямо в камеру, жуткие головы, как у Медузы Горгоны; растерзанные фурии с взлохмаченными волосами, вцепившиеся друг в друга, — в редакциях посчитали, что для одного дня материала вполне достаточно. Все равно главным событием дня безусловно стали похороны Кристины Клей. Фотографии этого события получились на славу. Они могли считать, что им есть чем гордиться.

Но не напрасно Хопкинс неотступно следовал за Грантом с Вигмор-стрит до туристической конторы «Ориент», оттуда — ко Дворцу правосудия и потом снова до Скотланд-Ярда; не напрасно он томился потом за углом, пока нанятый им помощник стоял на часах возле входа и дал знать, когда Грант снова вышел оттуда. Не напрасно он потащился за Грантом в Вестовер. И «Страж» вышел с сенсационными заголовками: «Клей убита. Арест». Люди толпились

возле продавцов выпуска. Другие корреспонденты рвали на себе волосы, а главные редакторы стали грозить увольнением. Они не желали слушать робких оправданий, что, мол, Скотланд-Ярд обещал дать информацию, как только сам будет ею располагать. «За что им деньги платят? — вопрошало разгневанное начальство. — Чтобы штаны просиживать и дожидаться, когда их позовут в Скотланд-Ярд и кинут крохи с барского стола? За кого они, собственно, себя принимают — за владельцев тотализаторов?»

Зато Джемми сегодня был у начальства в фаворе и получил отличный гонорар. Он снял себе номер в «Морском отеле», устроился там по-царски (не то что Грант, у которого там тоже был номер, но которому все ближайшие дни и ночи предстояло провести в полицейском участке) и возблагодарил звезды за то, что они уготовили Кристине Клей такую эффектную кончину.

Что касается Гранта, то, как он заранее и предполагал, он был завален сугробами информации. К полудню вторника Тисдейла видели уже почти во всех концах Англии и Уэльса, а к пяти часам дня — и в Шотландии. Видели, как он выходил из кино в Аберистве. Видели, как он удил с моста в Йоркшире и подозрительно надвинул на лоб шапку, когда к нему подошли. Он снял номер в гостинице «Линкольн» и исчез, не заплатив (Грант предполагал, что Тисдейл и в самом деле часто исчезал, не заплатив). Он попросился на пароход в Ловэтофте. (И еще в полудюжине мест. Количество молодых людей, уклонившихся от уплаты квартирным хозяйкам и желавших покинуть родные места, оказалось просто угнетающе велико.) Его нашли мертвым в болоте возле Пенрита (перепроверка этого сообщения заняла у Гранта больше половины дня). Его обнаружили мертвецки пьяным в одном из лондонских переулков. Он покупал шляпу в Хите, в Грэнтаме, Ливсе, Торн-бридже, Дорчестере, Эшторде, Лутоне, Эйлсбери, Лейчестере, Ист-Гринстеде и в четырех магазинах Лондона. Он также купил пачку булавок в универсальном магазине «Сван и Эдгар». Он съел сэндвич с крабами в забегаловке на Аргил-стрит, две булочки с кофе — в кондитерской у Гастингса и бутерброд с сыром в гостинице «Приют путника». Он также был замечен в краже всевозможных вещей во всевозможных местах, в том числе хрустального графина для вина со склада посудного магазина в Кройдоне. Когда сообщившего спросили,

зачем, по его мнению, Тисдейлу мог понадобиться графин, тот ответил, что он может служить прекрасным оружием.

Три телефона, как безумные, трезвонили не переставая, почта, телеграф, радиопередатчик и просто люди все продолжали приносить новую информацию. Девять десятых ее были явно бесполезны, однако всю ее надо было принять; часть сведений, перед тем как признать их бесполезность, требовалось проверить.

Грант кинул взгляд на растущую перед ним на столе кипу рапортов, и самообладание покинуло его.

— За малую промашку — и такая цена! — выдохнул он.

— Не горюйте, сэр! — отозвался Вильямс. — Могло быть и хуже.

— Куда уж хуже! Что же, по-вашему, должно произойти, чтобы стало еще хуже?

— Мог бы явиться чокнутый, признаться в убийстве, и мы потратили бы на него целый день.

Чокнутый заявился на следующее же утро.

Грант поднял глаза от мокрого от росы пальто, которое ему только что принесли, и увидел, что Вильямс с таинственным видом, прикрыв за собой дверь, таинственно к нему приближается.

— Что еще там, Вильямс? — резко спросил он, предчувствуя недоброе.

— Чокнутый.

— Что?!

— Особа, желающая сделать признание, — проговорил Вильямс виноватым голосом, будто считал, что именно его вчерашние слова навлекли на них эту беду.

Грант застонал.

— Очень необычная особа, сэр. Весьма любопытная. Можно даже сказать, интересная.

— Снаружи или внутри?

— Я имел в виду, как она одета.

— Она? Так это женщина?

— Да. Леди, сэр.

— Пусть войдет.

У него даже в ушах закололо от ярости: как посмела какая-то падкая до сенсаций дамочка посягать на его время ради утоления своих нездоровых appetитов?!

Вильямс распахнул двери и впустил ярко и модно одетую женщину.

Это была Джуди Селлерс.

Не говоря ни слова, она вошла с мрачным и решительным видом. Несмотря на удивление, вызванное ее приходом, Грант невольно подумал о том, насколько она заурядна, несмотря на свою экстравагантную внешность. Недовольство всем на свете вообще и своей судьбой в частности — этот тип был ему слишком хорошо знаком.

Молча он пододвинул ей стул. Грант, когда хотел, умел держаться очень высокомерно.

— Спасибо, сержант. Вы мне больше не понадобятся, — произнес он и, когда Вильямс вышел, обратился к Джуди Селлерс: — Не считаете ли вы, что это непорядочно?

— Непорядочно?

— Я работаю по двадцать три часа в сутки, чтобы разобраться в очень важном деле, а вы считаете для себя возможным разыгрывать передо мной комедию с признанием в убийстве.

— Никакой комедии я не разыгрываю.

— Это уже настолько смешно, что у меня есть желание освободиться от вашего присутствия немедленно.

Он хотел было выйти, но Джуди остановила его словами:

— Если вы так поступите, я пойду в другой полицейский участок, сделаю признание им, а они все равно пошлют меня к вам. Я действительно ее убила!

— Ничего подобного вы не делали.

— Это почему же?

— Хотя бы потому, что вас здесь не было.

— Откуда вы знаете, где я была?

— Вы, кажется, забыли: из субботнего разговора мне известно, что вы были в Челси на квартире мисс Китс.

— Я туда зашла только на коктейль. И ушла рано: мисс Китс собиралась с компанией куда-то вверх по Темзе.

— Даже если это и так, все равно невероятно, чтобы вы объявились на следующий день на рассвете на пляже возле Вестовера, вскоре после восхода солнца.

— Ничего удивительного нет в том, что утром я была уже на севере Англии. Если хотите знать, я подъехала на мотоцикле. Можете справиться у меня дома. Девушка, вместе с которой мы снимаем квартиру, скажет вам, что я вернулась домой только в четверг около двух.

— Одно это вряд ли может служить доказательством ваших преступных намерений.

— Но так оно и было. Я подъехала к Расщелине, спряталась в зарослях и подождала, пока она придет.

— Разумеется, на вас было мужское пальто.

— Да, хотя я не понимаю, как вы догадались. В машине было холодно, и я надела пальто брата, которое лежало там.

— Так вы вышли на пляж в пальто?

— Я же сказала, было промозгло. И я не люблю залезать в воду по утрам.

— А вы еще и в воду залезли?

— Ну конечно. Не могла же я ее утопить с берега.

— И оставили пальто на берегу?

— Нет, — саркастически отозвалась она. — Я пошла плавать в пальто.

Грант облегченно вздохнул: он уже начал бояться, что она говорит правду.

— Итак, вы переоделись в купальный костюм, вышли на пляж в накинутом на плечи пальто, и дальше? Что было дальше?

— Она отплыла уже довольно далеко от берега. Я вошла в воду, подплыла к ней и утопила.

— Каким образом?

Она сказала: «Привет, Джуди». Я ей ответила и легонько стукнула по подбородку — брат показал мне, куда надо бить, чтобы вывести человека из строя. Потом я поднырнула, взяла ее за пятки и потащила за собой, пока она не утонула.

— Складно у вас получается. И долго вы это обдумывали? А мотив вы тоже себе придумали?

— Просто я ее терпеть не могла. Ненавидела ее, если хотите знать. За ее успех, внешность, за ее самонадеянность. Она встала мне поперек горла, как кость: я не могла ее больше выносить.

— Понятно. А теперь объясните пожалуйста, почему, практически идеально совершив убийство, вы теперь спокойно приходите ко мне, чтобы самой сунуть голову в петлю?

— Потому что вы подозреваете другого человека.

— Скажите уж прямо — потому, что мы подозреваем Роберта Тисдейла. Он и есть истинная причина. А теперь, может — в качестве компенсации за потраченное на вас мое драгоценное время и в виде оправдания, — вы расскажете мне все, что вам известно о Тисдейле?

— Ничего мне о нем не известно. Кроме одного — на убийство он не способен. При любых обстоятельствах.

— Выходит, вы его хорошо знаете?

— Нет. Едва знакома.

— И вы не были, так сказать, друзьями?

— Нет, ни друзьями, ни любовниками, если вы это имели в виду. Бобби Тисдейл представления не имеет, что я существую на свете, он только однажды передал мне коктейль.

— И тем не менее вы поставили на карту свою жизнь, чтобы его вызволить? — спросил Грант более мягко.

Она предпочла не заметить этого и угрюмо ответила:

— Если я убила, почему за меня должен пострадать невинный?

— Я думаю, это зависит от того, насколько искушена в таких делах полиция. Мне кажется, вы нас явно недооцениваете, мисс Селлерс.

— Мне кажется, вы полные идиоты. Вы собираетесь арестовать невиновного. Гоняетесь за ним, как собаки. И не желаете верить, когда вам признаются в убийстве.

— Понимаете, мисс Селлерс, в деле всегда бывают некие детали, которые известны лишь полиции и не попадают в газеты. Вы же сочинили свою историю на газетной информации. Об одной такой детали вы просто не знали. О другой забыли.

— О чем это я забыла?

— О местопребывании Кристины Клей не было известно никому.

— А убийце?

— Конечно. В этом-то все и дело. А теперь извините, я очень занят.

— Вы не поверили ни одному моему слову.

— Неправда. Поверил, и даже не одному: ночь на вторник вы провели вне дома, вы, вероятно, в тот день действительно купались, а в среду, к середине дня, вы вернулись домой. Но все это еще не преступление.

Она неохотно встала и небрежным жестом вынула из сумочки помаду.

— Что ж, — подкрашивая губы, сказала она хорошо поставленным, «сценическим» голосом. — Моя попытка хоть немного прославиться провалилась, и мне не остается ничего другого, как до конца дней своих играть безмозглых блондинок. Хорошо, что я купила обратный билет.

— Меня вам не одурачить, — сказал на прощание Грант, несколько повеселев, и распахнул перед ней двери.

— Тут вы, может, и правы, черт вас подери. Но насчет него вы глубоко ошибаетесь. Настолько глубоко, что, помяните мое слово, еще покроете себя позором до завершения этого дела. — С этими словами она с независимым видом проследовала мимо изумленного Вильямса и двух клерков и исчезла.

— Ну вот, — заметил Вильямс, — начало положено. Прямо какой-то ненормальный народ пошел, правда, сэр? Если бы мы обнародовали факт, что ищем пальто с оторванной пуговицей, то наверняка нашли бы такие, кто сам оторвал бы пуговицу и притащил нам свое пальто. Просто так, развлечения ради. Словно нам и без того делать нечего. А дамочка не похожа на чокнутую, ведь так?

— Не похожа. Что вы о ней думаете, Вильямс?

— Из актрисул, что играют в мюзиклах. Хочет получить паблисити ради карьеры. Молоток, а не дамочка.

— Вот и неверно. Играет в театре. Ненавидит свою профессию. Мягкосердечна до того, что готова жертвовать собой ради ближнего.

Вильямс был явно обескуражен.

— Правда, я с ней почти не разговаривал, — заметил он, словно оправдываясь.

— Конечно. Если судить по внешности, то ваше заключение абсолютно точно. Хотелось бы мне также уверенно делать свои заключения в нашем с вами деле. — Он сел и задумчиво провел руками по волосам. — Что бы вы предприняли, выбравшись из «Моряка»?

Вильямс понял: Гранту хочется, чтобы он поставил себя на место Тисдейла.

— Я бы сел в переполненный автобус. Первый попавшийся. Сошел бы вместе с остальными и двинулся так, будто знаю, куда и зачем иду. И постарался бы держаться с таким видом все время, пока я на людях.

— А потом?

— Потом, вероятнее всего, снова сел в автобус, чтобы выбраться за город.

— Вы хотите сказать, что покинули бы город?

— Ну да, конечно! — удивился Вильямс.

— В сельской местности городской человек всегда больше бросается в глаза.

— А на что лес? В этой части столько лесов, что в них человек может скрываться сколько захочет. А если он доберется до лесного массива возле Эшдауна, то и сотня полицейских не прочешет тот лес полностью.

Грант отрицательно покачал головой:

— Но надо же чем-то питаться. И где-то спать.

— Спать можно и в лесу. Погода стоит теплая.

— Прошло уже двое суток. Если он вне города, то должен бы выглядеть изможденным и грязным. Но так ли это на самом деле? Вы заметили, никто не сообщил нам, чтобы он где-нибудь покупал бритву. Все-таки есть шанс, что он укрылся у кого-нибудь из приятелей. Интересно... — Его взгляд остановился на стуле, который только что занимала Джули Селлерс. — Нет, вряд ли она решила уж так блефовать. Будь он у нее, она бы к нам не явилась.

Вильямс подумал о том, что хорошо бы Гранту пойти в отель и хоть немного отоспаться. Он слишком близко принимает к сердцу свой промах при аресте Тисдейла. Никто не застрахован от ошибок, Грант — знаток своего дела, и это известно всем. Его репутация в Ярде достаточно прочна. И чего он себя так казнит за то, что могло случиться с каждым? Конечно, и в Ярде есть охотники занять его место, но к ним всерьез никто не относится. Все знают, чего они добиваются. Грант — профессионал, с ним все в порядке. Глупо, что он сокрушается из-за такой ерунды.

Если бы можно было предположить, что у полисмена болит за кого-то сердце, то уж точно — большое сердце Вильямса болело за начальника.

— Уберите этот отвратительный предмет, — говорил между тем Грант, показывая на пальто. — Ему по меньшей мере двадцать лет, и лет десять как на нем нет ни одной пуговицы. Одно меня озадачивает, Вильямс: на пляже пальто было на Тисдейле, а вернулся он без него. Значит, он должен был избавиться от пальто где-то по дороге. Далеко отклоняться в сторону у него просто не хватило бы времени. Он спешил вернуться, чтобы загладить свою ошибку с паническим бегством. И, несмотря на все усилия, мы так и не обнаружили это пальто. В этом районе два пруда, оба мелкие, и оба мы обшарили. Три ручейка, в которых монеты не спрячешь, даже бумажного кораблика непустишь. Канавы все облазили, садовые ограды осмотрели, две рощи тоже прочесали. Ничего! Что он с ним сделал? Что бы вы с ним сделали, а, Вильямс?

— Сжег.

— Времени не хватит. И потом, оно сырое, скорее даже не сырое, а мокрое.

— Скатал бы и сунул куда-нибудь на дерево. Обычно все ищут на земле.

Вильямс! Вы прирожденный преступник! Изложите Сангеру свою идею, и пусть он сегодня же проверит ее на практике. Мне это пальто нужнее сейчас, чем сам Тисдейл. Просто позарез необходимо!

— Кстати, о бритвах, сэръ. Может быть, он успел взять свою?

— Я об этом не подумал. Я не думал, что у него хватит духу на это. Правда, я вообще не предполагал, что у него хватит духу на то, чтобы дать тягу. Я думал только о попытке самоубийства. Где его вещи?

— Сангер доставил их сюда вместе с чемоданом. Здесь все, что у него было с собой.

— Посмотрите прямо сейчас, там ли бритва. Чтобы знать хотя бы, выбрит он или нет.

Бритвы в чемодане не оказалось!

«Я обманулся в вас, инспектор», — произносит он, а тем временем спокойно кладет в карман бритву и готовится удрать под самым носом у великого детектива. Я абсолютно заблуждался по

поводу этого парня, Вильямс. Абсолютно. Поначалу, когда вез его на разборательство, я решил, что он один из импульсивных истериков. Потом, когда узнал про завещание, изменил свое мнение. Хотя по-прежнему считал его слабаком. А теперь... теперь оказывается, он планировал побег у меня под носом — и осуществил это! Это не Тисдейл слабак, а я!

— Да не убивайтесь вы так, сэр! В настоящий момент у нас полоса невезения. Но вы и я — только вы и я вдвоем, клянусь вам — добудем этого стервеца и отправим его туда, где ему и место! — горячо проговорил Вильямс. Произнося эту прочувствованную речь, Вильямс и не подозревал о том, что особой, которая действительно сыграет центральную роль в передаче преступника в руки правосудия, окажется глупенькая дамочка из Канзас-Сити, которая и знать не знала об их существовании.

Эрика тормознула и остановила свою непрезентабельную крошечную машину. Потом она дала задний ход и остановилась снова. Она с интересом поглядела на носок мужской туфли, выглядывавшей из зарослей травы и папоротника, потом перевела взгляд на пустынный ландшафт и на белеющую, прямую как стрела, дорогу, по сторонам которой посверкивали на солнце ограничители скорости.

— Можете вылезать, — сказала она, — на целые мили вокруг нет ни одной живой души.

Носок туфли исчез, и из-за кустов появилась удивленная мужская физиономия.

— Уф! Теперь я могу вздохнуть с облегчением. А то я уж думала, что вы мертвый.

— Откуда вы узнали, что это я? Вы же знали, что это я?

— Конечно знала. У вас на подошве одной туфли такая смешная загогулина — в том месте, где был ценник приклеен. Я заметила ее еще тогда, когда вы лежали на полу у отца в кабинете.

— Ах вот вы кто. Вы прекрасный детектив.

— А вы никуда не годный беглец. Вашу ногу просто нельзя не заметить.

— Вы появились так неожиданно. Я не слышал вашей машины и опомнился, когда она на меня уже чуть не наехала.

— Вы что, глухой? Бедная Тинни — над ней все графство потешается. В наших местах она такая же достопримечательность, как шляпка леди Миддлвей или коллекция раковин старого мистера Дина.

— А почему Тинни?

— Она когда-то была Кристиной, ну а потом... потом одряхла и стала Тинни. Вы просто не могли ее не слышать.

— Наверное, я на какое-то время задремал. Я... я немножко недосыпаю.

— Еще бы. Есть хотите?

— Это чисто теоретический вопрос или у вас есть что-нибудь съестное?

Эрика засунула руку в машину и извлекла полдюжины булочек, баночку с консервированным языком, граммов двести масла и шесть помидоров.

— Консервный нож я забыла. Стукните по крышке чем-нибудь острым, и она проткнется.

Она деловито разрежала булочку перочинным ножиком и стала ее намазывать маслом.

— Вы что, постоянно носите с собой еду? — спросил он подозрительно.

— Ага. Я всегда есть хочу. И потом, иногда прихожу домой только к вечеру. Держите нож, отрежьте консервы и кладите на булку. Потом нож дадите мне, я вторую булочку разрежу.

Он послушно сделал, как она велела, и Эрика стала резать еще одну булочку, из деликатности стараясь не смотреть в его сторону, чтобы ему не приходилось сдерживать голод.

Наконец он заговорил:

— Вы, конечно, понимаете, что поступаете нехорошо.

— Почему это?

— Нехорошо, потому что помогаете сбежавшему преступнику; вдвойне нехорошо, потому что ваш отец констебль. К тому же — и это еще серьезнее, — если я тот, за кого они меня принимают, в эту минуту вы подвергаете себя страшной опасности. Нельзя такие вещи делать.

— Если бы вы были убийцей, то какой смысл вам еще и меня убивать? Чтобы я не донесла на вас, что ли?

— По-моему, если человек убил однажды, так ему ничего не стоит сделать это опять. Больше одного раза все равно не повесят. Значит, вы не считаете, что я убил?

— Уверена, что нет.

— Откуда такая уверенность?

— Вы на это не способны.

— Спасибо! — сказал он с чувством.

— Я не в том смысле.

— А! Понял! — Он слабо улыбнулся. — Не очень лестно, но обнадеживает. Скажите, у вас в роду, случайно, не было святого Георгия?

— Георгия? Нет, не было. Да вы не бойтесь, ради правого дела я вру без запинки.

— Да, сегодня вам этого не избежать. Если вы только и вправду не собираетесь меня выдать.

— Не думаю, что меня кто-то будет допрашивать, — сказала она, не потрудившись даже отреагировать на его последнюю реплику. — Кстати, должна сказать, борода вам не идет.

— Она и мне не нравится. Я захватил с собой бритву, но без мыла и воды у меня ничего не получается. У вас, случайно, нет с собой в машине еще и кусочка мыла?

— Нет. Я не мою руки перед едой. Зато у меня есть такая мыльная жидкость, «Снежинка» называется. Я ею пользуюсь для рук, когда приходится менять колесо. — Она достала бутылку из кармана в машине. — А вы, похоже, гораздо умнее, чем мне казалось.

— Да? Из чего вы сделали такой вывод?

— Из того, что вы удрали от инспектора Гранта. Отец говорит, что он знаток своего дела.

— Я тоже так думаю. Да я бы ни за что не решился на побег, если бы так не боялся, что меня посадят. Вообще-то, те полчаса были самыми захватывающими за всю мою жизнь. Теперь я знаю, что значит жить на полную катушку. Раньше я думал, что это — когда у тебя есть куча денег и ты можешь делать все, что пожелаешь, по двадцать разных развлечений в сутки. Оказывается, это совсем другое.

— Она действительно была такая хорошая — Кристина Клей?

— С вами не соскучишься — перескакиваете с одной темы на другую, — проговорил раздраженно Тисдейл, сразу перестав улыбаться. — Да, она была прекрасным и очень великодушным человеком. — Он даже забыл про еду. — Знаете, что она сделала? Она подарила мне ранчо в Калифорнии, потому что знала, как я ненавижу сидение в конторе.

— Знаю.

— Да?

— Я слышала, как отец и другие это обсуждали.

— А! И вы все-таки верите, что я не убивал ее? Да, похоже, вы действительно считаете меня ни на что не годным.

— Красивая она была?

— А вы ее никогда не видели? На экране, я имею в виду?

— Кажется, нет.

— И я тоже. Забавно, да? Когда переезжаешь с места на место, то часто пропускаешь самые известные фильмы.

— А я вообще редко бываю в кино. До хорошего кинотеатра от нас далеко. Съешьте еще языка.

— Крис думала, что спасла меня от бедности. Какая злая ирония: ее подарок обернулся для меня смертным приговором.

— Вы не догадываетесь, кто бы мог это сделать?

— Нет. Я же не знаю никого из ее друзей. Она просто подобрала меня на улице как-то ночью. Наверное, вам представляется это диким?

— Совсем нет. Если вы понравились друг другу. Я очень большое значение придаю внешности.

— Не могу до сих пор отделаться от ощущения, что полиция ошибается. Что это все-таки не убийство, а несчастный случай. Вы бы видели пляж в то утро. Абсолютно пустынный. Кругом ни души. Еще все спали. Почти невероятно, чтобы в этот час и в это место кто-то явился специально, с целью совершить убийство. Ведь мог же и на самом деле произойти несчастный случай.

— Если бы ваше пальто нашлось и на нем все пуговицы оказались целы, это сняло бы с вас подозрение?

— Думаю, да. По-моему, это единственная улика, которая есть у полиции против меня. Но вы-то больше моего знаете, что у них есть, — сказал он с мимолетной улыбкой.

— Где вы были, когда его потеряли — это ваше пальто?

— Как-то мы поехали в Димчарч. Помнится, это было во вторник. Мы вылезли из машины и пошли прогуляться вдоль мола. Наши пальто остались на заднем сиденье. Они всегда у нас там лежали. Я не хватился своего, пока мы не остановились дозаправиться на обратном пути. Я повернулся, чтобы взять сумочку, которую Крис туда кинула, когда мы селись.

Он вдруг запнулся и страшно покраснел. Эрика взглянула на него с недоумением и потом тоже смутилась. Она не сразу сообразила: признание, как само собой разумеющееся, того факта, что женщина за него платила, для Тисдейла было более унижительным, чем само обвинение в убийстве.

— И пальто на месте не оказалось, — поспешно проговорил он. — Оно могло исчезнуть, только пока мы прогуливались.

— Может, цыгане?

— Вряд ли. Я их не встречал. Скорее всего случайный прохожий.

— На пальто есть какая-нибудь особая примета? Ну по которой можно доказать, что оно ваше?

— Мое имя есть на ярлычке.

— Если его украли, то первое, что вор сделает, это сдерет ярлычок.

— Да-да, конечно. Погодите, я вспомнил еще кое-что: маленькая дырочка ниже кармана — кто-то сигаретой случайно прожег.

— Вот это уже лучше. Тут уже сомнений не будет.

— Если его найдут!

— Не думаете же вы, что вор сам принесет его, узнав, что оно нужно полиции? И потом, полиция не смотрит на те пальто, которые на ком-то надеты. Они ищут брошенное. Собственно, ваше-то пальто никто и не ищет. Ради того, чтобы доказать, что то, с оторванной пуговицей, — не ваше.

— Что же мне делать?

— Сдаться.

— Что?!

— Сдаться властям. Вам дадут адвоката и все такое прочее. Тогда уже он займется поисками вашего пальто.

— Не могу я этого сделать. Просто не могу, и все тут. Между прочим, как вас зовут?

— Эрика.

— Так вот, Эрика, при одной мысли, что меня запрут, мне делается плохо.

— Клаустрофобия, что ли?

— Ну да. Когда я знаю, что могу в любой момент выйти из какого-то закрытого помещения, ну пещеры предположим, это еще ничего. Но оказаться запертым на ключ, когда не останется ничего другого, как сидеть и думать, думать о... Нет, ни за что.

— Раз так, тут уж ничего не поделаешь. Но это был бы самый разумный путь. Что же вы собираетесь делать?

— Опять заночую здесь. Вроде дождя не предвидится.

— Может, вам обратиться к кому-нибудь из друзей?

— Когда на мне висит убийство? Ну нет! Вы переоцениваете прочность человеческой дружбы. — Он немного помолчал и потом,

сам пораженный этой мыслью, добавил: — Нет, пожалуй, тут я не прав. Просто мне, видимо, до этого не встречались настоящие друзья.

— Давайте тогда решим, куда мне завтра принести вам еду. Хотите, сюда же?

— Нет.

— Тогда куда?

— Я другое имел в виду. Я хотел сказать, вы не должны больше со мной видаться.

— Почему это?

— Потому что вы нарушаете закон, укрываете преступника. Я точно не знаю, как это у них называется, но это уголовно наказуемо. Нельзя этого делать.

— А кто мне может помешать выронить еду из машины? Нет такого закона, который это запрещает. Просто сыр, ломоть хлеба и шоколад случайно вывалятся у меня из машины. А теперь мне пора. Вокруг вроде бы никого, но, если надолго остановить машину, обязательно непонятно откуда кто-нибудь появится и станет задавать вопросы.

Она собрала остатки пищи, бросила в машину и села за руль. Непроизвольно он сделал движение, чтобы встать.

— Не валяйте дурака. Не надо вам высовываться.

Стоя на коленях, он обернулся:

— Хорошо. Эта поза вас устраивает? Во всяком случае, она лучше всего выражает мои чувства.

Она захлопнула дверцу и, перегнувшись через борт, спросила:

— Чистый или с орехами?

— Что?

— Шоколад.

— А! Если можно, с изюмом. Когда-нибудь, Эрика Баргойн, я осыплю вас бриллиантами и вы будете ходить по коврам, мягким, как...

Но последние слова потонули в реве Тинни, рванувшей с места в карьер.

— Добрячок, — обратилась Эрика к старшему конюшему отца, — у тебя что-нибудь отложено на черный день?

Добрячок оторвался от счетов на зерно, над которыми потел, его старческие выцветшие глаза скользнули по лицу Эрики, и он снова ушел в свои подсчеты.

— Два пенса! — наконец выплюнул он.

Это относилось к счетам, и Эрика терпеливо ждала, когда он закончит. Добрячок ненавидел цифры.

— На приличные похороны хватит, — наконец ответил он, дойдя до конца колонки.

— Ты же не завтра собрался помереть. Не одолжишь мне десять фунтов?

Старик перестал слюнить огрызок карандаша, от которого у него на кончике высунутого языка осталось лиловое пятно.

— Вот оно что! — произнес он. — Чего это ты затеяла?

— Пока ничего. Но кое-что на уме есть. А бензин нынче дорогой.

Упомянуть про бензин было ошибкой.

— Так это опять для машины! — ревниво заметил Добрячок. Тинни он терпеть не мог. — Если тебе это нужно для машины, спроси у Харта.

— Что ты, у него я не могу, — ответила возмущенно Эрика. — Он же у нас совсем недавно.

Харт был шофером и считался новеньким: он проработал у них всего одиннадцать лет.

Добрячок пристыжено смолк.

— Ничего плохого я не задумала, — заверила его Эрика. — Я взяла бы у отца, но он сегодня ночует у дяди Вильямса. А женщины всегда любопытничают.

Поскольку в данном случае упоминание о женщинах могло относиться только к няне, то тут она выиграла очко, которое потеряла, сказав про бензин: Добрячок няню, как и Тинни, тоже терпеть не мог.

— Десять фунтов — большой кусок от моего гроба, — заметил он, дернув головой.

— Так это ж только до субботы. До субботы тебе гроб не понадобится. У меня есть восемь фунтов в банке, но я не хочу тратить завтрашнее утро на поездку в Вестовер. Мне сейчас время дорого. Если со мной что случится, эти восемь фунтов твои. А еще два отец отдаст.

— А почему пришла именно к Добрячку? — спросил он, не сдаваясь.

Говорил он невозмутимым тоном, и любой на месте Эрики, наверное, пытаясь разжалобить его, сказал бы: «Потому, что ты самый старый мой друг, потому, что с трехлетнего возраста ты всегда выручал меня из всяких передряг и посадил меня впервые на лошадь, потому, что ты умеешь молчать, потому, что, несмотря на всю свою ворчливость, ты действительно Добрячок».

Но вместо этого Эрика сказала:

— Я просто подумала, насколько удобнее, когда деньги хранятся в чайных коробках, а не в государственных банках.

— Что-что?!

— Может, мне и не надо было этого говорить. Твоя жена мне однажды об этом рассказала, когда я пила у нее чай. Бумажки высовывались из коробки с чаем. Я подумала: что-то чересчур крупное там для чая. А вообще-то, идея очень хорошая. — И так как Добрячок хранил ошеломленное молчание, добавила в качестве объяснения: — Ведь кипящая вода все микробы убивает. И потом, — закончила она, приберегая к концу последний, самый-самый сильный довод, — к кому мне было еще обращаться, как не к тебе?

Она взяла огрызок карандаша и на обратной стороне счета местного спортзала крупным ученическим почерком вывела:

«Я, Эрика Баргойн, должна Бартоломею Добрячку десять фунтов».

— Ну вот, до субботы сойдет и это. Все равно у меня чековая книжка кончилась.

— Мне не нравится, что ты разбрасываешь мои медные уздечки по всему Кенту, — проворчал Добрячок.

— А мне кажется, медные очень показушные, — отозвалась Эрика. — Лучше, если бы они у тебя были обыкновенные — из

кованого железа.

Пока они шли через сад и лужайку к его коттеджу и чайной жестянке, где хранились деньги, Эрика спросила:

— Как ты думаешь, сколько закладных лавок в Кенте?

— Тыщи две, наверное.

— О Господи! Ошалеть можно! — вырвалось у нее.

Разумеется, Добрячок мог преувеличить. Откуда ему знать — ведь он в жизни ничего не закладывал. Хотя, наверное, их и вправду уйма. Даже в таком, в общем-то, благополучном крае, как Кент. Она сама никогда ни одной не видела. Но наверное, их и не замечаешь, пока не начнешь искать. Как грибы.

В половине седьмого, безветренным и уже душным утром, она вывела Тинни из гаража; все еще спали, и белый в утреннем свете дом сонно улыбался ей пустыми, еще притворенными окнами. Тинни в любое время суток производила ужасный шум, но сейчас, на рассвете, ее рев казался просто непристойным. Впервые Эрика почувствовала, что готова изменить своей Тинни. Частенько Тинни выводила ее из себя; Эрика на нее злилась, она ее проклинала, но она сердилась на нее так, как сердятся на близкое тебе существо. Никогда раньше — ни наедине с собой, ни тогда, когда ее Тинни подвергалась насмешкам друзей — не возникало у нее желания расстаться с Тинни или бросить ее. И лишь сейчас она вдруг совершенно хладнокровно сказала себе: «Придется купить новую машину».

Эрика становилась взрослой.

Тинни прокладывала себе дорогу по тихим, сияющим аллеям, фыркая, пыхтя и содрогаясь, и Эрика, выпрямившись на старомодном сиденье, уже перестала о ней думать. Рядом лежала коробка с половинкой цыпленка, булкой, маслом, помидорами, тостами и бутылкой молока. Весь этот «ленч для мисс Эрики» был данью ни о чем не подозревавшей экономки нарушению закона. Кроме этого в бумажном пакете было еще съестное, может не столь изысканное, но более основательное. По собственной инициативе Эрика прикупила кое-что в деревенской лавке мистера Дидса. («Торговец продовольственными товарами. Только самое лучшее!») Мистер Дидс продал Эрике несколько аппетитных розовых кусочков телятины («вам действительно именно такие толстые куски, мисс Эрика?»), однако

даже у него не оказалось требуемого шоколада с изюмом: на этот товар особого спроса не было.

Эрике ни разу не пришла в голову мысль, что она устала, что до закрытия магазинов остается совсем немного времени и что голодному человеку не до того, чтобы разбираться, какой шоколад — с изюмом или без. Она могла бы купить какой был. Но не купила. Эрика, хотя она ни за что не стала бы себе в этом признаваться, прекрасно знала на своем опыте, как важны маленькие знаки внимания. Особенно когда человеку плохо и он один. В течение всего душного, пыльного вечера она упрямо объезжала все деревенские лавки одну за другой, и ее упорство лишь возрастало с каждой неудачной попыткой. Зато теперь в отвисшем и рваном кармане у Тинни лежали четыре двухсотграммовые плитки шоколада с изюмом — все, что нашлось у миссис Хиггинс в Лейтэме, которую в четверть восьмого Эрика упростила оторваться от вечернего чая («только ради вас, мисс Баргойн, больше ни для кого не стала бы») и отпереть огромным ключом облезлую дверь своей лавочки.

Время близилось к восьми, когда Эрика миновала сонный Маллингфорд и покатила по раскаленной солнцем открытой местности. Когда она свернула на прямой отрезок меловой дороги, ведущей к тому месту, где ее натренированный глаз вчера заметил торчавший носок туфли, то подумала о том, что папоротник далеко не лучшее укрытие для Тисдейла. Не столько в смысле укрытия от людей, сколько от солнца. Завтрашний день обещает быть еще более жарким, Тисдейлу пригодятся и молоко и помидоры, чтобы справиться с жаждой. У нее мелькнула мысль, что, может быть, стоит переправить беглеца в другое место. Например, ближе к Чарингу. Там такие леса, что целую армию людей можно укрыть от закона и от солнца. Но Эрика никогда особенно не любила лес и сама не чувствовала там себя в безопасности. Лучше уж печься в папоротнике, откуда видно далеко вокруг, чем наткнуться на незнакомца в лесной чаще. К тому же Тисдейл может и отказаться.

Сомнений по поводу того, как на ее предложение отреагировал бы Тисдейл, не было никаких, однако обсудить это с ним возможности не представилось. Или он спал как убитый, и даже рычание Тинни не смогло пробудить его, или он покинул это место. Эрика доехала до конца дороги на полном газу, причем Тинни производила такой шум,

будто шел экспресс. Потом она выключила мотор, и наступила оглушающая тишина. Даже жаворонки не пели, даже тени не шелохнулись.

Она спокойно ждала, не глядя по сторонам, положив руки на руль в позе человека, раздумывающего, что ему предпринять дальше. Было важно, чтобы у случайного прохожего не возникло подозрение, будто она кого-то ждет. Так она просидела минут двадцать — не озираясь и не нервничая. Потом потянулась и, убедившись за это время, что дорога по-прежнему безлюдна, вышла из машины. Если бы Тисдейл хотел заговорить с ней, то давно бы это сделал. Она достала два пакета и шоколад и положила на том самом месте, где Тисдейл вчера лежал. К этому она добавила пачку сигарет, которую извлекла из собственного отвисшего кармана. Сама Эрика не курила, она, конечно, пробовала, но никакого удовольствия не испытала и не стала себя пересиливать; она не знала, курит ли Тисдейл: сигареты и спички захватила просто на всякий случай. Эрика если уж за что бралась, то выполняла все точно, до мелочей.

Больше не оглядываясь по сторонам, она залезла в машину, растормошила Тинни и покатила по дороге в сторону расположенного далеко по побережью Димчарча, направив туда и все свои помыслы.

Эрика очень разумно рассудила, что пальто украдено не местным жителем. Она выросла в сельской местности и прекрасно знала, что пальто, будь оно надето на самом незаметном человеке, не может сразу же не вызвать к себе повышенный интерес у окружающих. Знала она и другое: сельский житель не склонен закладывать вещи и вид пальто, оставленного в машине, вряд ли вызовет у него мысль о возможной денежной вырубке — в отличие от обычного бродяги. Если бы он и решился его присвоить, то для того, чтобы носить самому. Неприятности же, связанные с необходимостью объяснять всем и каждому происхождение обновки, наверняка привели бы его к мысли о том, что лучше уж не связываться и оставить пальто на месте. Следовательно, по разумению Эрики, пальто взял чужак.

Это обстоятельство, с одной стороны, вроде бы упрощало дело, но с другой — делало поиски еще более трудными. Чужак, конечно, заметнее, и его легче опознать. Опять же, поскольку он может свободно перемещаться, выследить его труднее, чем местного. Сейчас пальто может быть уже далеко-далеко...

Голод придал крылья воображению Эрики. К тому времени, когда вдали показался Димчарч, она, приняв в расчет современный способ передвижения автостопом и старую как мир привычку воров сбывать краденое подальше, уже представила себе искомое пальто надетым на чиновника мэрии где-нибудь в городе Бордо: он щупленький и бледный, у него больная жена и грудной младенец; у Эрики прямо сердце защемило при мысли о том, что придется отбирать у него пальто — пускай даже ради Тисдейла.

Нарисовав себе эту картину, Эрика решила, что ей нужно срочно поесть. Голод подстегивает воображение, но притупляет разум. Она решительно нажала на тормоза, увидев «Восходящее солнце». «Мировая заправка для водителей. Открыто круглые сутки» — гласила вывеска. Это была закусочная под жестяной крышей, на скорую руку устроенная возле самой дороги. Окрашенная ядовито-зеленой и лиловой краской, она напоминала большой спичечный коробок, кинутый на обочину. Дверь была гостеприимно распахнута, и теплый ветерок доносил чьи-то голоса.

В крошечном помещении находилось два очень толстых человека. Один из них — хозяин — резал толстыми ломтями свежий хлеб, другой — такой же великан — шумно прихлебывал горячую жидкость из огромной кружки. При виде Эрики оба застыли в полной неподвижности.

— С добрым утром, — произнесла Эрика.

— Утро доброе, мисс, — отозвался хозяин. — Хотите чашечку чая?

— Можно. — Эрика посмотрела по сторонам и спросила: — А жареный бекон у вас есть?

— Есть, и прекрасный, — живо отозвался великан. — Прямо тает во рту.

— Мне порцию побольше, пожалуйста, — просияв, сказала Эрика.

— И яйцо?

— Три.

Хозяин высунул голову наружу и убедился, что она действительно одна.

— Вот это дело, это по-нашему! Теперь так редко встретишь девушку, которая понимает толк в еде. Присаживайтесь, мисс. — Он

обмахнул металлический стул краем передника.

— Минуты не пройдет, и бекон будет готов. Как резать — потолще? Потоньше?

— Потолще, пожалуйста. С добрым утром, — вежливо обратилась она ко второму великану, всем своим видом показывая, что готова составить им компанию и принять участие в разговоре, еде и питье.

— Это ваш грузовик там стоит? Мне всегда хотелось поехать на таком.

— Да ну?! А мне всегда хотелось стать канатоходцем.

— У вас телосложение не то, — невозмутимо отозвалась Эрика, — так что лучше вам грузовик водить.

Хозяин, нарезавший в этот момент бекон, громко расхохотался. Шофер увидел, что его сарказм не достиг цели — девушка уж больно серьезная попалась, — и, сменив вызывающий тон на вполне дружелюбный, сказал:

— Что ж, для разнообразия очень даже приятно позавтракать в женской компании, правда, Билл?

— А я думала, от женщин у вас отбоя нет. Ведь на грузовике каждый прокатиться рад.

Не успел изумленный верзила сообразить, то ли эта худенькая девчонка издевается над ним, то ли набивается в подружки, то ли действительно так считает, как она спросила:

— Вы, наверное, частенько подвозите бродяг?

— Никогда! — быстро ответил водитель, успокоившись, что разговор перешел на нормальные рельсы.

— Жалко. У меня интерес к бродягам.

— По какой линии интерес? По религиозной, что ли? — поинтересовался Билл.

— Нет. По литературной.

— Да ну? Вы что же, книжку пишете?

— Не совсем. Собираю материал для одного человека. Наверняка вы встречаете много бродяг, даже если их не подсаживаете, — настаивала она.

— Некогда смотреть по сторонам, когда ведешь машину.

— Расскажи ей про Геррогейта Гарри, — вставил Билл, разбивая яйца. — Я видел его у тебя в кабине на прошлой неделе.

— Не мог ты никого видеть в моей кабине.

— Да перестань скрытничать. Не видишь, что ли, это настоящая маленькая леди. Не будет она языком трепать, что ты кого-то там подвозил.

— Геррогейт не бродяга вовсе.

— А кто же он? — спросила Эрика.

— Он фарфором торгует. Разъезжает по деревням и продает.

— А, понимаю! Белые с голубым вазочки в обмен на кроличьи шкурки.

— Ничего похожего. Он отбитые ручки чайников приделывает и все прочее чинит-клеит.

— Да? И хорошо зарабатывает? — спросила она, просто чтобы поддержать разговор.

— На жизнь хватает. Ну еще перепродает иногда то старое пальто, то пару ботинок.

Эрика на какое-то время замолчала. Она опасалась, что находившиеся рядом с ней услышат, как громко заколотилось ее сердце, потому что ей самой его стук казался просто оглушительным. Старое пальто. Что ей теперь сказать? Не может же она просто спросить: «А было у него пальто последний раз, когда вы его видели?» Так она себя выдаст с головой.

— Любопытный тип, — сказала она наконец. И, обращаясь к Биллу: — Принесите, пожалуйста, горчицу. Хорошо бы мне с ним встретиться. Правда, он, наверное, сейчас уже на другом конце графства. В какой день вы его видели?

— Дайте-ка вспомнить. Я подобрал его возле Димчарча и высадил у Тонбриджа. Это было на той неделе, в понедельник.

Значит, это все-таки не Геррогейт. Вот жалость! Так все хорошо на нем сходилась: и то, что он интересовался пальто и ботинками, и то, что он был бродячим торговцем, и то, что он приятельствовал с водителями грузовиков, которые могут быстро переправить его из нежелательного места в другое, более отдаленное... Что ж, зря было и надеяться, что все может оказаться так легко.

Билл поставил горчицу возле ее тарелки.

— Только не в понедельник, — произнес он. — Правда, какая разница. Ты проезжал мимо, как раз когда Джемми разгружал товар. Вторник это был.

Какая разница!! Эрика набила полный рот яйцами с беконом, чтобы хоть немного приглушить радостное возбуждение.

Какое-то время в «Восходящем солнце» царило молчание. Отчасти потому, что Эрике была присуща чисто мужская черта — есть молча, отчасти потому, что она не могла решить, как бы ей с наибольшим успехом и с наименьшим риском быть разоблаченной повести разговор дальше. Вдруг она с беспокойством увидела, что водитель отставил кружку и решительно поднялся.

— Вы же мне еще не рассказали про Геррогейта... как его там дальше?

— А что рассказывать-то?

— Ну как же, странствующий реставратор фарфора — это же так интересно! Мне бы очень хотелось с ним побеседовать.

— Да он не больно разговорчивый.

— Я уж постараюсь, чтобы он не остался в накладе.

— За пять монет Геррогейт будет болтать, что твоя сорока. А за десять он тебе расскажет, как открывал Южный полюс, — рассмеялся Билл.

Эрика обратила все свое внимание на более дружелюбно настроенного Билла.

— Так вы его знаете? У него есть постоянное место, где он живет?

— Зимой он никуда не ездит, дома сидит, а летом живет в палатке.

— Вдвоем с Квини Вебстер где-то возле Пембери, — вмешался шофер, которому не понравилось, что инициатива в разговоре перешла к Биллу. Он положил на чисто выскобленный стол мелочь и двинулся к выходу. — И если уж вы готовы его отблагодарить, то на вашем месте я сперва подольстился бы к Квини Вебстер.

— Спасибо. Я запомню ваш совет. Еще раз спасибо за помощь.

Неподдельная благодарность, прозвучавшая в голосе Эрики, заставила его задержаться на пороге и сказать:

— Для девушки с таким завидным аппетитом у вас чудной вкус: подумать только — бродяги ее интересуют! — С этими словами он направился к своему грузовику.

Завидный аппетит позволил Эрике съесть хлеб с джемом и выпить несколько чашек чая, но информационный голод ей утолить так и не удалось. Билл был готов поделиться с ней всем, что знал, но о Геррогейте Гарри он не знал почти ничего. Ей предстояло принять решение: то ли разыскивать неизвестного и ускользающего Гарри по горячим следам возле Димчарча, то ли пуститься по его остывшим следам в район Торнбриджа.

— Как вы считаете, бродяги — честные люди? — спросила она, расплачиваясь.

— Как сказать, — раздумчиво изрек Билл, — честные-то они честные, пока удобный случай не подвернулся. Понимаете, что я хочу сказать?

Эрика поняла. Вряд ли из полусотни бродяг найдется хоть один, который не соблазнится оставленным без присмотра пальто. А Геррогейт Гарри к тому же определенно питал пристрастие к пальто и ботинкам. И Гарри был в Димчарче в прошлый вторник. Ее задача, выходит, состояла в том, чтобы следовать за склеивателем фарфора через прогретые солнцем просторы, пока она его не догонит. Если ночь застанет ее в пути, то придется придумать что-нибудь убедительное, прежде чем звонить отцу домой в Стейнс. Необходимость прибегнуть ко лжи вызвала у нее укол совести — первый с начала ее добровольного подвига. До сих пор ей не приходилось скрывать от отца свои затеи. Но за последние несколько часов это уже был второй случай, когда ей приходилось изменять своим правилам: предательства по отношению к Тинни она не заметила, но сейчас она предавала отца, и это было очень больно.

Ладно, день еще только начинается, а летние дни длинные. Тинни хоть и старушка, но вполне здорова и обычно не жалуется. Если повезет, как везло до сих пор, то, может, она благополучно доберется к ночи до своей постели в Стейнсе. Домой — и с пальто! У нее даже дыхание перехватило от одной этой мысли.

Она распрощалась с очарованным ею Биллом, пообещав рекомендовать его завтраки всем своим друзьям и знакомым,

направила Тинни носом на северо-запад и покатила по горячим от солнца цветущим просторам.

Слепящий солнечный свет заливал дорогу, и горизонт был подернут жаркой дымкой. Тинни мужественно плыла сквозь зеленое марево, и вскоре в машине стало так же уютно, как на раскаленной сковороде. Несмотря на горячее желание двигаться как можно быстрее, Эрике пришлось несколько раз останавливаться и открывать обе дверцы, чтобы Тинни немного остыла. Да, нужно покупать новую машину. Возле Киппингса она попыталась применить тактику, которая уже сослужила ей хорошую службу: остановилась на ленч в придорожной закусочной. Но на этот раз выбор ее оказался не столь удачным. Закусочную содержала веселая словоохотливая женщина, она готова была болтать часами, но бродяги ее абсолютно не интересовали. Как все нормальные женщины, она терпеть не могла бездельников и «не приваживала бродяг». Эрика поковыряла вилкой в еде, выпила кофе, захваченный из дома. Хорошо было бы посидеть в тени и подольше, но она встала и поехала дальше, надеясь отыскать «более подходящее» место. Подходящее не в смысле еды, а в смысле добычи информации. С редким самообладанием она отводила взгляд от бесконечных «чайных садиков», в прохладной зеленой тени которых мелькали, как камешки в воде, яркие скатерти на столиках. Сегодня эта роскошь была не для нее. «Чайные садики» не имели ничего общего с бродягами.

Она свернула на дорогу в Гулдхарст и там обнаружила гостиницу. В гостиницах всегда полно посуды, которая требует починки, и поскольку это была уже, так сказать, «родная территория» Геррогейта, то там должен был найтись кто-нибудь, знавший его или о нем.

Она ела остывший непрожаренный бифштекс с зеленым салатом в комнате, почти такой же красивой, как у них в Стейнсе, и молила Господа о том, чтобы хотя бы одна из тарелок на ее столе оказалась треснутой. Когда ей подали фрукты на склеенном блюде с розами, она чуть не зарыдала в голос.

— Да, — согласилась официантка, — очень миленькое блюдо. — Она понятия не имеет, насколько оно ценное, она здесь только на один летний сезон (из чего надо было понять, что предположительные цены гостиничной посуды не могут представлять интереса для особы, обычно проводящей свое время в иных, более интересных местах). Да,

наверное, ее чинил кто-нибудь из местных, но лично она не знает, кто именно. Ну конечно, она может узнать.

Когда спросили хозяина, кто так чудесно починил эту вещь, он пояснил, что блюдо попало к ним уже в таком виде вместе с другими предметами из гостиницы, что за Мэтфилд-Грин. И в любом случае склеивали так давно, что человек, это сделавший, наверное, уже умер. Но если Эрике нужно что-то склеить, то да, есть тут один умелец, он ходит из дома в дом, иногда и сюда заглядывает. Палмер по фамилии. Когда трезвый, он хоть пятьдесят кусочков тебе склеит, и будет незаметно. Но только когда трезвый.

Эрика выслушала до конца все о недостатках и достоинствах Палмера и осведомилась, нет ли еще кого другого в этих местах. Нет, хозяин знал только одного. Но лучше Гарри все равно не найти.

— Гарри?

— Ну да, Гарри. Все его зовут Геррогейт Гарри.

Нет, хозяин не знает, как его найти. Живет в палатке где-то в сторону Бренчли. Но лучше девушке одной к нему не ездить. Не такое это место. Да и Гарри надежным не назовешь.

Эрика покинула гостиницу, окрыленная заверениями хозяина, что Гарри не меняет своего временного места обитания иногда по неделям. Как только хоть немного заработает, сидит там, пока все не пропьет.

Ладно, но если ты хочешь говорить с починщиком фарфора, то надо, как минимум, иметь какой-нибудь разбитый фарфоровый предмет. Эрика въехала в Торнбридж с надеждой, что двоюродная сестра ее отца, которая одиноко жила здесь у парка Калведери, сладко спит после того, как наелась запрещенных врачами булочек, а не прогуливается под сенью деревьев. В маленькой антикварной лавке на гробовые деньги Добрячка она приобрела фарфоровую статуэтку танцовщицы. Она доехала до Пембери и там, в полуденной тиши тенистой аллеи, с силой ударила статуэтку о металл машины. Но танцовщица оказалась стойкой. Даже после того как Эрика стукнула ее об ручку, она по-прежнему оставалась целой. В конце концов, опасаясь, что дальнейшее применение грубой силы приведет к тому, что она разлетится вдребезги, Эрика отломила ей руку. Теперь доступ к Геррогейту Гарри был для нее открыт.

Нельзя было прямо расспрашивать о неизвестном бродяге, который, возможно, украл пальто. Другое дело — искать починщика

фарфора: тут все было законно и не могло вызвать лишних подозрений и удивления. Потому ей понадобилось всего лишь полтора часа, чтобы очутиться лицом к лицу с Геррогейтом. Это заняло бы у нее еще меньше времени, но палатка оказалась далеко от проезжих дорог. Сначала по колее, пробитой через лес, — колее, непреодолимой даже для выдавшей виды Тинни, — потом через пустошь, заросшую папоротником, откуда открывался вид на долину Мидвей, потом снова через лес к вырубке, где ручей впадал в темный, стоячий пруд. Эрика предпочла бы, чтобы палатка была не в лесу. С раннего детства она ничего не боялась (она была из тех детей, о которых взрослые обычно говорят, что они бесчувственные), но леса не любила. Она предпочитала открытые пространства, где далеко видно вокруг. И хотя прозрачный ручей весело сверкал на солнце, пруд в тени был глубокий, таинственный и казался зловещим. Это была чаша темной воды, на которую неожиданно можешь наткнуться скорее где-нибудь в Суррее, а не в Кенте.

Когда она вступила на вырубку с маленькой танцовщицей в руке, навстречу ей выскочил пес, оглашая тишину истерическим протестующим лаем. На шум из палатки вышла женщина и, стоя у входа, стала смотреть на приближающуюся Эрику. Она была высокая, широкоплечая, держалась очень прямо, и у Эрики возникла абсурдная мысль, что от нее ждут не иначе как реверанса.

— Добрый день! — весело крикнула она сквозь собачий лай. Но женщина стояла молча. — У меня тут одна фарфоровая вещица... Послушайте, вы не можете как-нибудь успокоить собаку?

Она подошла совсем близко, и лишь собачий лай отделял их теперь друг от друга.

Женщина пнула собаку в бок, раздался визг, и наступило молчание. Снова стало слышно, как журчит ручей.

Эрика протянула статуэтку.

— Гарри! — крикнула женщина, не сводя черных глаз с Эрики.

Гарри показался на пороге — маленький, верткий мужчина, с налитыми кровью глазами, явно не в духе.

— Работа для тебя.

— Я не работаю, — отозвался Гарри и сплюнул.

— Извините. Мне сказали, что вы чините такие вещи.

Женщина взяла из рук Эрики разбитую статуэтку и произнесла:

— Не слушайте его, работает он как надо.

Гарри снова сплюнул и взял вещицу.

— А деньги у вас есть, чтобы заплатить? — спросил он с раздражением.

— Сколько за это?

— Два шиллинга.

— Два с половиной, — сказала женщина.

— Столько у меня есть.

Он ушел в палатку, но женщина по-прежнему стояла загораживая собой вход, так что Эрика не могла увидеть, что там внутри, и войти тоже не могла. Мысленно она заранее представляла, как войдет в палатку и увидит в углу сложенное пальто. Но не тут-то было.

— Он быстро починит. Не успеете свистульку себе срезать, как будет готова ваша вещь.

Маленькое серьезное личико Эрики вдруг осветила озорная улыбка.

— Думаете, я не умею свистульки делать? — воскликнула она. Замечание женщины прозвучало насмешкой над ней как городской жительницей.

Перочинным ножиком она срезала прут, заточила, проткнула, окунула в ручей и продула, надеясь, что этим сможет обезоружить Квини и ее приятеля. Она даже подумала, что, может быть, мирно завершит свое изделие, сидя рядом с Гарри. Но в этот момент, когда она было двинулась к палатке, Квини бросила лениво собирать хворост и заняла свое место на часах у входа. Кончилось тем, что Эрика, с готовым свистком и починенной статуэткой в руках, была столь же далека от желаемой цели, как в тот момент, когда оставила машину на асфальте дороги. Она готова была расплакаться. Она вынула маленький кошелек (Эрика ненавидела сумки), заплатила свои полкроны, и вид банкнотов в заднем отделении, которые только ждали того, чтобы их потратили на спасительное дело, привел ее в такое отчаяние, что неожиданно для себя самой она вдруг спросила мужчину:

— Что вы сделали с пальто, которое взяли в Димчарче? — и в наступившем молчании, торопливо продолжала: — Я не собираюсь ничего предпринимать по этому поводу. Привлекать к ответственности

и все такое. Только мне ужасно нужно это пальто. Я готова выкупить его, если оно все еще у вас. Если вы его заложили...

— Нет, вы посмотрите на эту куколку! — взорвался мужчина. — Заявляется сюда, просит выполнить работу — и тут же обвиняет тебя чуть не в убийстве! Убирайся отсюда, пока я не вышел из себя окончательно и не треснул тебе по челюсти разок-другой! Дерзкая маленькая тварь! Ишь язык распустила! Вырвать бы его тебе не мешало, и я тебе сейчас...

Женщина оттолкнула его в сторону и угрожающе придвинулась к Эрике:

— Почему вы решили, что мой дружок взял пальто?

— Это пальто видел Джейк, водитель грузовика, который подвозил его во вторник, и взято оно из машины в Димчарче. Мы это знаем точно.

Эрика надеялась, что «мы» произведет на них должное впечатление. И еще она надеялась, что они не заметят ее собственной неуверенности. Вид у обоих был негодующий, как у людей ни в чем не замешанных.

— Никакого дела на вас мы заводить не собираемся. Нам бы только само пальто получить обратно. Я готова дать за него целый фунт, — добавила она поспешно, видя, что они снова собираются на нее напуститься.

Она заметила, что выражение их лиц изменилось. И, несмотря на нависшую угрозу расправы, она испытала невыразимое облегчение. Мужчина был Тот-Самый. Они знали, о каком пальто идет речь.

— А если вы отдали его в заклад, то я дам десять шиллингов, только скажите куда.

— А вам что за выгода? Зачем вам мужское пальто?

— Я не говорила, что оно мужское, — тут же отозвалась она, и чувство торжества пронзило ее, как электрический ток.

— Да ладно! — нетерпеливо отмахнулась женщина, откинув всякое притворство. — Зачем оно вам?

Эрика понимала: стоит ей проговориться про убийство, и они начнут запираяться до последнего издыхания и утверждать, что в глаза не видели этого пальто.

Из бесконечных высказываний отца она, слава Богу, твердо усвоила, что вора больше всего страшит обвинение в серьезном

преступлении. Он готов пойти на что угодно, лишь бы не оказаться замешанным в «мокрое дело».

— Оно мне нужно, чтобы вызволить Харта, — нашлась она. — Он должен был проследить, чтобы пальто не оставалось без присмотра в машине. Завтра возвращается его владелец, и, если к тому времени пальто не будет на месте, Харт потеряет работу.

— Кто такой Харт? Брат, что ли, ваш?

— Нет, наш шофер!

— Шофер! — Гарри разразился визгливым, издевательским смехом. — Вишь что придумала! Шофер у нее! Еще скажи, что у тебя два «роллс-ройса» и пять «бентли» в гараже!

Его маленькие глазки оглядели ее фигурку в потрепанной одежде, из которой она давно выросла.

— Нет. Только «ланчестер» и мой старенький «моррис». — И, чтобы окончательно их убедить, добавила: — Меня зовут Эрика Баргойн. Мой отец — старший констебль округа.

— Да ну! А меня зовут Джон Рокфеллер, и мой отец — герцог Веллингтонский!

Одним движением руки Эрика задрала свою коротенькую твидовую юбчонку, вывернула обратной стороной резиновый пояс школьных гимнастических штанишек, которые носила зимой и летом, и показала приклеенный ярлычок:

— Читать умеете?

— «Эрика Баргойн», — с изумлением прочел вслух мужчина.

— Недоверчивость — большой недостаток, — наставительно произнесла Эрика.

— Значит, ты занимаешься этим ради шофера? — осклабился мужчина. — И с чего вдруг такая забота?

— Я в него по уши влюблена, — проговорила Эрика тоном, каким требуют у продавца коробку спичек. На школьных спектаклях Эрике поручался всегда только занавес.

Но они поверили. Их слишком занимали мысли о деньгах, для того чтобы обращать внимание на интонацию.

— Сколько? — спросила женщина.

— За пальто?

— Нет. За то, чтобы узнать, где оно.

— Я же сказала. Десять шиллингов.

— Мало.

— А почему я знаю, что вы мне правду скажете?

— А я почему знаю, что вы меня не обманете?

— Ладно. Даю фунт. Мне же еще придется его выкупать из заклада.

— Оно не в закладе. Я его продал каменотесу, — неожиданно сказал Гарри.

— Что-о? — жалобно воскликнула Эрика. — И мне придется снова за кем-то гоняться?

— Не надо ни за кем гоняться. Давай сюда деньги, и я тебе скажу, где его найти.

Эрика достала фунтовую бумажку и показала ему:

— Ну?

— Он работает у перекрестка Файв-Вентс. Это в сторону Паддокского леса. Если его там не найдешь, то он живет в Кейнеле. Рядом с церковью.

Эрика протянула деньги. Но женщина, которая успела рассмотреть содержимое кошелька, сказала:

— погоди, Гарри. Она даст больше.

— Ни пенни больше! — с возмущением отрезала Эрика. Негодование заставило ее забыть и про черный пруд, и про безлюдье вокруг, и про страх перед лесом. — Так нечестно!

Женщина попыталась выдернуть у нее кошелек. Но Эрика недаром участвовала прошлой зимой в школьных соревнованиях в лапту. Жадная ладонь Квини наткнулась не на кошелек, а на локоть Эрики и, отлетев от него, залепила здоровую оплеуху самой Квини. А Эрика тем временем уже скользнула за ее широкой спиной и понеслась зигзагами через вырубку, точно так как она бегала — иногда с радостью, но чаще со скукой — на школьной спортивной площадке много раз в течение зимы. Она слышала их за собой и мельком подумала, что они с ней сделают, если поймают. Женщины она не опасалась, но мужчина был проворный, легкий на ногу и, несмотря на то, что много пил, мог оказаться неплохим бегуном. И он знал дорогу. Под сенью деревьев после яркого солнечного света она еле различала тропинку. Надо было им сказать, что ее ждут в машине. Это было бы кстати... Тут ее нога зацепилась за корень — и она покатила по земле.

Она услышала его приближающиеся шаги и, привстав, успела разглядеть над собой, поверх кустарника, его расплывающееся лицо. Она падала неуклюже, потому что обе руки у нее были заняты: в одной — фарфоровая фигурка, в другой — кошелек и свистулька.

Свистулька! Она поднесла ее ко рту и издала прерывистый свист — короткий и долгий, как в передатчике. Как условный сигнал.

Человек застыл в нерешительности, всего в двух шагах от нее.

— Харт! — крикнула она в полную силу своих здоровых легких. — Харт! — И снова засвистела.

— Ладно, — сказал Гарри. — Ладно. Оставайся со своим, так его и перетак, Хартом. Как-нибудь я расскажу твоему папаше, что творится у него за спиной. Тогда, милочка моя, ты мне еще не столько заплатишь!

— До встречи! — откликнулась Эрика. — И передайте от меня своей жене спасибо за свистульку.

— Вы нуждаетесь в отдыхе, инспектор, вот что я вам скажу. Чуть-чуть расслабиться вам надо. — Старший констебль натянул на себя плащ. — Стыдно так себя изнурять. Никогда это не приводило ни к чему. Кроме смерти, конечно. Сегодня у нас пятница, и готов поклясться, вы за неделю ни разу не выспались и не поели по-человечески. Позор, да и только! Не принимайте вы это так близко к сердцу. Преступники как сбегали, так и будут сбегать.

— Только не от меня.

— Значит, вы переутомились, вот все, что я могу сказать. Очень переутомились. Ошибаться может каждый. И вообще, кто мог предвидеть, что дверь в спальне окажется дверью на пожарную лестницу?

— Я должен был осмотреть шкафы.

— Ну знаете, дорогой мой...

— Первый я видел, он открывался наружу. К тому времени как он открыл второй, он меня заговорил так, что...

— Я уже сказал: вы утратили чувство реальности. Если хоть ненадолго не отвлекетесь, вам повсюду начнут мерещиться шкафы. И вы будете, как выражается ваш сержант Вильямс, «терять свою квалификацию». Сейчас поедем ко мне домой обедать. И никаких «но»! Это всего двадцать миль отсюда.

— Но за это время что-нибудь может...

— Телефон у меня есть. Эрика велела вас привезти. Наказала специально для вас купить мороженое. Оказывается, вы любите мороженое? Она собирается вам что-то показать.

— Щенков? — с улыбкой спросил Грант.

— Возможно. Мне кажется, они у нас не переводятся круглый год. А вот вам и прекрасный заместитель. Добрый вечер, сержант.

— Добрый вечер, сэр, — ответил Вильямс, весь розовый от только что выпитого чая.

— Я увожу инспектора к себе обедать.

— Очень этому рад, сэр. Инспектору будет полезно хоть разок поесть по-настоящему.

— Вот мой телефон, если понадобится.

Грант не мог не улыбнуться: такому напору позавидовал бы любой полководец. Он и вправду предельно устал. Неделя была сплошной цепью неудач. Сидеть в ресторане отеля рядом с туристами и отдыхающими — сейчас для него было все равно что оказаться вдруг в иной, беззаботной жизни, когда-то знакомой и ему, но теперь полузабытой. Он машинально стал приводить в порядок стол, перефразируя одно из изречений сержанта Вильямса: «Как детектив, я прекрасный труженик».

— Спасибо. С удовольствием пообедаю у вас. Мило, что мисс Эрика вспомнила обо мне. — Он потянулся за шляпой.

— Она о вас очень высокого мнения, моя Эрика. Как правило, ее трудно чем-нибудь поразить. Но вы для нее — человек очень значительный.

— Боюсь, у меня довольно сильный соперник.

— Ах да. Скачки, разумеется. Я мало что понимаю в воспитании, Грант, — продолжал Баргойн, пока они направлялись к машине. — Эрика у меня единственная. Ее мать умерла при родах, и я растил ее скорее как своего товарища, чем как девочку. Мы с ее старой нянькой всегда спорили на этот счет. Няня наша — сторонница старого воспитания, со всеми его «что принято» и что «не принято». Потом Эрика пошла в школу. Образование только и нужно для того, чтобы человек научился ладить с людьми. Найти свою нишу в обществе. Ей очень там не нравилось, но она все стерпела. Молодец она у меня!

— Она прелестный ребенок, — вполне искренне сказал Грант, откликаясь на оправдывающийся тон полковника и его озабоченный вид.

— В том то и дело, Грант, в том-то все и дело! Она уже не ребенок. Она должна бы начать бывать в обществе, ходить на танцы. Пожить у теток в городе, общаться с молодыми людьми. Но она не хочет. Живет дома и носится повсюду одна. Не интересуется ни тряпками, ни прочими вещами, как полагалось бы в ее годы. Ей ведь уже семнадцать. Меня это очень беспокоит. Катает повсюду на своем драндулете. Я почти никогда не знаю, где она. Не то что не говорит, если спрошу. Она очень правдивая девочка. Но меня все это тревожит.

— Не думаю, что вам стоит за нее тревожиться, сэр. Она найдет свою дорогу, вот увидите. Редко встретишь девушку ее возраста, более

уверенную в том, что ей надо, чем она.

— Гм! Да уж своего она всегда добивается. Сегодня с нами обедает Джордж. Джордж Меир. Двоюродный брат покойной жены, может, вы знаете его? Психиатр. Его имя широко известно, но я никогда с ним не встречался. Это все Эрика. Она возобновила с ним родственную связь. Он милый человек, хотя немного зануда. Я и половины не понимаю из того, о чем он толкует. Нервные реакции и все прочее. Но Эрика вроде бы во всем этом соображает. Вообще-то он симпатичный — Джордж! Приятный человек!

Сэр Джордж действительно оказался приятным человеком. Гранту он сразу понравился. Заметив его довольно близко посаженные глаза и длинное лицо, он решил, что, вероятно, у сэра Джорджа должно быть много душевных положительных качеств, для того чтобы Эрика могла забыть о своих предубеждениях по поводу нежелательных особенностей его внешности. Он оказался хорошим собеседником — без излишней наигранности и подчеркнутой сосредоточенности на своей профессии, столь свойственной медицинским светилам с Уимпол-стрит. Достаточно сказать, что он сумел повести разговор о неудаче Гранта таким образом, что у того не возникло желания его стукнуть. Более того, Грант почувствовал, что разговор с ним приносит ему облегчение: Джордж был способен его понять. Перед ним был человек, для которого нервные срывы — явление повседневное.

Полковник Баргойн запретил упоминать о деле Клей во время обеда, но с таким же успехом он мог наложить запрет на приливы. Не успели унести рыбу, как все за столом, включая и самого полковника, заговорили о Тисдейле. Все, кроме Эрики. Она сидела на самом конце стола, в скромном школьном выходном платье, и молча слушала. Она напудрила нос, но от этого ничуть не стала выглядеть более взрослой, чем в дневное время.

— Мы так и не напали на его след, — сказал Грант, отвечая на вопрос Меира. — После того как он покинул отель, он просто исчез. Конечно, нам описывали его бесчисленное количество раз. Но все сведения оказались ложными. Мы и теперь знаем не больше того, что знали в прошлый понедельник. Первые три ночи он еще мог провести где-нибудь под открытым небом. Но вы же видели, что творилось прошлой ночью. Проливные дожди. Звери и те попрятались. Он должен был найти какое-то пристанище, если еще жив. И это не

местного значения шквал. Везде все залило — отсюда до самого Тайна. Но вот еще целый день миновал, и по-прежнему никаких следов.

— Может, он уехал морским путем?

— Едва ли. Как ни странно, вряд ли один из тысячи преступников спасается таким образом.

— Вот вам и нация мореходов! — рассмеялся Меир. — Море — последнее, что нам приходит в голову. Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в этом, инспектор, но за те полчаса, что мы с вами беседуем, вы мне очень живо нарисовали портрет этого человека. И еще одно мне стало ясно из вашего рассказа — то, что вы, может быть, и сами не осознали до конца.

— Что именно?

— В глубине души вы поражены тем, что это сделал именно он. Может быть, даже жалеете его. Вы не верили, что он на это способен.

— Пожалуй, правильно. Вы бы и сами его пожалели, сэр Джордж, — улыбнулся Грант. — Он очень располагает к себе. И он придерживался правды до тех пор, пока это его устраивало. Как я уже сказал, мы проверили все его показания, с начала до конца, насколько можно было проверить. И все совпало. Но история с угоном машины не выдерживает никакой критики. А с кражей пальто?! Самая важная улика в деле!

— Как ни странно это вам может показаться, не думаю, что эпизод с кражей пальто так уж неправдоподобен. Последние недели его занимала только одна мысль: как спастись. Спастись от позорного банкротства, скрыться от приятелей (которым он, судя по всему, успел узнать истинную цену); избежать необходимости снова зарабатывать себе на жизнь (идея бродяжничества для молодого человека с его связями и привычками была такой же дикой, как идея с угоном машины: опять тот же мотив бегства) и, наконец, выпутаться из двусмысленной ситуации, в которой он очутился, живя в коттедже. Знаете, вероятно, он бессознательно страшился того, что с ним будет, когда через несколько дней ему придется оставить коттедж. Из-за постоянных терзаний и отвращения к самому себе он последнее время находился в сильном эмоциональном напряжении (на самом-то деле ему хотелось убежать от себя самого). В момент депрессии (это обычно бывает около шести утра) у него появляется шанс на

физическое бегство: пустынная дорога и оставленный автомобиль. На какой-то момент мысль о бегстве захватывает его целиком, вытесняя все остальные. Когда он приходит в себя, то страшно пугается, — именно так, как он вам и рассказывал. Он разворачивает машину и, не раздумывая, мчится назад. И до своего смертного часа так и не сможет объяснить, что же все-таки заставило его украсть машину.

— Вас, специалистов, послушать — так кража машины скоро вообще перестанет считаться преступлением, — скептически заметил полковник.

— Неплохая теория, сэр, — сказал Грант. — Может, и хлипкой истории с пальто вам тоже удастся придать большую прочность?

— А вам не кажется, что правда частенько выглядит довольно хило?

— Так вы склонны думать, что этот человек невиновен?

— Представьте, да.

— Почему?

— Я очень высоко ценю ваше собственное суждение.

— Мое суждение?!

— Да. Вас поразило, что этот человек мог убить. А это значит, что первое ваше впечатление было просто затемнено случайно совпавшими уликами.

— Кроме воображения, я достаточно логичен. И слава Богу — при моей профессии полицейского. Улики-то, может, и случайно совпавшие, но вполне весомые и сомнению не подлежащие.

— А вы не считаете, что уж слишком все гладко сходится?

— Лорд Эдуард сказал то же самое.

— Бедняга Чампни! — сказал полковник. — Для него это ужасно. Говорят, они были очень привязаны друг к другу. Он приятный человек. Его я не знал лично, но в молодые годы был близко знаком с этой семьей. Они все исключительные люди. Ужасно, ужасно!

— Я путешествовал с ним вместе из Дувра в среду, — проговорил Меир. — Я ехал из Кале — был на конференции в Вене. А он вошел на паром — с обычной своей величавостью — в Дувре. Очень радовался возвращению. Показывал мне топазы, которые приобрел в Галарии для жены. Они ежедневно обменивались телеграммами. Честно говоря, это впечатлило меня гораздо больше, чем топазы. Особенно если вспомнить, сколько стоят телеграммы из Европы.

— Минуточку, сэръ Джордж. Вы хотите сказать, что Чампни садился на пароход в Кале?

— Ну да. Он прибыл на яхте «Петронелл». Она принадлежит его старшему брату, но тот одолжил яхту Чампни для обратного путешествия из Галарии. Красивое маленькое судно. Сейчас на якоре в порту.

— А когда лорд Эдуард прибыл в Дувр?

— Насколько я понимаю, накануне поздно вечером. В город он уже не успел в тот день. — Меир замолчал и вопросительно взглянул на Гранта: — Никакая сила логики и никакая игра воображения не поможет сделать из сэра Эдуарда подозреваемого.

— Я это понимаю, — спокойно отозвался Грант, вынимая из персика косточку — занятие, которое он прервал, когда Меир заговорил о путешествии из Дувра с Чампни. — Это не имеет значения. Такая уж полицейская привычка — все проверять и фиксировать.

Внутренне, однако, Грант был далеко не спокоен: он пребывал в недоумении и терялся в догадках. Из беседы с Чампни Грант понял, что тот прибыл в Кале в среду утром. Чампни не сказал это прямо, но из его слов вывод можно было сделать именно такой. Грант сделал какое-то пустяковое замечание насчет неудобств на паромах нового типа, и Чампни своим ответом дал понять, что сошел с борта только утром. Почему? Эдуард Чампни, оказывается, в ночь со вторника на среду был уже в Дувре, но отчего-то не захотел, чтобы этот факт был известен. Во имя чего? Какой логикой можно это объяснить? Зачем? В разговоре возникла неловкая пауза, и, чтобы разрядить ее, Грант сказал:

— Мисс Эрика еще не показала мне щенят, или вы хотели показать что-нибудь другое?

Ко всеобщему удивлению, Эрика вдруг зарумянилась.

— Это не щенки, — сказала она. — Это то, что вам ужасно нужно. Но боюсь, что не обрадую вас.

— Звучит заманчиво, — отозвался Грант, не в силах представить, что это может быть за предмет, ужасно нужный ему по мнению девчушки. Он надеялся, что она не вздумала делать ему подарки. В этом возрасте поклонение кумиру — дело обычное, но неловко принимать что-нибудь на глазах у всех.

— Где это? — спросил он.

— Пакет в моей комнате. Я решила подождать, пока вы выпьете свой портвейн.

— Это можно принести в столовую? — спросил отец.

— Конечно.

— Тогда попросим Берта принести.

— Не надо! — воскликнула Эрика, останавливая его руку, уже протянутую к звонку. — Я сама принесу. Я мигом.

Она вернулась с обернутым коричневой бумагой пакетом, который, как заметил ее отец, походил на дар Армии спасения. Она развернула его и вынула мужское серовато-черное пальто.

— Вот пальто, которое вы искали. Но у него все пуговицы на месте.

Машинально Грант взял пальто и стал его осматривать.

— Где, во имя всего святого, ты его взяла, Эрика? — воскликнул изумленно отец.

— Выкупила за десять шиллингов у каменотеса возле Паддокского леса. Он отдал за него бродяге пять, считал, что совершил выгодную сделку, и никак не желал с ним расставаться. Мне пришлось пить с ним остывший чай, выслушать, что пограничный батальон совершил первого июля, осмотреть шрам у него на щиколотке, и только после этого он отдал пальто. Я боялась уйти и оставить пальто у него — он мог его продать кому-нибудь другому или вообще уехать.

— Почему вы думаете, что это пальто Тисдейла? — спросил Грант.

— Вот. — Она показала дырочку, прожженную сигаретой. — Он сказал, чтобы я искала по этой дырочке.

— Кто сказал?

— Мистер Тисдейл.

— Кто?! — воскликнули все трое одновременно.

— Я случайно встретила его во вторник. И с тех пор все искала это пальто. Но мне крупно повезло.

— Вы его видели? Где?

— На дороге, у Маллингфорда.

— И вы никому не сообщили? — сурово спросил Грант.

— Нет, — сказала она чуть дрогнувшим голосом, но потом как ни в чем не бывало продолжала: — Понимаете, я с самого начала не

верила, что это он. И потом, вы мне очень нравитесь. И я подумала, что для вас же будет лучше знать о его невиновности до ареста. Вам не придется его снова выпускать. Газеты бы вас заклевали.

Какое-то время никто не мог выговорить ни слова. Потом Грант сказал:

— Значит, Тисдейл сказал вам про это во вторник. — И он показал на прожженную дырочку. Все столпились вокруг него, чтобы увидеть ее собственными глазами.

— Никакого следа, что пуговицу заменяли, — заметил Меир.

— Вы думаете, это то самое пальто?

— Весьма возможно. Мы не можем примерить его на Тисдейла, но думаю, миссис Питтс будет в состоянии его опознать.

— Но... но если это то самое пальто, — с заминкой проговорил полковник, — вы понимаете, что это значит?

— Конечно понимаю. Это значит, надо начинать все заново. — Его усталый взгляд, полный разочарования, встретился со светившимися сочувствием карими глазами Эрики, но он не откликнулся на ее сердечный порыв. Пока еще рано было говорить о том, что Эрика спасла его репутацию. Сейчас она просто была для него особой, которая остановила запущенную на полную мощность машину расследования.

— Мне надо вернуться в участок, — произнес он. — Можно воспользоваться вашим телефоном?

Миссис Питтс опознала пальто. Однажды ей пришлось сушить его на кухне, когда на него пролилась вода из бутылки. Тогда она заметила метку от сигареты.

Сержант Вильямс, допрашивавший того фермера, который видел машину Тисдейла, обнаружил, что тот не различает цвета.

Истина стала очевидна, хотя и неутешительна: Тисдейл действительно потерял пальто во вторник. Он действительно увел машину с пляжа. И не он убил Кристину Клей.

К одиннадцати часам пятницы Грант вынужден был признать, что они не сдвинулись с той точки, с которой начали неделю назад, когда он отказался от билетов в театр и приехал в Вестовер. Хуже того, они охотились за невиновным, вынудили его бежать и прятаться и потратили семь дней на дутое расследование, в то время как настоящий преступник скрылся.

Голова у Гранта гудела от предположений и догадок.

Хаммер. Теперь придется заняться им вплотную. Они проверили его показания, насколько это оказалось возможным. Он действительно расспрашивал владельцев вишневого сада и наводил справки на Лиддлстоунской почте именно в те часы, которые указал. Но что потом? Потом о его действиях не было известно ничего — до той самой минуты, в восемь утра следующего дня, когда он объявился в коттедже.

Дальше, как это ни невероятно, шел Эдуард Чампни, который привез для жены топазы, но который, по непонятной причине, не хотел, чтобы проверяли, как он провел вечер вторника. Иначе зачем ему было создавать у Гранта впечатление, будто он прибыл в Англию только в среду утром? Он прибыл открыто. Если вы заинтересованы, чтобы о вашем приезде никто не узнал, прибытие на яхте в один из самых известных портов Англии далеко не самый лучший вариант. Портовики и таможенники по натуре и роду занятий — народ любознательный. Это значило, что он хотел скрыть не сам факт своего приезда, но свои действия после прибытия. Чем больше Грант раздумывал, тем более странным ему это казалось. Во вторник вечером Чампни был в Дувре. В шесть утра в среду его горячо любимую жену находят мертвой. И Чампни не желает, чтобы полиция знала, как он провел ночь на среду. Очень странно!

Потом был еще «шиллинг на свечи». Эта странная фраза, сразу остановившая на себе его внимание и забытая в ходе дальнейшего — казавшегося более плодотворным — расследования, требовала дополнительного анализа.

В субботу утренние газеты, которым уже порядком надоело сообщать четыре дня подряд о безрезультатных поисках сбежавшего, вышли с радостным сообщением, что тот, за кем так упорно охотились, согласно новой информации, полученной полицией, невиновен. Никто не сомневался, что Тисдейл объявится до наступления вечера, и в надежде на это фотографы и репортеры весь день толпились возле окружного отделения полиции — в чем было больше оптимизма, чем логики, поскольку Тисдейл с таким же успехом мог объявиться в любом другом полицейском участке за мили отсюда.

Но Тисдейл не объявился нигде.

Это вызвало у Гранта легкое удивление, однако в этот момент его ум был занят другими, более неотложными вещами. И все же время от времени он с недоумением думал о том, отчего у Тисдейла не хватает здравого смысла перестать мокнуть под дождем, который лил всю ночь с пятницы на субботу и продолжал лить весь день, да к тому же задул резкий северо-западный ветер.

Логично было предположить, что Тисдейл захочет как можно скорее заявиться в полицию, под крышу. О том, что он не скрывается у кого-то из друзей, они знали точно: все четыре дня, что Тисдейл считался в розыске, за каждым из них следили. Грант решил, что Тисдейл еще не видел газет, и перестал о нем думать.

Он запустил бюрократическую машину на полную мощность, чтобы выяснить местопребывание брата Кристины; он поручил тщательно проверить, нет ли в гардеробе Джасона Хармера пальто с оторванной пуговицей. Сам же решил заняться исключительно лордом Эдуардом Чампни. Со всегдашней самокритичностью он признался себе, что ему не хочется допрашивать самого лорда о его действиях во вторник вечером. Во-первых, получится ужасно неловко, если выяснится, что Чампни мирно проспал эту ночь у себя в каюте. Или в отеле. Или у него другое неопровержимое алиби. Во-вторых... во-вторых — никуда от этого не денешься, — приходится признаться самому себе: особу королевской крови не будешь допрашивать как простого смертного. Мир устроен несправедливо, но приходится считаться с его законами.

Грант выяснил, что «Петронелл» ушла в Кауз, где ее владелец, Жиль Чампни, будет жить в течение недели во время фольклорного фестиваля. Поэтому в воскресенье Грант вылетел в Госпорт, откуда на

пароходе теперь переправлялся через сверкающий пролив на остров Кауз. Вчерашние вздыбленные, с пенными гребешками воды светились теплой голубизной. Английское лето снова было на должной высоте.

Грант небрежно бросил воскресные газеты на свободное место рядом с собой и приготовился наслаждаться переправой. Вдруг его взгляд упал на заголовок в «Воскресных новостях»: «Правда о раннем периоде жизни Кристины Клей». Моментально забыв обо всем, он переключился на «дело». В предыдущую субботу «Воскресный телеграф» опубликовала на первой полосе вышибающую слезу статью Джемми Хопкинса, этого «короля газетчиков», как его теперь именовали. Статья представляла собой интервью с ноттингемской работницей кружевной фабрики, некоей мисс Элен Козенс, которая, как оказалось, работала на фабрике в одно время с Кристиной Клей. В ней трогательно описывалась любовь Кристины к родителям, говорилось о том, какой у нее был чудесный характер, как она прекрасно работала, перечислялись случаи, когда мисс Элен Козенс помогала ей, как могла. Статья кончалась в чисто Хопкинсовой манере — призывом ко всеобщей любви и братству.

«Так уж сложилось, — писал он, — что одной из подруг было суждено взлететь к звездам, чтобы дарить радость миллионам и делать мир светлее. Но есть и другие судьбы, не менее замечательные, хотя и не такие яркие, и жизнь Элен Козенс, в маленьком двухкомнатном домике ухаживающей за больной старушкой матерью, по-своему не менее замечательна, не менее достойна похвалы».

Это была хорошая статья: Джемми остался ею доволен.

Теперь «Воскресные новости» опубликовали свое собственное интервью. И оно заставило Гранта улыбнуться — впервые за всю неделю. На сей раз это была беседа с Мег Хиндлер, когда-то работницей той же фабрики, а теперь матерью восьмерых детей. И она желала знать, какого черта эта старая дева Нелл Козенс наплела всю эту чепуху, и она надеялась от всего сердца, что Господь покарает Нелл за ее подлую ложь, и что если мать Нелл пьет, это несколько не удивительно, если жить с такой кислой занудой, как ее худющая и вечно ноющая дочь; и что всем известно — когда эта крючконосая

Нелл Козенс сунулась на фабрику, Кристина Готобед уже давно там не работала, ее и след простыл.

Разумеется, язык статьи выглядел несколько приличнее, но смысл был именно таков.

Сама Мег действительно хорошо знала Кристину. По ее словам, она была замкнутой девушкой, старалась все время сама себя образовывать. Среди сверстников особой популярностью не пользовалась. Отец у нее давно умер, и она жила в трехкомнатной квартире вместе с матерью и братом. Брат был старше ее и мамин любимчик. Мать умерла, когда Крис исполнилось семнадцать, и они с братом исчезли из Ноттингема. Они не были коренными ноттингемцами, у них не осталось там родни, и никто особенно не вспоминал о них после отъезда. Что уж говорить про тех, которые поселились там потом!

Грант живо представил себе, как бесится сейчас Хопкинс, которого так ловко провела эта сочинительница Нелл. Интересно, интересно. Так, значит, старший брат был мамочкиным любимчиком! Шиллинг на свечи. Какой семейный скандал мог так глубоко задеть Кристину, что она сохранила о нем память на всю жизнь и обессмертила своим завещанием? Ладно, ладно, газетчики считают себя умнее всех, но у Ярда есть свои методы и пути, неизвестные прессе и не менее действенные. Сегодня же вечером, к его возвращению, на его столе будет лежать вся предыдущая жизнь Кристины Клей, во всех деталях. Он отложил «Телеграф» и взялся за другие газеты. «Сандей телеграф» опубликовала целую сводку — вполне достойный и удобный своей дешевизной способ заполнения газетного листажа. В сводке сообщались мнения всех, начиная с архиепископа Кентерберийского и кончая Джасоном Хармером, о Кристине Клей и ее влиянии на искусство кино. («Сандей телеграф» обожала слова «влияние» и «искусство». На ее страницах даже боксеры рассказывали не про матчи, а про свое искусство.) Все высказывания, уложенные в маленькие параграфы, были банальны как обычно, кроме слов Джасона Хармера: за гладкими фразами угадывалось подлинное чувство. Марта Халлард была великодушна, упомянув о таланте Кристины, и на этот раз удержалась от того, чтобы упомянуть о ее более чем скромном происхождении. Один из претендентов на престол превозносил ее красоту. Ас высшего

пилотажа — ее мужество. Посол — ее ум. Было видно, что «Сандей телеграф» на этот раз не поскупилась на телефонные звонки.

Грант взялся за «Курьер» и там, где-то в середине газеты, обнаружил подробные объяснения мисс Лидии Китс по поводу знаков Зодиака. За последнюю неделю акции Лидии среди ее самых верных поклонников несколько упали. По их мнению, если уж она настолько очевидно видела смерть Клей, то должна бы заметить и такую малую деталь, как и то, что ее утопят. Но в глазах широкой публики ее известность расцвела пышным цветом. Лидия не обманывала. Много месяцев назад она объявила во всеуслышание, что звезды пророчат Кристине Клей, и звезды сказали правду. А публика обожает, когда пророчества сбываются. Замирая от ужаса, люди вжимаются спинами в мягкие диванные подушки и требуют еще и еще. И Лидия обещала им это «еще»: в конце статьи мелким шрифтом давалась информация, что благодаря щедрости «Курьера» его читатели могут заказать гороскопы у мисс Китс всего за один шиллинг — купоны на последней странице.

Грант сунул под мышку иллюстрированные журналы и приготовился сойти на берег. Он наблюдал, как ловко моряк накидывает трос на тумбу, и думал о том, как было бы хорошо, выбери он профессию, связанную не с людьми, а с предметами или машинами.

«Петронелл» стояла на якоре далеко от берега. Грант нанял лодку, которая доставила его к яхте. Пожилой помощник, стоявший на палубе, сунул трубку в карман и приготовился помочь ему подняться. Грант спросил, на борту ли лорд Жиль, прекрасно зная, что тот в Бекингемшире. Получив ответ, что лорда не будет целую неделю, Грант сделал вид, будто очень разочарован, и попросил разрешения все же подняться на борт: он-де надеялся, что его светлость сам покажет ему судно. Помощник обрадовался и сделался сразу очень общителен. Он остался на судне один и успел заскучать. Показать яхту симпатичному приятелю лорда Жилия обещало внести приятное разнообразие в монотонный день и наверняка некоторое вознаграждение за труды. Он выполнил свою почетную задачу на совесть, чем немало раздосадовал Гранта, но оказался очень словоохотлив. На одобрительное замечание Гранта по поводу удобных спальных кают, помощник заявил, что лорд Жиль всегда предпочитает

ночевку на яхте ночлегу на берегу. Он бывает по-настоящему счастлив, только когда под ними соленое море, лорд Жиль.

— Не то что лорд Эдуард, — заметил Грант.

— Да уж, что правда, то правда. Съехал на берег, едва лодку подали к борту.

— Он, вероятно, заночевал у Бричеров в тот день, когда вы вошли в Дувр?

Этого помощник не знал. Ему только известно, что на яхте он на ночь не оставался. Они вообще его больше тут не видели. Его ручной багаж переслали на паром, а остальное отправили вслед за ним в город. Все оттого, что с его суженой приключилось такое несчастье. Актриса она была. Очень известная киноактриса. Правда ужасно, когда такие вещи случаются с людьми из лучших семей? Надо же, убийство! Да, времена меняются к худшему.

— Ну не скажите, — не удержался Грант. — Если верить учебникам истории, то в прежние времена убийства для сильных мира сего были любимым развлечением.

Помощник был так доволен полученным за труды вознаграждением, что даже предложил приготовить для гостя какао, но Гранту не терпелось добраться до берега и позвонить в Ярд. На обратном пути он снова принялся размышлять, как Чампни провел ночь. Самым простым было объяснение, что он остановился у друзей. Но если так, откуда такое упорное желание избежать расспросов? Чем больше Грант думал об этом, тем более несовместимым с характером этого человека казалось ему стремление Чампни к скрытности. Эдуард Чампни всегда привык поступать, согласно своим намерениям, открыто, не считаясь с мнением окружающих и последствиями. Гранту трудно было вообразить, что он вообще способен действовать тайно. Только дело чрезвычайной важности могло заставить его изменить своим правилам. Гранту, таким образом, приходилось исключить в данном случае возможность легкого любовного приключения. К тому же за Чампни утвердилась репутация почти аскета. Но если исключить любовное приключение, что еще остается? Какой поступок человек типа и статуса Чампни пожелал бы скрыть, кроме убийства?

Убийство? В общем-то, допустить можно. Если чувство спокойной уверенности однажды разбито, то еще неизвестно, какое пламя может вырваться наружу. Вероятно, он верный муж и ожидает

того же от жены. Такие не прощают измены. Допустим... допустим, появился Хармер. Друзья Кристины отрицали, что она и Хармер были любовниками, но бомонд, не знающий, что такое приятельские отношения на работе, сомнений по этому поводу не испытывал ни малейших. Может быть, и Чампни поверил этому? Их привязанность друг к другу была спокойной, но его гордость... Гордость — вещь хрупкая и легко воспламеняющаяся. Может быть, он... Это, пожалуй, идея! Может быть, он подъехал к коттеджу той ночью? Он, в конце концов, был единственным, кто знал, где ее искать: почти все телеграммы оттуда она посылала именно ему. Он был в Дувре, а она — всего в двух часах оттуда. Что могло быть естественнее, чем приехать поздно ночью и сделать ей сюрприз? А если так...

И Гранту представилась картина: коттедж в темноте летней ночи; освещенные окна открыты, так что снаружи слышно каждое произнесенное слово. В саду, среди роз, стоит человек, прислушивающийся к голосам. Он стоит не шевелясь и наблюдает. Наконец в доме гасят свет. И через некоторое время человек уходит. Куда? Бродить всю ночь по дюнам? Чтобы увидеть ее неожиданно одну на пляже? И...

Грант встряхнулся и взялся за телефон.

— Эдуард Чампни во вторник не ночевал на борту, — произнес он в трубку. — Я хочу знать, где он был. И не забывайте, ради Бога, что надо соблюдать величайшую деликатность. Может оказаться, он провел ночь у лорда-хранителя печати или еще в таком же не вызывающем подозрений месте, но вряд ли. Хорошо бы завести дружбу с его лакеем и проверить гардероб лорда на предмет темного пальто. Наша самая сильная карта — то, что никто, кроме полиции, не знает про пуговицу. То, что мы дали в розыск брошенное пальто, ни о чем не говорит. Десять к одному, что пальто еще у владельца. Проще держать пальто, пусть даже без пуговицы, при себе, чем избавляться от него. И СОС по поводу пальто был разослан только для служебного пользования — широкой публике он не известен. Так что постарайтесь осмотреть гардероб Чампни... Нет, у меня на него нет никаких улик. Только действуйте осторожно, очень прошу. Я и так уже себя достаточно опозорил. Какие новости? Тисдейл объявился? Нет? Ладно, до вечера наверняка объявится. Он по крайней мере отвлечет от нас прессу. Они ждут его не дождутся. Как там досье на Клей? Ага. Вайн не вернулся

после беседы с камеристкой, как ее, — Бандл? Нет еще? Хорошо, еду прямо в город.

Вешая трубку, Грант намеренно отогнал от себя смутно зарождавшуюся тревогу. Разумеется, с Тисдейлом все в порядке. И вообще, что может случиться со взрослым мужчиной летом за городом, в Англии? Конечно, с ним все в порядке.

Досье Клей пополнялось довольно успешно. Ее отец, Генри Готобед, был плотником в поместье возле Лонг-Итона и женился на гладильщице из господского дома. Он погиб во время несчастного случая на лесопильном заводе, и отчасти потому, что его отец и дед работали в этом поместье, отчасти оттого, что вдова была слабого здоровья и не в состоянии была выполнять тяжелую работу, хозяева дали ей небольшую пенсию. Коттедж в Лонг-Итоне надо было освободить, и она с двумя детьми переехала в Ноттингем, где было больше возможностей найти подходящую работу. Девочке тогда было двенадцать, мальчику — четырнадцать. Странно, но собрать информацию об их дальнейшей жизни оказалось значительно сложнее. Информацию, кроме голых фактов так сказать. В сельской местности перемены происходят медленно, интересы у людей ограниченные, а память долгая. Но в постоянно меняющемся людском потоке города, где семьи зачастую не живут в одном районе более полугода, память о прежних жильцах обычно недолговечна.

Единственной, кто действительно им помог, была протеже «Новостей» Мег Хиндлер. Она оказалась огромной, добродушной женщиной с громким голосом, которая раздавала оплеухи своим многочисленным отпрыскам одной рукой и ласкала другой. Она еще не избавилась от синдрома по отношению к Нелл Козенс, но в те короткие минуты, когда ее удавалось отвлечь от этой темы, успевала сообщить много интересного. Мег запомнила семью Готобед не потому, что она была чем-то примечательна, а потому, что жила с ними на одной лестничной площадке и работала на той же фабрике, что и Крис. Часто они возвращались домой вместе. Она хорошо ладила с Крис Готобед, хотя и не одобряла ее за то, что та задирала нос. Если ты должен зарабатывать себе на хлеб, работая на фабрике, так и работай без фокусов. Не то чтобы Крис фокусничала, нет, но она так брезгливо отряхивалась и чистилась, когда заканчивала работу, будто занималась чем-то позорным. И всегда носила шляпку, что уж совсем ни к чему на фабрике. Она обожала мать, но та признавала только своего ненаглядного Герберта. Этот Герберт был паршивец, другого слова не

подберешь! Скользкий, лживый, подлый, самовлюбленный тип, каких мало. Но миссис Готобед души в нем не чаяла и считала красавчиком. И он всегда притеснял Крис. Как-то Крис упростила мать разрешить ей брать уроки танцев, хотя к чему ей эти уроки, Мег ума приложить не могла: смотри, как другие скажут, глядишь, и сама научишься, а дальше — дело практики. Так вот, Герберт, как только прослышал, сразу положил этому конец. Им это не по карману, сказал он, — им все было не по карману, кроме того, чего хотелось самому Герберту, — и, кроме того, танцы — вещь легкомысленная и не может быть угодна Господу. Герберт всегда точно знал, что Господу угодно, а что нет. Он не только положил конец ее занятиям танцами, он еще умудрился выудить у Крис деньги, которые она откладывала, чтобы добавить к той сумме, что выделит мать. Он стал говорить, как эгоистично со стороны Крис копить на себя деньги, когда у матери такое слабое здоровье. И он так упорно твердил про ее слабое здоровье, что матери и вправду стало хуже и она слегла. А Герберт при этом съедал все лучшее, что Крис для нее покупала. А потом Герберт поехал с матерью на отдых в Скечнесс, потому что Крис не могла бросить работу, а это был как раз один из многочисленных периодов, когда Герберт потерял место.

Да, Мег им помогала. Конечно, она не знала, что случилось с этой семьей потом. Крис уехала из Ноттингема на следующий же день после похорон матери, но поскольку квартира была оплачена на неделю вперед, то Герберт еще несколько дней жил один. Мег запомнила это, потому что он как раз устроил у себя одно из «собраний» — он обожал устраивать такие собрания, любил сам себя слушать — и соседи пожаловались на шум: слишком громко они там распевали. Будто и без этого у них в доме мало было шума, а тут еще эти собрания! Какие собрания? Помнится, начал он с политики, но потом быстро перекинулся на религию, потому что на религиозных собраниях, как бы вы публике ни досаждали, в вас ничем кидаться не станут. Что до нее, то ей сдается, ему только дай поговорить, а про что — не важно. Лично она не припомнит человека, который так много о себе воображал бы, и при этом без всяких оснований.

Нет, она не знает, куда уехала Крис и было ли ее местопребывание известно Герберту. Зная Герберта, она думала, что скорее всего Крис уехала с ним не попрощавшись. Она и вообще никому не сказала «до свидания». Крис очень нравилась Сиднею, младшему брату Мег, он

сейчас в Австралии, но Крис его никак не поощряла. Нет, у нее не было жениха, у Крис. Мег столько раз видела на экране Кристину Клей и не догадалась, что она и есть Кристина Готобед. Чудно, да? Она очень изменилась, это уж точно. Мег слышала, что там, в Голливуде, они это ловко делают. Наверное, потому и не узнала. Ну и потом, от семнадцати до тридцати — время немалое. Посмотрите, во что она сама превратилась всего за несколько лет!

И Мег с громким смехом развернулась, чтобы детектив смог обозреть ее пышные формы. Потом она угостила его крепким, только что заваренным чаем со сладким печеньем.

Детектив — это был тот самый Сангер, который участвовал в несостоявшемся аресте Тисдейла и тоже был горячим поклонником Клей, — припомнил, что даже в городе есть группы людей, чьи интересы так же специфичны и память такая же долгая, как у деревенских жителей, и в конце концов отыскал маленький домик в пригороде за рекой, где обитала с карликовым терьером и приемником миссис Станмерс. И терьера и приемник она получила при выходе на пенсию. Сама она после тридцати лет преподавания в начальной школе на Бизли-роуд не могла бы себе позволить даже одну из этих дорогих игрушек. Школа составляла всю ее жизнь, памятью о школе она жила до сих пор. Кристину Готобед она помнила прекрасно. Что мистер Сангер хочет узнать о ней? Ах, не просто мистер, а детектив? Она надеется, что ничего плохого не произошло. Все это было так давно, и потом она не поддерживала никаких связей с Кристиной. Немыслимо поддерживать связи с учениками, когда их у тебя по шестьдесят в одном только классе. Но девочка была многообещающая, очень многообещающая.

Сангер спросил, известно ли ей о том, что ее многообещающая девочка стала Кристиной Клей.

— Кристина Клей! Вы имеете в виду кинозвезду? Боже мой! Боже мой!

Сангер подумал было, что ее эмоции явно наигранны, но потом заметил, что маленькие старческие глаза полны слез. Она сняла пенсне и вытерла его аккуратно сложенным носовым платочком.

— Такая знаменитость! Бедное дитя, бедное, бедное дитя!

Сангер напомнил ей, с чем в данном случае связан всеобщий интерес к Кристине. Но мисс Станмерс, казалось, не столько

волновала страшная смерть взрослой Кристины, сколько ее способности, когда она была еще подростком.

— Она, знаете ли, была очень честолюбива. Потому я ее так хорошо и запомнила. Не как остальные: тем только бы поскорее распрощаться со школой и начать самим зарабатывать деньги. Единственное, что интересует детей из бедных кварталов, — это иметь наконец собственные карманные деньги и поскорее покинуть свои перенаселенные квартиры. А Кристине хотелось продолжить образование. Она даже добилась стипендии и получила право бесплатно учиться дальше. Но семья не могла ей этого позволить. Помню, она тогда пришла ко мне в слезах. Это был единственный раз, когда я видела ее плачущей. Обычно она была очень сдержанной девочкой. Я вызвала ее мать. Довольно приятная женщина, но абсолютно бесхарактерная. Я не смогла ее убедить. Слабохарактерные люди умеют быть очень упрямыми. А я не могла забыть о своей неудаче долгие годы. Я очень сочувствовала ее честолюбивым стремлениям. У меня самой они были когда-то, но я... я была вынуждена о них забыть. Я понимала, как ей тяжело. Она окончила школу, и я потеряла ее из виду. Помню, она пошла работать на фабрику. Семья нуждалась. Там был еще безработный брат. Весьма неприятный юноша, я слышала. И материнская пенсия — совсем ничтожная. Значит, она все-таки сделала карьеру! Бедное дитя!

Перед уходом Сангер спросил ее, неужели она не читала статьи о детстве Кристины в воскресных выпусках. Воскресных газет она не получает, ответила мисс Станмерс, а ежедневные к ней обычно попадают с двух-трехдневным опозданием: ее соседи Томпкинсы — очень милые люди — отдают ей свои, но сейчас они уехали на море, и она не видит газет, кроме тех, что на уличных стендах. Но она не особенно ощущает их отсутствие. Это ведь дело привычки, не так ли, мистер Сангер? Стоит их не читать дня три, как потом и не ощущаешь в этом необходимости. Да и как-то без них спокойнее. В наши дни только настроение портят. У себя в тихом, скромном убежище ей даже трудно поверить, что в мире столько зла и насилия.

Сангер попытался собрать сведения об этом несимпатичном типе, Герберте Готобеде. Но его никто как следует не помнил. Он не оставался на одной работе более пяти месяцев (этот рекорд он

установил, работая у кузнеца), и никто не горевал, когда он исчез. Никто не знал, что с ним случилось после.

Более свежие сведения о нем привез с Саут-стрит Вайн, расспрашивавший прежнюю камеристку Кристины, Бандл. Она о брате знала. Ее острые карие глаза на морщинистом лице засверкали яростью при одном упоминании о нем. Она видела его только раз и надеялась, что не увидит больше никогда. Однажды в Нью-Йорке он прислал записку в гримерную. Это была первая собственная гримерная Кристины и самая первая комедия с ее участием в главной роли. Она называлась «Поехали». И это был успех! Бандл одевала Крис, как и девять других девушек, когда она была еще статисткой, но потом госпожа пробилась на самый верх и взяла ее с собой. Такая уж она была: никогда не бросала друзей. До того как принесли записку, ее госпожа болтала и смеялась. Но когда мисс Кристина ее прочла, у нее стал такой вид, будто она таракана в мороженом увидела. Когда он вошел, она только сказала: «Объявился все-таки!» Он стал говорить, что пришел ее предостеречь о Божием наказании, а она ему отвечает: «Ты пришел, чтобы посмотреть, чем можно поживиться, вот и все». Она только что сняла дневной грим, чтобы наложить новый перед выходом на сцену, так что у нее ни кровинки в лице не было, пока она с ним говорила. Потом она выслала ее, Бандл, из комнаты, но там, внутри, был целый скандал. Бандл стояла за дверью, охраняя свою госпожу от посетителей — уже тогда находилось много таких, которые желали завести знакомство с ее госпожой, — и поэтому невольно слышала, что происходило за дверью. Потом ей пришлось их прервать, потому что мисс Кристине пора было выходить на сцену. Этот тип накинулся на Бандл за то, что она посмела войти, но госпожа сказала, что, если он тотчас же не уйдет, она вызовет полицию. Тогда он ушел и, насколько Бандл знает, больше не появлялся. Но он писал. Время от времени от него приходили письма — Бандл научилась узнавать их по почерку, — и он всегда каким-то образом знал, где находится сестра, потому что адрес на конверте всегда был указан точно. Ее госпожа после получения очередного письма всегда становилась очень грустной. В одну из таких минут она как-то сказала: «Ненависть ведь такое низменное чувство, правда, Бандл?» Бандл в жизни не испытывала ненависти ни к кому, кроме постового полицейского,

который ей постоянно грубил, но согласилась, что ненависть очень портит жизнь: она жжет тебя изнутри, пока не сожжет дотла.

К рассказу Бандл добавился еще и рапорт американской полиции. Герберт Готобед приехал в Штаты лет на пять позже сестры. Короткое время он пребывал в услужении у одного известного бостонского проповедника, который был покорен (или обманут?) его хорошими манерами и набожностью. Причина его ухода была покрыта мраком неизвестности; какого именно рода она была — выяснить не удалось, поскольку святой человек то ли из милосердия, а скорее всего из нежелания афишировать, что обманулся в своем выборе, предпочел ничего не сообщать в полицию. Предполагалось, однако, что впоследствии Герберт под именем Брата Господня колесил по стране, и не без успеха — и с точки зрения популярности, и в отношении заработков. Когда полиция дала ему понять, что родственные связи с Господом не помешают им выслать его из страны, он мигом понял намек и исчез. Последнее, что о нем слышали, — он будто бы основал миссию где-то на островах, кажется на Фиджи, после чего — с фондами миссии в кармане — удрал в Австралию.

— Обаятельная личность, ничего не скажешь, — заметил Грант, поднимая глаза от досье.

— Точно, это он, — сказал Вильямс, — не сомневаюсь, он-то нам и нужен.

— Да, все признаки у него налицо, — задумчиво отозвался Грант. — Жадность, тщеславие, полное отсутствие совести. Мне бы тоже очень хотелось, чтобы это был он. Мы бы оказали обществу большую услугу, если бы раздавили эту гадину. Но зачем ему было это делать?

— Может, давняя обида? — предположил Вильямс.

— Настолько глубокая, что через столько лет спровоцировала его на убийство? Пожалуй, ты тут перехватил. И потом, ему это невыгодно: из нее живой можно было выкачивать деньги, а так... А если все же надеялся на завещание? Это, пожалуй, мысль!

Грант решил снова встретиться с поверенным Кристины, однако для исполнения своего замысла ему нужна была поддержка и одобрение лорда Чампни. Созвонившись с его светлостью, Грант сел в машину и по пустынным в этот час улицам поехал ко Дворцу правосудия.

Очутившись в залитом зеленоватым светом и оттого сильно напоминавшем аквариум кабинете мистера Эрскина, где его уже ожидал лорд Чампни, Грант немедленно приступил к делу.

— Как вы посмотрите, если мы от вашего имени дадим коротенькое объявление в газете? — обратился он к ним обоим и изложил свой план.

Мистер Эрскин осторожно, словно боясь потревожить рыб, соединил кончики пальцев, нерешительно покачал головой и сказал, что опасается, как бы столь неожиданный шаг не привел к лишним осложнениям. Но лорд Эдуард неожиданно поддержал Гранта.

Несколько успокоенный, Грант вернулся к себе и тотчас отдал соответствующее распоряжение Вильямсу. Оставшись наедине с собой, он снова впал в сомнение: действительно, стоило ли создавать искусственные неприятности, когда и естественных на свете больше чем достаточно. Во всяком случае, в настоящий момент у бедного Гранта их хватало. «Вокруг вас одни неприятности» — как говорят обычно гадалки, раскладывая карты. Это как раз про него. Понедельник подходил к концу, а Тисдейл по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Первый, пока еще негромкий вой издала «Кларион», и завтра к утру на него накинется вся волчья стая. Где Роберт Тисдейл? Что предпринимает полиция, чтобы его отыскать? К чести Гранта, испытываемая им тревога была связана с беспокойством за самого Тисдейла, а не за себя, на которого неминуемо обрушится вся пресса. В последние два дня он действительно был уверен, что Тисдейл не появляется просто потому, что не видит газет. Не так-то просто раздобыть газету, когда ты в бегах. Но сейчас сомнение то и дело обдавало его легким холодком. Что-то тут было не так. Каждый газетный стенд в каждой деревушке пестрел крупными заголовками:

«Тисдейл не виновен», «Разыскиваемый полицией человек не виновен». Как он мог их не заметить? В любой пивной, в любом вагоне поезда, в автобусах и домах — по всей стране эта новость была главной темой разговоров. И тем не менее Тисдейл хранил молчание. Никто не видел его с тех самых пор, как Эрика уехала от него в прошлый вторник. В ночь на среду над всей Англией разбушевался такой шквальный ветер, какого не знали здесь много лет, и в течение двух дней дуло и лило со страшной силой. Тисдейл забрал еду, которую Эрика оставила ему в среду, но потом ничего не трогал. То, что она положила в пятницу, все еще лежало на том же месте, превратившись к субботе в мокрое месиво.

Грант знал, что всю субботу Эрика обшаривала округу. Она обследовала местность с упорством и настырностью терьера: ни один сарай, ни одно мало-мальски заметное укрытие не были ею пропущены. Она вполне справедливо думала, что ночь на субботу он во что бы то ни стало должен был провести под крышей — ни одно человеческое существо не смогло бы продержаться той ночью под открытым небом, — и поскольку в среду он еще был у меловой дороги, то вряд ли ушел далеко.

Однако все ее усилия ни к чему не привели. Сегодня организованные поиски начала вести группа добровольцев — у полиции не хватало людей, — но пока никаких известий не поступало. Гранта начал охватывать настоящий страх, который он безуспешно пытался подавить. Но страх был как торфяной пожар: только затопчешь в одном месте, как он тут же снова возникает уже где-то впереди.

Новости из Дувра тоже были неутешительными. Тамошнее расследование двигалось нестерпимо (для любого не обладавшего терпеливостью полиции) медленно, во-первых, из-за страха оскорбить высокую особу и, во-вторых, из-за боязни, как бы не спугнуть птичку. Первое — в случае полной невиновности Чампни, второе — в случае если он все же причастен к преступлению. Все это было очень сложно. Наблюдая за спокойным лицом Чампни (у него были правильные, изогнутые брови, усиливавшие впечатление полной безмятежности), пока они обсуждали ловушку для Герберта, Грант несколько раз вынужден был одергивать себя, чтобы не спросить впрямую: «Где вы были в ночь на среду?» Как бы себя повел Чампни? Скорее всего

несколько минут недоуменно молчал, потом немного подумал и сказал: «После того как я прибыл в Дувр? Провел вечер с тем-то и с тем-то, в таком-то месте». Потом до него дошло бы, что значит этот вопрос, он изумленно взглянул бы на Гранта, и Грант почувствовал бы себя полным идиотом. Более того, в присутствии Эдуарда Чампни он понимал, насколько оскорбительно даже само подозрение, будто Чампни может иметь какое-нибудь отношение к убийству своей жены. Когда его не было рядом, Грант, однако — чаще, чем ему хотелось самому, — мысленно возвращался к той картине, которая предстала перед ним однажды: человек, стоящий в темном саду под освещенными окнами. Но когда Чампни находился рядом, эта мысль казалась фантастической. Пока людям Гранта удастся — или не удастся — выяснить, что делал Чампни в ту ночь, всякие прямые расспросы придется отложить.

Пока что было ясно лишь одно: Чампни не останавливался ни в одном из обычных мест. Опросы в отелях и в домах знакомых дали негативный результат. Сфера поисков была предельно расширена. В любую минуту могли поступить сведения о том, что лорд Чампни провел ночь на царственной постели с простынями тончайшего полотна, и Грант вынужден будет признать, что ошибался в своем предположении, будто лорд Эдуард намеренно ввел его в заблуждение.

Во вторник утром поступили новости от Коллинза — детектива, который занимался гардеробом Чампни. Его лакей Брайвуд оказался «очень трудным»: он не пил, он не курил, и Коллинзу долгое время никак не удавалось найти с ним никаких общих точек соприкосновения. Но каждый человек имеет свою цену. Оказалось, что Брайвуд обожает нюхать табак. Он держал свое пристрастие в глубокой тайне, опасаясь, что лорд Эдуард, если узнает, рассчитает его на месте. (На самом деле лорд Эдуард, вероятно, был бы чрезвычайно рад, что у его лакея такая старомодная привычка, в духе восемнадцатого столетия.) Коллинз достал Брайвуду очень редкий сорт нюхательного табака и наконец-то получил возможность ознакомиться с гардеробом Чампни. Оказалось, что по возвращении — вернее, когда он уже прибыл в Лондон — его светлость изволили «почистить» свой гардероб. Он отдал Брайвуду два пальто — одно темное, другое светлое, верблюжьей шерсти. Последнее Брайвуд подарил своему племяннику — хористу. Первое продал старьевщику в Лондоне. У Коллинза были фамилия и адрес старьевщика.

Грант срочно послал по этому адресу человека. Когда детектив стал перебирать его товар, старьевщик сказал: «Вот пальто лорда Эдуарда Чампни, сына герцога Бада. Прекрасная вещь». Это была действительно прекрасная вещь, и все пуговицы у нее были на своих местах. Без признаков недавней замены.

Грант вздохнул, услышав эту весть, — сам не зная, от радости или огорчения. Но он по-прежнему хотел знать, где Чампни провел ту ночь.

А пресса хотела знать, где Тисдейл. Все до единой газеты Британии желали это знать. Ярд давно уже не попадал в столь затруднительное положение. «Кларион» в открытую называла их убийцами, а Грант, пытаясь хоть как-то разобраться в осложнившемся деле, совсем измучился от злобствования коллег, от утешений друзей, от вида обеспокоенного начальства и от собственной возрастающей тревоги. В середине дня Джемми Хопкинс позвонил в Ярд, чтобы оправдаться по поводу своей статьи в «Кларион», говоря, что «дело

есть дело» и он надеется, что добрые друзья-полицейские поймут его правильно. Гранта не было, и к телефону подошел Вильямс. У него не было настроения обмениваться любезностями. Он с наслаждением излил свою отягченную заботами душу и оставил Хопкинса в тревоге, что он, пожалуй, малость переборщил и непоправимо испортил отношения с Ярдом.

— А что до преследования невинных людей, — заключил Вильямс свою отповедь, — то вам ли не знать, что пресса за один день преследует столько народа, сколько Ярду не довелось со дня основания. И все ваши жертвы — люди невинные!

— Имейте же сердце, сержант! Вы же знаете, мы обязаны поставлять материал. Если он будет бледный и неинтересный, то можно лишиться работы. И очутиться на паперти или на набережной. Вы человеку вздохнуть не даете. Нам нужно на что-то жить, как и вам, и...

Звук повешенной Вильямсом трубки был достаточно красноречив. В одном этом звуке соединилось все: и слово, и дело. Джемми чувствовал себя незаслуженно оскорбленным. Он писал статью с вдохновением. Он настолько упивался своими обличительными фразами, что начинал пылать искренним негодованием. Когда он писал, то его язык покидал свое обычное место за щекой, высовывался наружу, и Джемми захлестывали эмоции. Когда он кончал писать, язык занимал прежнее положение и все эмоции исчезали бесследно, но это уже не имело существенного значения: статья была готова, в ней был «жар души», и его жалованье подскакивало вверх. Ему только было немножко жаль, что его газетные недруги не ведали, как протекает его творческий процесс. Раздосадованным жестом он сдвинул шляпу на правый глаз и пошел перекусить.

А менее чем в пяти минутах ходьбы от него Грант сидел в темном углу с огромной кружкой черного кофе и, подперев голову руками, «проговаривал» обстоятельства дела короткими, рублеными фразами.

Местопробытия Кристины Клей никто не знал. Но знал убийца.

Это исключало массу народа.

Знал Чампни.

Знал Джасон Хармер.

Знал почти наверняка Герберт Готобед.

На убийце было пальто — темное или черное, потому что пуговица и нитка были черными.

Такое пальто было у Чампни, но со всеми пуговицами.

У Джасона Хармера черного пальто не было, и в таком его никто не видел.

Что носит Герберт Готобед, не известно никому.

У убийцы мотив должен был быть достаточно весомый и не мимолетный, для того чтобы поджидать свою жертву в шесть часов утра на пляже и потом утопить.

У Чампни такой мотив был.

У Джасона Хармера — возможно, если они были любовниками, но доказательств этому нет.

У Герберта Готобеда, насколько известно, мотива для убийства не было, но он почти наверняка ее ненавидел.

По количеству очков первым шел Готобед: он знал, где находится его сестра, за ним шла дурная слава человека, способного на все, даже на убийство, и он был в плохих отношениях с покойной.

Ладно! Может быть, Готобед объявится завтра. Пока же Грант будет стараться глушить себя черным кофе и отгонять мысли о прессе. Он уже поднес чашку к губам, когда его взгляд упал на человека в противоположном углу. Чашка мужчины была наполовину пуста, и он с дружелюбным любопытством наблюдал за Грантом. Грант улыбнулся и нанес удар первым:

— Прячете свой классический профиль от публики? Почему бы вам не доставить бесплатного удовольствия своим поклонникам?

— Бесплатных удовольствий у них сколько угодно. Им все сходит с рук. Вам достается с этим делом. Что они, право, ожидают? Что вы ясновидящий?

Грант неторопливо положил в рот мед.

— Джемми Хопкинс когда-нибудь дождетя, что ему открутят голову за его штучки. Я бы и сам не прочь, но мое лицо застраховано на кошмарную сумму. Он однажды нашел, что я — «мечта каждой девушки», — сказал Оуэн Хьюдждед.

— А разве это не так?

— Вы не видели, что случилось с моим коттеджем?

— Нет. Только газетные фотографии.

— Должен признаться, я просто заплакал, когда вылез из машины и увидел его. Пусть бы эти фотографии размножили и разослали по всему свету, чтобы люди увидели своими глазами, к чему приводит паблисити. Лет пятьдесят назад люди могли приехать посмотреть и спокойно уехать, довольные. А теперь! В «Бриары» приезжали целыми отрядами. Мой поверенный попытался приостановить эти «экскурсии», но ничего не добился. Местная полиция поставила там пост только на первые несколько дней. За эти две недели там побывало тысяч десять, и каждый старался заглянуть в окна, топтал цветы и брал сувенир на память. От ограды ничего не осталось, а она была больше трех метров высотой и вся в розах, а сад — просто голое, истоптанное месиво. Я очень любил свой сад. Не то чтобы я ворковал над каждым цветочком; но мне нравится сажать растения, которые мне дарят, и наблюдать, как они вырастают. Ничего не осталось.

— Да, действительно вам не позавидуешь. И не с кого взыскивать убытки. Представляю, как вам досадно. Ну, будем надеяться, что к следующему сезону у вас там снова все зазеленеет.

— Я продаю дом. Теперь он все равно что дом с привидением. Вы никогда не встречались с Клей? Она была великолепна. Такие редко появляются на свет.

— Вы, случайно, не знаете, кто бы мог желать ее смерти?

Хьюдждед улыбнулся той знаменитой улыбкой, которая заставляла его поклонников самозабвенно вцепляться в ручки кресел в кинозалах.

— Я знаю многих, которые с превеликим удовольствием укокошили бы ее сразу на месте. Но только сразу. Как только человек поостывал, он был готов умереть за нее. Для Крис это невыносимая смерть — я имею в виду то, как именно это произошло. Вы слышали, что Лидия Китс предсказала ей скорую кончину? Лидия просто чудо. Правда, таких надо топить в младенческом возрасте, но все-таки она — чудо. Я послал ей дату рождения Мари Дакр — все сведения вплоть до часов и минут. Мари до этого заставила меня дать страшную клятву, что я никому не проболтаюсь про год ее рождения. Лидия понятия не имела, чей гороскоп она составляет, но он вышел абсолютно точный. Лидия произвела бы сенсацию в Голливуде.

— Похоже, она туда и метит, — сухо отозвался Грант. — А вам там нравится?

— Да, там очень спокойно дышится. — И, видя, что Грант недоверчиво поднял брови, добавил: — Там мы все как галька на морском берегу — почти неразличимы, и никто за нами не гоняется.

— Я всегда считал, что туда организуют специальные экскурсии со всего Среднего Запада, чтобы люди могли фотографироваться в обнимку с актерами.

— Ну да, устраивают даже автомобильные экскурсии по улицам, где живут знаменитости, но никто не топчет цветы у вас в саду.

— Если вас убьют, то могут и потоптать.

— Там поклонники никого не убивают. Убийству в Штатах цена — копейка. Это не сенсация. Ну, мне надо двигаться. Удачи вам. И пусть Господь вам поможет. Вы сами мне очень помогли, да еще как!

— Я?

— Вы показали мне, что есть профессия еще хуже моей. — Он положил деньги на край стола и взялся за шляпу. — Надо же! На воскресной службе принято молиться за судей, но никто никогда не молится за полицейских!

Он приладил шляпу под тем углом, который после проб был признан фотографами самым удачным, и пошел к выходу, оставив Гранта в чуть более спокойном расположении духа.

Кто не мог похвастаться спокойным расположением духа, так это Джемми. Игривый, шумный, выдавший виды, но никогда не унывавший Джемми. Он поел в своей любимой закуской (на черном кофе пусть сидят озабоченные полицейские и актеры, вынужденные следить за фигурой; Джемми имел дело лишь с заботами других, а про фигуру вспоминал, только когда очередной раз бывал у портного), и в этот день все у него шло наперекосяк. Мясо казалось пережаренным, пиво — тепловатым, официант икал, картофель был водянистый, пуддинг отдавал содой, а в баре кончились его любимые сигареты. Поэтому чувство, что его обидели и неправильно поняли (вместо того чтобы расслабиться после еды и питья), усилилось и превратилось в обиду на весь Божий свет. Он мрачно взирал поверх кружки на своих собратьев по перу и сверстников, которые беззаботно перебрасывались шутками за столиками с крахмальными скатертями, а они, заметив его непривычно мрачный вид, поддразнивали его, проходя мимо.

— Что случилось, Джемми? Понос?

— Нет! Он тренируется на диктатора. Тут главное — выражение лица.

— Главное не в этом, — подхватывал другой, — главное — в стрижке.

— И надо следить за руками. Возьми Наполеона. Так и остался бы капралом на всю жизнь, не выдумай он этого трюка с руками, сложенными на груди. Знаешь, как беременный.

— Если у Джемми беременность, пускай бы лучше рожал в офисе, а не здесь. Боюсь, младенец получится довольно страшненький.

Джемми послал их всех подальше и пошел искать свои любимые сигареты. И чего это Ярд так на него ополчился? Все знают, что в газетах одна вода, если не моча. Стоит перестать преувеличивать и делать драму из любой чепухи, люди начнут думать, что с ними никто не считается, и перестанут покупать газеты. И что тогда станется со всеми газетными воротилами, с самим Джемми и с ни в чем не повинными держателями акций? Хочешь не хочешь, а надо волновать чувства всех этих несчастных трудяг, которые слишком утомлены или

слишком тупы для того, чтобы чувствовать самим. Если уж нет такого события, которое заставило бы кровь застыть в жилах, то надо жать на слезу. Рассказ о ранних годах Клей был как раз то, что надо, — настоящий джем, хотя эта дамочка с лошадиным лицом, гром ее разрази, действительно провела его за нос насчет того, что дружила с Крис. Но не всегда же тебе попадаются ужасы или жалобные истории, а английская публика если и обожает что-то еще, так это справедливое негодование. Ну Джемми им и дал эту возможность. В Ярде же прекрасно знают: завтра все эти люди и не вспомнят о том, что прочли сегодня, — так какого черта! Из-за чего было злиться? Взять хотя бы эту фразу: «Преследуют невинных людей». Просто клише. Стоит ли из-за этого злиться? Просто в Ярде чувствуют, что сами оплошали. Они знают, что до этого нельзя было доводить человека. Он, конечно, не собирается влезать в чужую работу, но если разобраться, то не так уж он и не прав в своей статье. Может, чересчур сильно выразился. Но остальное, кроме этой фразы, — правда. Это сильно смахивает на провал. Ну, провал — тоже, может, слишком громко сказано, но все же весьма огорчительно, что такое возможно в системе, которая считает себя на высоте. Когда у них дела идут успешно, то они на тебя смотрят сверху вниз и всем своим видом показывают, что ты им мешаешь. Так что нечего им ожидать снисхождения, когда промазали. Вот если бы прессу открыто допускали к расследованию, как это принято в Штатах, такое просто не могло бы произойти. Он, Джемми Хопкинс, всего лишь репортер уголовной хроники, но он знаком с методами расследования преступлений не хуже любого полицейского. Если бы «старик» дал ему отпуск, а полиция разрешила пользоваться их материалами, то он, Джемми, в течение недели засадил бы убийцу Клей за решетку и поместил бы на первую полосу газеты. Воображения — вот чего не хватает полиции. А у него воображения хоть отбавляй. Только бы ему дали шанс.

Он купил сигареты, переложил их в золотой портсигар — прощальный подарок бывших коллег из провинции перед его отъездом в Лондон (шептались, будто такая щедрость объяснялась не столько привязанностью, сколько радостью по случаю его отбытия) — и направился обратно в редакцию. У входа в это святая святых, где квартировала «Кларион», он столкнулся с одним из младших коллег,

юным Маскером, который куда-то спешил. Джемми коротко кивнул и на ходу спросил:

— Ты куда?

— На лекцию о звездах, — отозвался Маскер без особого энтузиазма.

— Астрономия — очень интересная наука, — наставительным тоном заметил Джемми.

— Это не астрономия. Астрология. — Юноша уже вышел на солнечную улицу. — Какая-то женщина читает. По фамилии Поуп, дальше не помню.

— Поуп? — Джемми замер на полдороге к лифту. — Случайно, не Китс Поуп?

— Китс, вы говорите? — Маскер взглянул на пригласительный билет, — Да, точно, Китс. Я еще подумал, у нее фамилия как у известного поэта. Эй, в чем дело? — изумился он, потому что Джемми схватил его за руку и втощил обратно в холл.

— Дело в том, что ты ни на какую лекцию не идешь, — ответил Джемми, заталкивая его в лифт.

— Спасибо, конечно, что вы меня освобождаете, но почему? У вас что, астрологическое хобби?

Джемми втощил Маскера за собой в офис и обратился с жаркой речью к безмятежному розовому человечку за письменным столом.

— Но послушай, Джемми, — отозвался безмятежный господин, когда сумел вставить слово. — Это тема Блейка. Ему и надо было идти на лекцию. Разве это не он у нас каждую неделю вещает всем на шестой странице, что их ждет в ближайшие семь дней? Единственное, чего он не сумел предвидеть, — это то, что его жена родит на этой неделе, а не на следующей. Поэтому я его отпустил и направил Маскера.

— Маскера! Вы что, не знаете, что эта та самая женщина, которая предсказала смерть Клей? Та самая, которую рекламирует «Курьер», взимая шиллинг за каждый заказанный гороскоп?

— Ну и что?

— Как «ну и что»? Она же «горячие новости»!

— Она новости для «Курьера». И то уже вчерашние. Вчера я снял статью о ней с полосы.

— Ладно, пусть она — вчерашняя новость. Но масса «интересного» народа ею сейчас наверняка интересуется. И один из них, самый заинтересованный вероятно, тот, который осуществил ее пророчество! Может, именно она и подала ему эту идею. Она и ее предсказание. Китс сама по себе, может быть, и вчерашняя новость, но все, кто ее окружает, — вполне сегодняшняя.

Джемми потянулся и взял пригласительный билет из рук юного Маскера:

— Найдите этому милому молодому человеку другое дело на сегодня. Тем более он не любит астрологию. Пока.

— А что же будет со статьей о...

— Будет вам эта статья. И еще одна в придачу.

Спускаясь в лифте, Джемми щелкнул по пригласительной карточке:

— Элвз-холл — ничего себе! Лидия явно начинает пользоваться успехом!

— Знаешь, какое самое верное средство успеха, Пете? — игриво спросил он лифтера.

— Ну?

— Выбери себе правильный способ облапошивать людей.

— Кому это и знать, как не вам! — откликнулся Пете.

Джемми сделал вид, что хочет его прибить. Пете знал его еще в те дни... ну не совсем в те дни, когда он бегал в коротких штанишках, но, пожалуй, еще тогда, когда он носил не те воротнички, которые принято.

Элвз-холл был расположен на Вигмор-стрит, что само по себе уже немало способствовало его популярности. Камерная музыка казалась куда привлекательнее, если можно было совместить ее с посещением своего клуба и выпить там чашку чая или с визитом в магазин Дебенгама и выбрать себе новое платье. А тучные сопрано, польщенные тишиной, которая царила во время исполнения ими ведущих партий, и не подозревали, что их слушателей в этот момент больше всего занимали мысли о том, что лучше — крепдешин или креп-сатин. Проходя к своему месту, Джемми обратил внимание на то, что зал заполняла самая блестящая публика, которую ему доводилось видеть со времени знаменитого бракосочетания Бьюшира и Керзон. Здесь присутствовал не только бомонд, но и особы голубой крови —

те, которых Джемми называл «герцогинями до кончиков ногтей», — длинноносые, в узких длинных туфлях, с длинной родословной; те, что жили за счет своих замков, а не за счет своих собственных талантов. И конечно, все это сборище было щедро сдобрено психами.

Психи шли сюда не в поисках острых ощущений и не потому, что мать Лидии была третьей дочерью обедневшего маркиза, а потому, что Лев, Телец, Рак и другие были их домашними любимцами, а дома Зодиака — их духовным прибежищем. Их нельзя было спутать ни с кем: их пустые глаза не мигая смотрели в одну точку, их одежда выглядела как на вторые сутки сидячей забастовки где-нибудь в подвале и, казалось, у всех у них на тощих шеях болтались дешевые керамические бусы.

Джемми пренебрег местом, оставленным для представителя «Кларион», и пожелал устроиться под пальмами в переднем ряду, у самой сцены, в чем ему с разной степенью возмущения препятствовали как те, которые пришли посмотреть на Лидию, так и те, которые пришли, чтобы посмотрели на них самих. Джемми не относил себя ни к тем, ни к другим. Он явился наблюдать за публикой. Место, которое он нашел себе наконец среди цветочных горшков, поставленных знаменитой фирмой декораторов Виллоуби, предоставляло ему наилучшую возможность для наблюдений.

Рядом с ним оказался бедно одетый, невзрачный господин лет тридцати двух. Как только Джемми занял свое место, он наклонился, приблизил свой рот с заячьей губой к самому уху Джемми и выдохнул:

— Удивительная женщина!

Джемми догадался, что это относится к Лидии.

— Удивительная, — согласился он. — Вы с ней знакомы?

Невзрачный господин («псих», — подумал Джемми) поколебался и сказал:

— Нет. Но я был знаком с Кристиной Клей.

Разговор прервался с появлением на сцене Лидии и ведущего этот вечер. Лидия всегда была плохим оратором. У нее был резкий, визгливый голос, и, когда она бывала возбуждена или взволнована, он звучал как на заезженной патефонной пластинке. Джемми вскоре перестал ее слушать. В прошлом ему доводилось слышать все это уже много раз. Его глаза заскользили по маленькому переполненному залу. Если бы он кокнул Клей и благодаря нерасторопности полиции

находился бы на свободе и вне подозрений, пришел бы он сюда послушать женщину, предсказавшую ей смерть, или нет?

Джемми решил, что, пожалуй, пришел бы. Убийца был умен. Это признавали все. И сейчас он, должно быть, упивается тем, как умно все проделал. Считает небось себя выше всех простых смертных, живущих в пределах закона. Такое состояние ума характерно для каждого, кто замышляет убийство. Они задумывают то, что никому не дозволено, и у них получается! Это ударяет им в голову, как вино. И они ищут, что бы еще такое выкинуть, — как дети, на спор перебегающие дорогу перед мчащейся машиной. Сборище самых видных людей в одном из наиболее престижных мест Лондона должно было показаться ему именно «этаким рискованным шагом». Каждый в этом зале сейчас вспоминал о Кристине. Со сцены, разумеется, ее имя не произносилось — это звучало бы неприлично. Лекция была посвящена астрологии — истории ее возникновения, значениям звезд. Но все эти люди — или почти все — пришли сюда только потому, что почти год назад Лидии в счастливый момент открылось, что Кристина Клей будет убита. Кристина Клей ощущалась здесь почти с такой же материальной достоверностью, как присутствие самой Лидии: зал был полон ею. Да, будь он, Джемми, на месте убийцы, пребывание в зале доставило бы ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Он смотрел сейчас в зал, хваля себя за свое воображение, которое его привело сюда. Воображение, которого так не хватало несчастному идиоту Гранту. Зря он не догадался захватить с собою Бартоломео. Барт гораздо лучше его знал все про высший свет. Барт всегда выезжал на описаниях, и, что бы он ни описывал — свадьбы, автогонки, круизы на яхтах, — в его статьях мелькали обычно одни и те же имена. Барт мог бы оказаться ему полезен. Но Джемми тоже кое-что о них знал.

— С другой стороны, — продолжала между тем Лидия, — Козероги часто бывают меланхоличны, сомневаются в себе или не совсем нормальны. На более низшем уровне это люди мрачные, скупые и склонные к обману.

Но Джемми не слушал. Он в любом случае не знал, какая планета имела честь сопутствовать его появлению на свет, да это его несколько и не занимало. Лидия много раз говорила, что он типичный, ну типичнейший Близнец, но он об этом не помнил. Все это чушь собачья и надувательство. Вон, в третьем ряду, герцогиня Трентская. У этой

глупой гусыни полное алиби: ведь она собиралась устроить ленч в честь Кристины, ленч, после которого ей стал бы завидовать весь Лондон; она теперь, бедняжка, так и останется докучливым, но необходимым дополнением на приемах в домах других.

Взгляд Джемми пробежал по четвертому ряду и задержался на красивом, смуглом лице мужчины. Очень знакомое лицо. Чеканный профиль, как на монетах. Откуда оно ему знакомо? Он не знал этого человека. В жизни никогда не встречался с ним.

И тут его осенило: это Жан Лежен — актер, который должен был сниматься с Клей в ее третьей и последней в Англии картине. Картина, в которой она так и не снялась. Ходили слухи, будто Лежен рад, что съемок с ней не будет. Клей обычно затмевала всех своих партнеров. Хотя вряд ли это могло послужить поводом для того, чтобы на заре держать ее голову под водой, пока она не перестала бы дышать. Джемми остался равнодушен к Лежену. Рядом с ним — обложка с модного журнала в черном и белом. Марта Халлард. Ну да, ведь Марта получила роль Клей. Марта не была актрисой столь высокого уровня, как Клей, но прости на съемках стоили дорого, а Марта умела держаться, была достаточно опытна, владела сценическим искусством и была, как выражался продюсер Койен, «классная актриса». Теперь она станет партнершей Лежена. Или он — ее. Тут трудно было решить, кто из них будет ведущим. Оба они — среднего уровня. Если говорить о партнерстве, то эта пара может оказаться более удачной, чем Клей и Лежен. Шаг вверх, огромный шаг, — для Марты, и больше возможностей проявить себя в полном блеске для Лежена. Да, смерть Кристины принесла неожиданную удачу им обоим.

У него в ушах вдруг прозвучали слова, произнесенные чьим-то женским голосом: «Ты сама ее и убила». Кто это говорил? А, Джуди Селлерс, на ролях глуповатых блондинок. Она сказала это о Марте. В тот субботний вечер, когда они с Грантом встретились у входа в квартиру Марты. Джуди произнесла эти слова вызывающим тоном, который был ей свойствен, о каких бы простых вещах ни заходила речь. Все восприняли их как шутку. Кто-то рассмеялся и добавил, подхватив: «Ну ясно, ты же сама хотела получить эту роль!» И болтовня перешла на другие темы.

Вообще-то, зависть и амбиции всегда служили самыми распространенными мотивами для убийства. По списку они стоят,

пожалуй, сразу после ревности и страсти к деньгам. Но Марта Халлард есть Марта Халлард. Убийство и это хрупкое, лицемерное, высокомерное создание были вещи несовместные. Он припомнил, что даже на сцене ей никогда не удавались роли убийц. У нее всегда был такой вид, будто ей безумно скучно. Если убийство и не казалось ей скучным, то наверняка она находила это плебейским. Нет, он допускал, что Марта может быть убийственно зла, но в роли убийцы ее не представлял.

Он заметил, что Марта тоже не слушает Лидию. Все ее внимание — внимание напряженное — было сосредоточено на ком-то, кто сидел от нее впереди справа. Джемми проследил за направлением ее взгляда и, к своему удивлению, наткнулся на ничем не примечательного коротышку явно еврейского происхождения. Не веря своим глазам, он проверил свои выкладки. И снова увидел то же сонное круглое лицо.

Чем мог заинтересовать Марту этот человек с ничем не примечательной внешностью коммивояжера? И тут Джемми наконец вспомнил, кто этот коротышка: еврей Джасон Хармер, сочинитель песенок. Один из ближайших друзей Кристины. «Веселый чайник», как назвала его Марта. И если доверять мнению женщин, даже очень примечательный. Ведь его называли любовником Кристины Клей, Джемми даже присвистнул про себя. Так вот он какой, этот Джей Хармер! До сих пор он знал его только по фотографиям. Странные бывают вкусы у женщин, ничего не скажешь.

Хармер слушал Лидию с ребяческим восторгом. Джемми подивился, как Хармер может не замечать, что Марта сверлит его взглядом. Получается, это полная чушь, когда говорят, будто люди оборачиваются, если на них пристально смотрят. В любом случае непонятно, с чем связан скрытый интерес к нему Марты. Что она делала это тайком, было очевидно. Поля шляпы скрывали ее глаза от соседа, и она справедливо считала, что всем остальным не до нее. Не подозревая, что за ней наблюдают, она не отводила от Хармера взгляда. Почему?

Может, это «сердечный интерес»? Тогда насколько серьезный? А может, несмотря на то что Марта так горячо защищала его в тот вечер, она заподозрила в нем убийцу Клей?

Джемми наблюдал за ними обоими минут пятнадцать, не зная, что и думать. Снова и снова его взгляд, пробегая по залу, возвращался к

этой паре. За многими было бы любопытно понаблюдать здесь, но главное — эти двое.

Он припомнил резкую реакцию Марты на чье-то предположение, что Хармера и Кристину связывает нечто большее, чем дружба. Что это могло означать? Что она сама увлечена им? И способна ли она серьезно увлечься? Настолько, чтобы избавиться от соперницы?

Он уже начал размышлять, хорошо ли Марта плавает, но тут спохватился. Всего пятнадцать минут назад мысль о том, что у Марты хватит темперамента на убийство, вызывала у него улыбку. Само предположение показалось ему неприемлемым.

Но то было до того, как он открыл для себя ее интерес — всепоглощающий интерес — к особе Джасона. Допустим, просто ради того чтобы убить время, пока эта Лидия нудит про планеты; или допустить, что Марта и вправду влюблена в Джасона? Получается, что Кристина ей соперница вдвойне? Кристина достигла положения, ради которого Марта, несмотря на свое внешнее безразличие, с радостью дала бы отсечь себе правую руку. Кристина достигла самой вершины профессионального древа. Часто Марта видела эту вершину совсем рядом, но каждый раз ветка, на которую она опиралась, вдруг подламывалась, и она падала вниз.

Вне всякого сомнения, Марта жаждала настоящего, большого успеха. И без сомнения — какие бы красивые слова она ни произносила, — горько завидовала стремительному и, как ей казалось, слишком легкому взлету маленькой фабричной работницы из глухой провинции. Пять лет назад Марта была почти там же, где и сейчас, — известная, пользующаяся успехом, материально обеспеченная; и перед ней уже маячила вершина — эта головокружительная, вечно ускользающая от нее вершина древа. Пять лет, и вдруг никому не известная статисточка с Бродвея со своими песенками, своей игрой и танцами оказалась на заветной вершине славы.

Не удивительно, что хвалебные слова Марты о Кристине были всего лишь пустыми словами. А если предположить, что Кристина похитила не только положение, к которому она шла столько лет, но и мужчину, которого она желала? Что тогда? Достаточно ли этого, чтобы она возненавидела Кристину настолько, чтобы захотеть ее убить?

Где была Марта в тот день, когда Кристину утопили? Вероятнее всего, на Гроссвенор-сквер. Она как раз занята в новой пьесе, что

сейчас идет. Нет, постойте! В тот субботний вечер что-то говорилось о том, будто она уезжала. Что? Что именно? Она что-то сказала по поводу тяжелого труда актрис, а Клемент Клементс поддразнил ее: «Ничего себе, тяжелый труд! Ты только что взяла себе целую неделю и каталась по всей Европе». А она ответила: «И вовсе не неделю. Всего четыре дня, Клемент. Можно играть хоть со сломанным позвоночником, но с фурункулом — никогда».

Клемент сказал, что фурункул не помешал ей весело провести время в Дювиле, а она поправила его: не в Дювиле, а в Ле-Торке.

Вот где она было — в Ле-Торке! И вернулась к субботней репетиции. Еще потом говорили про прием, который ей устроили, про размеры сцены и про ярость ее дублерши. Она вернулась в субботу из Ле-Торке. Она была в Ле-Торке, на противоположном берегу Ла-Манша, когда погибла Кристина.

— Если бы родители изучали гороскопы своих детей так же тщательно, как они подбирают для них диету, — между тем чирикала, как воробей, Лидия, — то наша земля стала бы более счастливым местом.

«Ле-Торке, Ле-Торке!» Джемми готов был громко запеть. Похоже, он наконец-то наткнулся на действительно важную информацию. В то роковое утро Марта Халлард, оказывается, не только находилась поблизости от Кристины, но и располагала средствами быстро до нее добраться. Упоминание о Ле-Торке словно распахнуло двери его памяти. Ему вспомнилось, как Марта, Клементс и он, Джемми, стояли возле бара с коктейлями. Отвечая на расспросы Клементса, она сказала, что летала в Ле-Торке на частном самолете и на нем же возвращалась. И это был самолет, способный садиться на воду!

Значит, в то туманное утро самолет мог, никем, кроме одинокого пловца, не замеченный, спокойно опуститься либо на дюны, либо на воду и потом так же незаметно улететь. Джемми ясно представил себе, как гидроплан, будто огромная птица, выныривает из тумана и садится на воду.

Кто вел самолет? Не Хармер. Хармер все это время находился в Англии. Именно потому полиция и проявляла к нему усиленный интерес. Хармер находился где-то недалеко от коттеджа. Правда, у него было какое-то алиби, хотя Джемми не знал, насколько прочное. Чертова полиция все держала в глубокой тайне. Зато он теперь знал то,

о чем полиции, при всей ее пресловутой осведомленности, известно не было. Марта была хорошей знакомой Гранта, — естественно, он упустил ее из виду. И Грант не усек, как и Джемми, что она не сводила глаз с Хармера. Но он не знает про самолет — Джемми был готов в этом поклясться. А в самолете-то все и дело. Но если это так, значит, тут замешаны двое. Пилот, пусть даже и не помогавший Марте, все равно соучастник преступления.

Тут Джемми мысленно остановился в своих рассуждениях и перевел дух. Его удивленный взгляд снова скользнул по молчаливым рядам прекрасно одетых слушателей и остановился на изящной женщине в черно-белом.

Какое отношение могла иметь эта достаточно хорошо известная ему особа к той, которую нарисовало ему воображение? Вот она перед ним, настоящая Марта Халлард, — холодная, утонченная, изнеженная Марта. Как мог он вообразить, что такая способна на отчаянный поступок, что ей знакомы муки страсти?

Она все еще нет-нет да и смотрела в сторону Джасона, смотрела чаще, чем на Лидию. И точно, было в выражении ее лица что-то от той Марты, которую он только что себе представил. Какой бы она ни казалась, сильные чувства явно не были ей чужды. Мысли Джемми прервал легкий шелест, напоминавший шум дождя: то были хлопки обтянутых перчатками рук. Лидия, судя по всему, завершила свое выступление. Джемми с облегчением вздохнул и потянулся за шляпой. Ему хотелось поскорее выбраться на свежий воздух и хорошенько подумать о том, что предпринять дальше. Он не ощущал подобного подъема, пожалуй, с тех самых пор, как старик Виллингдон дал ему эксклюзивное интервью о том, как и почему он забил до смерти свою жену.

Однако было похоже, что еще предстояли вопросы. Мисс Китс, осеняя всех благожелательной улыбкой, маленькими глотками пила воду и ждала, пока публика соберется с мыслями. Наконец кто-то самый храбрый задал первый вопрос, и вскоре они посыпались дождем. Некоторые из них оказались довольно забавными, и публика, утомленная духотой, монотонным голосом Лидии и скучноватой лекцией, весело смеялась. Мало-помалу вопросы стали приобретать все более личный характер, пока наконец не настала очередь одного, неизбежность которого понимала добрая половина аудитории:

— Правда ли, что мисс Китс точно предсказала, как умрет Кристина Клей?

В ожидании ответа люди затаили дыхание. Лидия ответила просто, даже с какой-то несвойственной ей искренностью, что да, правда: она часто верно предсказывает будущее по гороскопу. И привела несколько примеров.

Кто-то из присутствующих, ободренный непринужденностью обстановки, спросил, пользуется ли она при прочтении гороскопа даром ясновидения. Она не отвечала так долго, что в зале снова наступила тишина: руки и головы перестали двигаться; глаза всех выжидающе обратились к Лидии.

— Да, — вымолвила она наконец. — Да, конечно. Мне не хотелось бы касаться этого предмета, но бывают случаи, когда я, непонятно откуда, точно знаю, что будет именно так.

Она как бы в нерешительности умолкла, потом вдруг сделала три легких шага вперед к краю сцены с таким видом, будто собирается пойти по воздуху, и властно произнесла:

— С той минуты, как я ступила на сцену, я знала точно: убийца Кристины Клей сейчас находится в этом зале.

Говорят, что девяносто девять человек из ста, получив телеграмму с текстом: «Все открылось. Беги», хватают зубную щетку и несутся к гаражу. Слова Лидии были настолько неожиданны, а их смысл настолько страшен, что на какой-то момент в зале наступила полная тишина. Потом раздался шум, подобный тому, который возникает в пальмовой роще при первом порыве ураганного ветра. Сквозь поднявшийся гул слышался визг отбрасываемых второпях стульев, что только усугубило охватившую зал панику и стремление людей как можно скорее выбраться из помещения. Они не отдавали себе отчета, что побудило их к бегству. Для большинства толчком послужило нежелание присутствовать при рискованной ситуации: они принадлежали к той части общества, которая больше всего на свете страшится того, что называется «неловким положением». Однако же трудность пробиться к выходу через опрокинутые стулья при переполненном зале привела к тому, что возникла настоящая паника.

Ведущий что-то говорил, пытаясь успокоить толпу, но его не было слышно. Кто-то подошел к Лидии, и до Джемми донеслись ее слова: «Что меня заставило это сказать? Боже, почему я это сказала?» Он

пробился вперед, горя репортерским азартом, и уже ухватился за край сцены, чтобы вспрыгнуть на нее, но остановился: в человеке, стоявшем рядом с Лидией, он узнал своего собрата по перу из «Курьера». Он вовремя вспомнил, что Лидия теперь, так сказать, целиком принадлежала им. Миллион против одного, что ему не удастся перемолвиться с нею словом, так что не стоило и стараться. К тому же у него было чем себя занять. Едва оправившись от неожиданности после заявления Лидии, он немедленно обернулся, чтобы посмотреть, как восприняли ее слова те двое.

Марта побелела как мел. Потом нечто похожее на ярость исказило ее лицо. Одной из первых она поднялась и направилась к выходу так стремительно, что Лежен едва успел спасти от ее каблуков свою упавшую с колен шляпу. Не обращая внимания на Лидию, она стала пробираться к дверям, но поскольку сидела в одном из передних рядов, то прочно застряла на полдороге: там с кем-то случилась истерика.

Джасон Хармер, напротив, остался абсолютно невозмутим. Он продолжал, как и прежде, с видом довольного ожидания смотреть на Лидию. Он не делал попыток встать, пока на него не стали напирать со всех сторон. Тогда он неторопливо поднялся, помог женщине перебраться через опрокинутый стул, похлопал себя по карманам, видимо проверяя наличие перчаток, и только после этого направился к выходу.

Джемми понадобилось немало искусства, чтобы, работая локтями, пробиться к Марте, зажатой у сцены, меж двух радиаторов.

— Безмозглые идиоты! — запальчиво воскликнула она, когда Джемми поздоровался, и с отнюдь не халлардовской невозмутимостью окинула негодующим взглядом толпу.

— Гораздо приятнее, когда вас и их разделяет оркестровая яма, не правда ли?

Марта опомнилась — ведь это действительно были ее потенциальные зрители — и тут же привычно взяла под контроль свои эмоции. Однако она все еще была, как определил для себя Джемми, «на взводе».

— Поразительно! — сказал он, стараясь воспользоваться ее состоянием. — Я имею в виду мисс Китс.

— По-моему, отвратительное зрелище! — откликнулась Марта.

— Почему отвратительное? — с недоумением спросил Джемми.

— Пусть бы лучше пророчествовала на улицах.

— Думаете, это рекламный трюк?

— А как это еще назвать? Откровением свыше?

— Но вы же сами, мисс Халлард, сказали, что она не шарлатанка.

Помните, в тот вечер, когда я был у вас дома?

— Конечно не шарлатанка! Она составила несколько удивительно точных гороскопов. Но одно дело — составлять гороскопы, а другое — это дешевое шоу с отыскиванием убийц. Если она не остановится, — заключила Марта после небольшой паузы, — то может кончить, как Эми Макферсон!

Последнюю фразу она произнесла с неприкрытой злобой. Джемми не ожидал от нее такой реакции. Он не мог сказать, чего он, собственно, ждал, но только не этих слов. Пока он молчал, пытаясь собраться с мыслями, Марта уже другим, сухим тоном деловито спросила:

— Надеюсь, это не интервью, мистер Хопкинс? В случае если это все-таки интервью, не вздумайте меня цитировать — я ничего вам не говорила.

— Да будет так, мисс Халлард: вы ничего мне не говорили, — отозвался Джемми. — Если только меня не станут спрашивать в полиции, — добавил он с улыбкой.

— Не думаю, что сейчас они склонны спрашивать вас о чем-либо, — отпарировала Марта. — А теперь подвиньтесь чуть-чуть влево, и тогда я сумею, пожалуй, протиснуться ближе к выходу.

Она улыбнулась, кивнула ему на прощание и, обдав запахом дорогих духов, исчезла в толпе.

«Все такая же! Ничто ее не изменит!» — с досадой подумал Джемми и, энергично работая локтями, стал пробиваться обратно, к месту, где он в последний раз видел Джасона Хармера. Пожилые особы осыпали его бранью, молодые награждали негодующими взглядами, но на Джемми это не действовало: всю жизнь он только и делал, что проталкивался и протискивался сквозь толпы, и теперь выполнял это без особых усилий.

— А что обо всем этом думаете вы, мистер Хармер?

Джасон без видимого раздражения сначала молча окинул его взглядом и потом спросил:

— Сколько?

— Сколько за что?

— Сколько за мои бесценные слова? Вам, должно быть, известно, что мы ничего не делаем даром.

— Осторожный человек может сказать многое и не выдать ничего.

Джасон расхохотался:

— Тебе самое место в Штатах, парень. — Потом совсем другим, уже серьезным тоном произнес: — Что ж, я бы сказал, лекция была очень интересной с познавательной точки зрения. Вы-то сами верите в звезды?

— Нет.

— А я, пожалуй, верю. Во всяком случае, прав тот, кто говорил: есть многое на свете, что нам неизвестно. Я повидал чудные вещи в деревне, где родился. Такие, которые никаким разумным объяснениям не поддаются.

— Где это?

Впервые за все время, что Джемми наблюдал за ним, Джасон вдруг показался ему настороженным, даже испуганным.

— В Восточной Европе, — отрывисто проговорил он и продолжал: — Мисс Китс просто чудо. Правда, такую лучше держать на расстоянии. Ведь она способна разом отбить у человека охоту жениться — ей стоит только рассказать, что его ждет. Не говоря уже о том, что она может открыть, что происходит за твоей спиной! Это значит лишить человека возможности иметь алиби! Нет, так не пойдет!

Господи, подумал Джемми, неужели за весь день так и не удастся заставить хотя бы одного из них говорить про то, что интересуется его, Джемми? Может, ему все-таки стоит пробиться к Лидии? Может, разговор с ней удастся направить в нужное ему русло?

— Вы считаете, что мисс Китс действительно почувствовала присутствие темных сил в зале в тот момент, когда произнесла эту странную фразу?

— Ну конечно! — сказал Джасон, словно не понимая, почему кто-то может сомневаться. — Неужели вы думаете, что такой человек, как мисс Китс — если бы она действительно не вошла в транс, — стал бы выставять себя на посмешище?

— Я заметил, вас не удивило ее заявление.

— Я провел пятнадцать лет в Штатах. Меня теперь ничем не удивишь. Видели когда-нибудь Кони-Айленд? А бродягу, который

продает золотые копи? А святых на роликах? Нет? Поезжайте на Запад, молодой человек, отправляйтесь на Запад!

— Я отправляюсь в постель, — проворчал Джемми и снова стал пробиваться к выходу. Выбравшись в вестибюль, он несколько приободрился. Поправив воротничок и галстук, он стал следить за текущей мимо людской массой. Выйдя из помещения и вдохнув полной грудью безмятежный воздух Вигмор-стрит, почти все быстро оправились от страха и принялись оживленно обсуждать случившееся.

Но их болтовня не дала Джемми ничего нового. И тут поверх чужих голов он разглядел лицо, которое заставило его снова приостановиться, — лицо блондина, с белесыми ресницами и взглядом безобидного терьера. Он знал этого человека. Его звали Сангер. И последний раз Джемми видел его в Скотланд-Ярде.

Значит, воображение все-таки было не совсем чуждо и Гранту!

Джемми досадливым жестом сдвинул шляпу на один глаз и отправился дальше в глубокой задумчивости.

Действительно, воображение было не чуждо Гранту. Однако оно было совсем иного рода, чем у Джемми. Ему и в голову не пришло послать такого опытного детектива, как Сангер, лишь для наблюдения в течение двух часов кряду за публикой. Сангер попал в Элвз-холл потому, что ему было поручено следить за Джасоном Хармером.

Возвратившись, он подробно рассказал о драматическом развитии событий и доложил, что, насколько он мог судить, Джасона они нисколько не взволновали. Потом, правда, его атаковал Хопкинс из «Кларион», но, похоже, ничего особенного из Джасона ему вытянуть не удалось.

— Да ну? — отозвался Грант, вскинув бровь. — Если он устоял перед Хопкинсом, стоит им заняться серьезно. Значит, он умнее, чем я предполагал.

Сангер позволил себе улыбнуться.

Во вторник во второй половине дня позвонил господин Эрскин, сообщил, что рыбка клюнула. Подлинные его слова были, конечно, другими. «Линия поведения, избранная мистером Грантом, — сказал он, — против ожидания принесла успех», но понять их можно было однозначно: рыбка клюнула, сможет ли мистер Грант подойти, чтобы ознакомиться с бумагой, которая находится у мистера Эрскина? Сможет ли Грант?! Через двенадцать минут он уже входил в залитый зеленоватым светом кабинет. Дрожащей чуть больше обычного рукою мистер Эрскин передал ему письмо следующего содержания:

Сэр,

по прочтении Вашего объявления, в котором сообщается, что если Герберт Готобед обратится к Вам в контору, то ему сообщат нечто представляющее для него интерес, желаю заявить, что лично не могу прибыть к Вам и потому прошу сообщить все письменно по адресу: Кентербери, Тридл-стрит, 5. Письмо мне передадут.

С уважением Герберт Готобед.

— Кентербери! — воскликнул Грант. Глаза его заблестели. Он бережно стал осматривать драгоценный документ. Бумага была дешевая, чернила — жидкие. Слог и почерк оставляли желать лучшего. Гранту вспомнился легкий, самобытный и элегантный стиль писем Кристины, и он, наверное, в тысячный раз изумился про себя таинственным капризам природы, столь по-разному одаряющей людей одной крови.

— Кентербери! Звучит просто неправдоподобно! Такая удача! А адрес свой не дал. Интересно почему? Может, наш Герберт числится в розыске? В Ярде на него ничего нет. Может, его разыскивают под другим именем? Жаль, у нас нет его фотографии.

— Что будем делать дальше, инспектор?

— Напишите, если он не явится лично, то у вас не будет уверенности в том, что он и есть Герберт Готобед. Попросите приехать.

— Да, да, разумеется. Юридически это будет вполне правильно.

«Можно подумать, что кому-то есть дело до того, насколько это юридически правильно! — ругнулся про себя Грант. — Интересно, как эти крючкотворы представляют себе поимку преступников? Где уж тут соблюдать юридический протокол!»

— Если вы отправите письмо прямо сейчас, то сегодня к вечеру оно уже будет в Кентербери. Я выеду туда завтра пораньше и буду поджидать эту птицу. Можно воспользоваться вашим телефоном?

Он позвонил в Ярд и спросил, не проходит ли по розыску кто-нибудь с особой страстью к проповедям или к еще какой-либо деятельности с примесью театральности. Там ответили, что нет, никто, кроме Святого Майка, но он им известен давным-давно. И вообще, он сейчас в Плимуте.

— Там ему самое место! — воскликнул Грант и заметил, обращаясь к Эрскину: — Странно! Если он не в розыске, то почему скрывается? Если у него совесть чиста... хотя о чем я? Какая у него может быть совесть? Но в то же время у нас на него ничего нет, и можно было ожидать, что парень появится у вас в кабинете, как только увидит объявление. Ведь ясно как день, что за деньги такой, как он, готов на что угодно. Клей знала, чем пронять его, когда завещала ему этот шиллинг.

— Леди Эдуард была хорошим психологом. Я знаю, у нее было трудное детство, и это, вероятно, научило ее разбираться в людях.

Грант спросил, близко ли он знал Кристину.

— К сожалению, нет. Она была обаятельной женщиной. Правда, немного нетерпеливой в том, что касалось обычных юридических процедур, но в остальном...

Да, Грант ясно представил себе, как Кристина говорит: «А теперь скажите мне простыми словами, что это означает?» Должно быть, ее тоже немало раздражал мистер Эрскин.

Грант распрощался, предупредил Вильямса, чтобы тот приготовился сопровождать его утром в Кентербери, договорился, кто останется на службе вместо них, отправился домой и проспал десять часов. На рассвете они покинули Лондон, который еще спал, и прибыли в Кентербери, который уже завтракал.

Как и ожидал Грант, указанный в письме адрес привел их на одну из маленьких улочек, к агенту по продаже газет. Поглядев на вывеску, Грант сказал:

— Не думаю, что наш друг появится здесь сегодня, но как знать... Зайдите в пивную напротив, снимите нам комнату с окнами на эту сторону и закажите завтрак в номер. Не отходите от окна и следите за всеми, кто входит в дом. Я буду внутри. Когда нужно, подам вам знак в окно.

— Вы не собираетесь сначала позавтракать, сэр?

— Я уже завтракал. А ленч закажите на час дня, для двоих, заранее. Не похоже, чтобы у них здесь была своя кухня.

Грант подождал до тех пор, пока не увидел Вильямса напротив в окне второго этажа, и только после этого вошел в магазин. Кругленький лысый господин с густыми черными усами перекладывал сигареты из упаковки под стекло.

— Здравствуйте. Вы мистер Рикет?

— Да, это я, — последовал осторожный ответ.

— Насколько мне известно, вы иногда позволяете использовать свой адрес тем, кто не желает получать корреспонденцию на дом?

Мистер Рикет окинул его внимательным взглядом. Долгий опыт верно подсказал ему, что это не клиент, а полицейский.

— Ну и что из этого? Что тут противозаконного?

— Ничего! — с готовностью подтвердил Грант. — Мне всего лишь нужно знать, известен ли вам человек по имени Герберт Готобед.

— Шутить изволите?

— Не имею ни малейшего желания. Он указал в письме ваш адрес, и я подумал, вы должны его знать.

— Меня не интересуют лица, которые получают здесь письма. Они оплачивают услуги, забирают свои письма, и больше я знать ничего не знаю.

— Хорошо. Сейчас мне нужна ваша помощь. Я хочу побыть в вашем магазине, пока мистер Готобед не придет за письмом. У вас ведь лежит для него письмо?

— Да, лежит. Пришло вчера вечером. Но... вы из полиции?

— Скотланд-Ярд, — отрекомендовался Грант и показал удостоверение.

— Ладно, только никаких арестов в магазине. У меня вполне респектабельное дело, хоть я и прирабатываю кое-чем на стороне. Дурная слава мне ни к чему.

Грант заверил его, что ни о каком аресте речь не идет, ему просто нужно встретиться с мистером Готобедом на предмет получения от него информации.

Наконец согласие было достигнуто.

Грант расположился в дальнем конце прилавка, за кипой дешевых изданий, и обнаружил, что ожидание оказалось не столь мучительным, как он того опасался. Даже после долгих лет службы в полиции Гранту удалось сохранить живой интерес к людям и к тому, что происходит вокруг, а дешевые издания оказались в этом смысле превосходным материалом. Тяжелее пришлось Вильямсу, вынужденному неотрывно смотреть на тихую, ничем не примечательную улочку. Он с радостью сменил Гранта на полчаса в магазине, пока тот перекусывал, и потом с явной неохотой снова занял прежний пост у окна в промозглой комнате над пивной. Теплый пасмурный день сменился туманными сумерками. Стало довольно быстро темнеть, и вскоре зажглись бледные в еще не угасшем дневном свете фонари.

— Когда вы закрываетесь? — с беспокойством спросил Грант.

— Около десяти.

Значит, оставалась еще пропасть времени.

Было около половины десятого, когда Грант ощутил чье-то присутствие. Ощущение возникло неожиданно — ни звука шагов, ни голоса он не услышал, только шелест портьеры у входных дверей. Грант выглянул и увидел человека в монашеском платье.

Визгливый голос нетерпеливо произнес: «У вас должно быть письмо на имя мистер Герберта...»

Легкое, непроизвольное движение выдало присутствие Гранта. И тут же, не докончив фразы, человек повернулся и исчез. Само появление было настолько неожиданным, а бегство столь внезапным, что простому смертному понадобилось время, дабы осмыслить ситуацию. Всего лишь секунды. Незнакомец был в нескольких метрах от него, когда Грант выскочил на улицу. Он увидел, как незнакомец свернул за угол, и бегом бросился за ним. Это был переулок, куда выходили торцы двухэтажных домов. От него отходили в противоположные стороны две улицы. Добежав до этого места, Грант понял, что беглеца потерял. Он обернулся назад и нашел запыхавшегося Вильямса.

— Молодчина! — бросил Грант. — Хотя теперь мы вряд ли его найдем. Идите по этой улице, а я по той. Ничего себе, монахи!

— Я его приметил! — торжествующе проговорил Вильямс.

Поиски результатов не дали. Через несколько минут они снова встретились возле магазина.

— Кто это был? — сурово спросил Грант Рикета.

— Понятия не имею. В жизни не встречал.

— Есть здесь монастырь?

— В Кентербери? Нет.

— А где-нибудь поблизости?

— Тоже вроде нет.

Сзади подошла женщина и, кладя деньги на прилавок, попросила корнфлекс.

— Вы ищете монастырь? — вмешалась она. — Тут на Бли-Виннел есть одно Братство. Они похожи на монахов. Перепоясаны веревками и с голыми головами.

— Где эта Бли-Виннел? Далеко отсюда?

— Рядом. Через две улицы. Как говорится, корова долетит. Только здесь, в Кентербери, вам все равно одним это место не сыскать. Надо идти переулками. Это за таверной «Петух и Фазан». Я бы и сама вас проводила, да Джим ждет меня с сигаретами. Маленькую пачку, пожалуйста, мистер Рикет.

— После семи не продаю, — мрачно отозвался Рикет, избегая взгляда инспектора. Уверенность, с которой обратилась к нему

покупательница, сама по себе была достаточно явным свидетельством нарушения им закона.

Женщина была явно удивлена, но прежде, чем она успела открыть рот и произнести слова, за которые неминуемо должна была бы понести ответственность, Грант достал портсигар и обратился к ней:

— Мадам, говорят, каждая нация имеет те законы, которых заслуживает. Не в моих силах заставить господина Рикета продать вам сигареты, однако позвольте отплатить за вашу любезную помощь и предложить курево для Джима.

Несмотря на ее протесты, он высыпал свои сигареты ей прямо в руки и выпроводил из магазина.

— Ну а теперь, — сказал Грант, поворачиваясь к Рикету, — поговорим об этом Братстве, или как там его. Вам оно известно?

— Нет. Теперь я, правда, вспомнил, что такое есть. Но где они располагаются — понятия не имею. Вы же слышали, она сказала, что позади «Петуха и Фазана». Вообще-то, добрая половина этих свихнутых со всего света обретаются тут и имеют свои отделения. Я закрываюсь.

— Давно пора. А то люди почему-то ищут у вас сигареты — это полное безобразие.

Рикет что-то проворчал в ответ.

— Пойдем, Вильямс. А вы, Рикет, запомните: никому ни слова. Завтра мы вас, возможно, еще навестим.

Продавец буркнул себе под нос, мол, глаза бы его их не видели.

— Подозрительное место, сэр, — заметил Вильямс, когда они вышли на улицу. — Что будем делать дальше?

— Нанесу-ка я визит Братству. Пожалуй, вам лучше со мной не ходить. Ваша цветущая внешность вряд ли заставит кого-нибудь поверить, что вы жаждете предаться монашескому воздержанию.

— Вы хотите сказать, на мне написано, что я полицейский? Я знаю, сэр. Это часто мне мешает. Плохо для дела. Вы не представляете, как я вам завидую. Вас всегда принимают за бывшего офицера. А это большой плюс в нашей работе, когда вас считают военным.

— И это меня немало удивляет — ведь чеки чаще всего подделывают бывшие военные. Нет, Вильямс, ваша внешность не играет тут никакой роли. Я просто упомянул ее ради красного словца. А если серьезно, то этот визит лучше наносить одному. А вы

возвращайтесь-ка в гостиничный уют, садитесь под комнатной пальмочкой и ждите меня. Не забудьте поесть.

После сравнительно недолгих поисков они нашли то, что искали. Ряд окон первого этажа выходил на узкую улицу, но единственная массивная, кованая дверь была заперта. Фасадом здание было обращено либо во внутренний двор, либо в сад. Ни на двери, ни возле нее не было надписи или таблички, которая могла бы удовлетворить любопытство постороннего, но имелся звонок.

Грант им воспользовался, и через довольно продолжительное время до него сквозь тяжелую дверь донесся слабый звук шагов по каменным плитам. Маленькое зарешеченное окошечко открылось, и у Гранта осведомились, что ему нужно.

Грант сказал, что желает видеть главу общины.

— Кого именно вы хотите видеть?

— Главу общины, — твердо проговорил Грант. Он не знал, как его здесь называют: Номер Один, Аббат или Прелат, поэтому решил, что лучше просто сказать, что ему нужен глава общины — принципал.

— Досточтимый отче в это время не принимает, — был ответ.

— Вручите досточтимому отцу мою визитную карточку, — сказал Грант, просовывая ее сквозь решетку, — и передайте на словах, что я буду весьма признателен, если он примет меня по делу чрезвычайной важности.

— Мирские дела не имеют к нам отношения.

— У досточтимого отца, возможно, будет иное мнение, когда он узнает, кто я.

Окошечко захлопнулось так резко, что, будь это не святой приют, можно было бы счесть это грубостью, и Грант остался на темнеющей улице один. Он увидел, как Вильямс издали отдал честь и скрылся. С соседней улицы доносились голоса играющих ребятишек, но вокруг было тихо — транспорт здесь не ходил. Шаги Вильямса затихли задолго до того, как Грант снова услышал слабые звуки из-за двери. Потом раздался скрип отодвигаемых болтов и скрежет ключа. (От чего они запираются? — успел подумать Грант. От жизни? Или решеткам надлежит удерживать ослабших духом в этих стенах?) Наконец дверь отворилась ровно настолько, чтобы пропустить одного человека, и Гранта пригласили войти.

— Мир да пребудет в тебе и во всех христианских душах, и да будет с тобою благословение Господа отныне и во веки веков, — скороговоркой пробормотал человек, запирая за ним двери. Грант подумал, что с таким же успехом человек мог бы ему промурлыкать начало шлягера «Спой мне еще раз».

— Досточтимый отче в великой милости своей изъявил согласие принять вас, — говорил монах, ведя Гранта по коридору. Его сандалии глухо хлопали по каменным плитам. Он привел Гранта в чисто выбеленную комнату, где не было ничего, кроме стола, стульев и распятия на стене, и удалился, оставив его одного. В комнате стоял пронзительный холод, и Грант надеялся, что досточтимый отче не будет испытывать его таким образом слишком долго. И правда, не прошло и пяти минут, как привратник появился, склонился в торжественном поклоне перед своим отцом, снова пробормотал ту же формулу напутствия и удалился, оставив их наедине. Грант ожидал увидеть фанатика или шарлатана. Однако перед ним стоял почтенный проповедник — вежливый, уверенный в себе человек, судя по всему образованный.

— Чем я могу помочь вам, сын мой?

— В вашем Братстве есть человек, которого зовут Герберт Готобед, — начал Грант.

— Здесь нет никого с таким именем.

— Я и не думал, что у вас он сохранил это имя, но вам, вероятно, известны подлинные имена членов вашего ордена.

— Мирское имя перестает существовать с того момента, как человек переступает наш порог и становится одним из нас.

— Вы же сами спросили, чем можете мне помочь.

— Я этого не отрицаю.

— Мне нужно повидать Герберта Готобеда. У меня для него есть новость.

— Мне не известен человек, носящий это имя. И для вступившего в Братство Древа Ливанского уже не существует «новостей».

— Пусть так. Вы можете и не знать, что его зовут Готобед. Но человек, с которым мне надо поговорить, — член вашего ордена. Я вынужден просить вас помочь мне его найти.

— Вы что же, предлагаете, чтобы я выстроил перед вами всех членов общины?

— Нет. Но вероятно, у вас есть моления, на которые собираются все?

— Конечно.

— Тогда позвольте мне присутствовать там.

— Это весьма необычная просьба.

— Когда у вас ближайшая служба?

— Всенощная начнется через полчаса.

— Вы согласны предоставить мне место, с которого я мог бы видеть лица всех братьев?

Досточтимый отец отнесся к его просьбе с явной неохотой, но как бы невзначай брошенное Грантом замечание по поводу абсурдности кое-где имеющего силу средневекового Права Убежища возымело свое действие, и отче вынужден был согласиться.

— Да, между прочим, скажите мне, пожалуйста — боюсь, я очень несведущ во всем, что касается ваших порядков и правил, — у членов вашего Братства бывают какие-то дела в городе?

— Нет. Разве что если кому-то требуется помочь.

— Значит, братья совсем не выходят в город? (Если это так, у Герберта Готобеда будет несокрушимое алиби!)

— В течение двадцати четырех часов каждый из них в день полнолуния пребывает в миру. Это сделано для того, чтобы во время пребывания здесь, где отсутствуют грех и соблазн, у человека не возникло бы ощущения, что он непогрешим, что он выше греха и соблазнов. За это время двенадцать часов он должен посвятить помощи людям в той форме, которая доступна ему; другие двенадцать — ночное время — он должен посвятить медитации: летом — где-нибудь под открытым небом, в полном одиночестве, зимой — в церкви.

— Понятно. А с какого времени исчисляются эти двадцать четыре часа?

— С полуночи до полуночи.

Служба проходила в часовне, тоже выбеленной и освещаемой свечами. Она отличалась полным отсутствием пышного убранства — за исключением алтаря в восточном приделе. Своим великолепием он поразил Гранта. Братья-то, может, и были бедны, но, видимо, сама организация обладала обширными фондами. Глядя на чаши для Святых Даров, на белый бархат пелен и на распятие, можно было подумать, что это часть сокровищ, добытых пиратами после ограбления испанских костелов в Америке. Поначалу Гранту казалось сложным совместить Герберта Готобеда, каким Грант его представлял, с уединенным, нищенским образом жизни, который предписывался членам этого Братства. Быть самому себе и исполнителем, и единственным зрителем должно было быстро наскучить такому, как он. Однако вид алтаря заставил его призадуматься. Не исключено, что Герберт Готобед не промахнулся и тут и остался верен себе.

Грант не слышал ни слова из того, что произносилось во время службы. Со своего места в полутемной амбразуре окна он прекрасно видел лица всех присутствовавших. Они были очень разные; Грант смотрел на них и нашел это зрелище захватывающе интересным. Среди них были явно свихнувшиеся (он часто видел такие лица на различных митингах протеста и на фестивалях, посвященных возрождению традиций национального танца); были фанатики (мазохисты — из тех, что носят на головах повязки и платки); были простаки, были запутавшиеся, потерявшие веру в себя и надеющиеся обрести душевный покой; были те, которые потеряли веру в людей и жаждали одиночества. Пристально вглядываясь в каждого из них, Грант вдруг остановился на одном. Интересно, что могло заставить человека с таким лицом избрать для себя эту замкнутую, аскетическую жизнь? Круглое блеклое лицо, круглая невыразительная голова, глаза маленькие, нос мясистый, толстая нижняя губа отвисла, так что, когда он повторял слова молитвы, видны были нижние зубы. За каждым, кроме него, в этой небольшой часовне легко угадывалась та определенная социальная ниша, в которой он существовал в мирской жизни: досточтимого отца можно было без труда представить в

приемной архиепископа; вон того — у психиатра, а того — в бюро для безработных. Но где можно представить этого, последнего? Ответ мог быть только один — в каталажке.

«Значит, это и есть Герберт Готобед», — сказал себе Грант. Он не был еще уверен полностью — для этого он должен был посмотреть, как тот ходит. Это единственное, что Грант успел заметить тогда, на улице. Но он был готов биться об заклад, что не ошибается. Логика иногда и подводит — Готобедом вполне мог оказаться вон тот безобидный худой субъект в переднем ряду. И все-таки скорее всего человек с елейным видом и отвисшей губой и есть Готобед.

Когда далеко за полночь все разошлись, у Гранта уже не оставалось никаких сомнений. Походка у Готобеда была очень своеобразная — он двигался разболтанно, покачивая плечами. Грант вышел вслед за остальными, отыскал принцепала и осведомился, как зовут того, кто выходил последним. Оказалось, брат Алоиз.

После недолгого препирательства с отцом настоятелем за братом Алоизом послали. В ожидании его прихода Грант стал расспрашивать о правилах жизни Братства и выяснил, что ни один из его членов не имеет права иметь какую-либо собственность и поддерживать связи в миру. О такой суетной вещи, как газеты, здесь и мысли не допускали. Грант узнал и о том, что примерно через месяц глава Братства собирался отбыть на новое место назначения — в Мексику, где на собственные средства они открывают миссию, и что святому отцу предоставлено полное право самому выбрать себе преемника.

У Гранта сразу же возникло предположение, которое он тут же решил проверить.

— Я не хотел бы показаться чересчур наглым, но поверьте, мной движет отнюдь не праздное любопытство: скажите, пожалуйста, вы уже решили для себя, кто это будет?

— Практически — да.

— Могу я узнать, кто именно?

— Право не знаю, почему я должен сообщать неизвестному человеку то, что еще не открыл братьям; с другой стороны, не вижу причин это скрывать, если вы поручитесь, что сохраните тайну.

Грант заверил, что никому не проговорится.

— Скорее всего моим преемником станет тот, с кем вы пожелали увидеться.

— Но он же здесь совсем недавно! — не удержался Грант.

— Не знаю, как вам стало это известно, — резко проговорил святой отец. — Брат Алоиз действительно с нами всего несколько месяцев, однако качества, необходимые для прелата (так, значит, у них это прелат!), никак не зависят от длительности пребывания в ордене.

Грант пробормотал извинения и осведомился, кому именно из братьев сегодня предстояло отправиться в город.

— Никому, — без колебаний ответил святой отец, и тут их беседа была прервана приходом человека, которого пожелал видеть Грант.

Он стоял не проявляя никакого волнения, со спрятанными в широкие рукава темно-коричневой рясы руками. Грант заметил, что на ногах его не было сандалий — он был босой, — и припомнил, как не услышал шагов, когда он появился в магазине. Как всегда отстраненно, Грант подумал о том, было ли это стремление ходить босым продиктовано желанием подчеркнуть свое смирение или же тем, что позволяло ему двигаться бесшумно.

— Это брат Алоиз, — произнес прелат и оставил их одних, осенив благословением. Его жест, надо отдать должное, был гораздо более прочувствованным, чем у привратника.

— Я представляю адвокатскую контору Эрскина и Смита. А вы, полагаю, Герберт Готобед.

— Я брат Алоиз.

— Но вы были Гербертом Готобедом.

— Никогда не слышал о таком.

Грант молча оглядел его и потом сказал:

— Тогда извините. Мы разыскиваем Герберта Готобеду в связи с оставленным ему наследством по завещанию.

— Ах так? Если он брат нашего ордена, ваше известие для него не имеет значения.

— Но если наследство значительное, то он, возможно, поймет, что сможет сделать гораздо больше добрых дел, находясь вне этих стен.

— Мы даем пожизненный обет. Ничто вне этих стен нас более не интересует.

— Значит, отрицаете, что вы — Герберт Готобед?

Грант машинально продолжал разговор. Его мысли были заняты другим: в маленьких белесых глазках этого человека он прочел

ненависть. Такую ненависть, с какой ему редко доводилось встречаться. Откуда эта ненависть? Отчего? Там должен быть страх!

Грант чувствовал, что этот субъект увидел в нем не преследователя, а ненавистную помеху. Это ощущение не покидало его и тогда, когда он, попрощавшись, вернулся в номер напротив магазина.

Вильямс уныло сидел над остывшим ужином, заказанным для Гранта.

— Какие новости?

— Никаких, сэр.

— И ничего от Тисдейла? Вы звонили?

— Да, двадцать минут назад. Ничего.

Грант положил ветчину между двумя ломтями булки.

— Жаль, — произнес он. — Мне работалось бы гораздо лучше, если бы можно было выбросить его из головы. Пошли. Сегодня ночью нам спать не придется.

— Что произошло, сэр? Вы его обнаружили?

— Да. Тут сомнений быть не может — это он. Отрицает, что он — Готобед. У них там запрещено интересоваться мирскими делами. Поэтому он и оказался таким пугливым в магазине. Даже не удосужился полюбопытствовать, кто кроме продавца там был, — сбежал, как только заметил, что Рикет не один. Вот это больше всего меня и озадачивает, Вильямс. Кажется, его больше волнует, чтобы его не изгнали из Братства, чем то, что его могут схватить за убийство.

— Но его бегство могло просто означать, что он надеялся скрыться. Монастырь — лучшее что ни на есть убежище.

— Так-то оно так. Но он не выглядит испуганным. Он зол. Мы портим ему какую-то игру.

Они тихонько спускались вниз по лестнице. Грант жевал импровизированный сэндвич. Но когда они почти достигли первого этажа, дорогу им преградила особа женского пола и могучего телосложения. Кочерги у нее в руках не было, но вид был и без того достаточно воинственный.

— Ах вот вы, оказывается, кто! — произнесла она грозно. — Парочка прощелыг, что смываются не заплатив! Заявляются сюда, как большие господа, заставляют нас с бедным мужем покупать им самую дорогую еду: тут тебе и отбивные по десять пенсов за штуку, и языки по двадцать восемь за фунт, не говоря уже о помидорах, — все в угоду

своим изысканным вкусом, видите ли! А нам что за все наши заботы и траты? Пустые комнаты поутру, так что ли? Вот позвоню сейчас в полицию, пусть они вас там потрясут!

— Да замолчите вы, ради Бога! — сердито начал было Грант и вдруг стал смеяться. Он висел на перилах и хохотал до слез, пока Вильямс объяснялся с разъяренной хозяйкой.

— Отчего было сразу не сказать, что вы — легавые? — проворчала хозяйка.

— Мы не легавые! — тут же вспыхнул Вильямс, и Грант снова разразился безудержным смехом, после чего повлек Вильямса к выходу.

— Господи, сцена, достойная Рабле, ей-богу! Но мне она принесла огромную пользу, — проговорил он, вытирая слезы. — Теперь послушайте: эти монахи, или как они там себя называют, удаляются в свои кельи в полночь и до шести утра не выходят. Но наш Герберт выходит оттуда когда вздумается. Не знаю, как он это делает: из окон первого этажа выпрыгнуть легко, но взобраться обратно трудновато, а он не похож на спортсмена. И все-таки он выходит. Никто в монастыре, во всяком случае из старших по рангу, не знает, что сегодня вечером он выходил в город. У меня есть подозрение, что ночью он опять постарается выбраться, и я хочу знать, куда он направится.

— Почему вы так думаете, сэр?

— Ну, если хотите, предчувствие. На месте Герберта я бы обязательно обзавелся какой-нибудь базой, откуда мог бы осуществлять свои операции. Есть только две точки, где монастырь выходит к улицам: там, где дверь, и там, где кончается садовая стена, кстати очень высокая. В стене есть маленькая калитка. Она из железа и очень солидная. Это далеко от жилых помещений, и больше надежд я возлагаю на ту сторону, где дверь. Но я хочу, чтобы вы за садовой калиткой тоже вели наблюдение. Сам я буду на той стороне, где дверь. Если до шести ничего не произойдет, можете брести домой и ложиться спать.

Гранту казалось, что он ждет уже целую вечность. Ночь была мягкая, влажный теплый воздух приносил запах трав и цветов: где-то поблизости, видимо, цвело лимонное дерево. Неба не было — один только густой, туманный мрак над головой. Время от времени откуда-то долетал нежный, бесстрастный звон колоколов. Мир и покой ночи постепенно овладевали его существом. Ему приходилось делать над собой усилие: мысли начали путаться, внимание рассеивалось.

Едва пробило половину третьего, как вдруг что-то заставило его насторожиться. Он ничего не услышал, но на улице, перед монастырем, уловил какое-то движение. Очертаний фигуры различить было невозможно, просто возникло ощущение, что темнота пришла в движение, будто занавесь от потока воздуха. На улице кто-то появился.

Грант ждал. Движение стало более замедленным, менее явным и вскоре прекратилось. Человек, кто бы он ни был, удалялся от него. Грант снял туфли и перекинул их за шнурки через плечо: каждый шаг в обуви в такую тихую ночь стал бы моментально слышен. Крадучись, он двинулся по улице вдоль монастырской стены. Из тени видимость была чуть лучше: он снова различил движение впереди себя. Все в нем было напряжено до предела; в темноте трудно было не только рассчитать расстояние от объекта — почти невозможно было определить, движется он или остановился. На следующей улице он почувствовал себя более уверенно: движущийся сгусток темноты обрел форму. И эта форма легко и беззвучно ускользала во мрак ночи. Грант вошел в ритм преследования. Вдоль узких улочек с двухэтажными домами, вдоль маленьких домиков с садами, мимо редких лужаек.

Внезапно Грант почувствовал под носками гальку и мысленно выругался: человек направлялся за город или, во всяком случае, в район пригорода.

В течение двадцати минут следовал Грант за почти неразличимой фигурой в темном и молчаливом мире. Он не представлял, где находится, и должен был двигаться вслепую: он не знал, где его ждут ступени, где спуск, где препятствие. Стоило оступить — и весь

ночной труд пошел бы насмарку. Но тот, за кем он шел, двигался уверенно. Это не было бегством — человек точно знал, куда направляется. Вскоре Грант понял, что они выбрались за город. Дома — если они здесь и были — находились в стороне от дороги, за оградами бывших пастбищ, — скорее всего это был район новой застройки. Живые изгороди затруднили преследование. Тени, отбрасываемые кустарником, делали фигуру впереди почти неразличимой. И вдруг Грант потерял ее. Всякое движение перед ним прекратилось. Он замер на месте. Может, человек затаился и поджидает его? Или исчез за одной из оград? Несколько раз, когда гравий шуршал у него под ногами, он опасался, не обнаружил ли себя. Правда, насколько он мог видеть, человек ни разу не остановился, чтобы прислушаться. Но теперь ничто впереди не шевелилось. Шаг за шагом, Грант осторожно начал продвигаться вперед, пока не очутился у просвета в изгороди. Калитка. Сейчас он больше всего сожалел, что не может воспользоваться фонариком. Продвижение вслепую начинало действовать ему на нервы. Он решил рискнуть, предположив, что преследуемый человек прошел именно этим путем и открыл калитку. И сразу же почувствовал мелкий песок под ногами. Грант в нерешительности остановился. Может, это песчаный карьер? Что задумал тот, за кем он шел? Может, нападение? Тут он вспомнил, что дорожки к вновь строящимся виллам теперь принято декорировать красным песком, и вздохнул свободнее. Уже более уверенно он снова двинулся вперед, держась края дорожки, где начинался дерн, и надеясь, что она приведет его к строению. Оно возникло перед ним из темноты совершенно неожиданно. Белый, вероятно восьмикомнатный, дом. Благодаря белой краске казалось, что он светится в темноте. На фоне этого призрачного свечения он вдруг снова увидел фигуру человека. Он стоял неподвижно, Гранту померещилось, что его взгляд устремлен прямо на него. Грант слишком поздно сообразил, что за его спиной тоже находится крыло дома. Он быстро опустился на колени. Человек немного постоял и скрылся за углом. Держась как можно ближе к стене, Грант подобрался к углу дома. Ни звука, ни вдоха, никакого движения он не уловил. Человек ушел. Он только зря терял время. Грант сделал шаг, чтобы обогнуть дом, — и тут же его голова оказалась под мягкой шерстяной тканью, туго перехваченной у горла. В те доли секунды, пока узел не затянулся, Грант успел просунуть

пальцы между шеей и тканью. Сжав зубы, он изо всех сил вцепился в материю, сделал резкий наклон вперед и тут же почувствовал, как чье-то тело перевалилось через него и человек, падая, ударился головой о землю. Сила толчка сбила Гранта с ног, вонючая тряпка все еще душила его, но руки у него оказались свободными. Он рванулся к своему противнику, с острой радостью ощутив, что узел больше не стягивает ему горла. Он по-прежнему был лишен возможности видеть и задыхался, но по крайней мере его не душили. Напротив, теперь уже он старался нащупать горло соперника. Но человек извивался как угорь и безжалостно бил коленями. Приемы уличной драки явно были хорошо знакомы Герберту Готобеду. Грант наносил удары вслепую, часто промахиваясь и ощущая под руками лишь траву. Боже, ему бы хоть на полминутки получить возможность видеть! Он разжал свою руку, сомкнувшуюся то ли на ноге, то ли на руке противника, и попробовал откатиться в сторону. Его попытка не удалась, так как человек в свою очередь крепко держал его. Однако он успел сунуть руку в задний карман и нащупать фонарик. Грант не смог вытащить его, потому что оказался прижатым к земле, но, собрав оставшиеся силы, нанес удар свободной рукой — туда, откуда шло прерывистое дыхание нападавшего. Его кулак ударился о кость, и он услышал, как щелкнули зубы. В следующий момент всей своей тяжестью человек упал на него. Он выбрался из-под тела, выхватил из кармана фонарик, но прежде, чем успел опомниться, человек уже двигался на него снова: Грант только оглушил его. Грант включил фонарик, но свет еще не достиг лица человека, как тот прыгнул. Грант сделал шаг в сторону и взмахнул фонариком, намереваясь нанести удар. Он промахнулся на какие-то миллиметры, и оба покатались по земле. Грант упустил из виду превосходство противника в весе: он думал только о том, как сильнее ударить. Под тяжестью соперника при падении он больно ударился о землю и, уже теряя сознание и тщетно пытаясь сопротивляться, успел подумать о том, каким способом Готобед собирается расправиться с ним.

Однако, к своему изумлению, он вдруг перестал ощущать на себе тяжесть чужого тела, почувствовал скользкий удар по голове и, несмотря на звон в ушах, понял, что рядом с ним больше никого нет.

Он с трудом сел — вероятно, на тот самый камень, которым его ударили (по форме было похоже, что его взяли из поребрика,

окаймлявшего дорожку) — и уже стал нашаривать фонарь, чтобы продолжить преследование, когда из темноты послышался женский шепот:

— Это ты, Берг? Что-нибудь случилось?

Рука Гранта нащупала фонарик, и, включив его, он вскочил на ноги. Свет выхватил из темноты большие глаза, карие и нежные, как у лани. Но остальное в этом лице свидетельствовало о характере, далеком от какой бы то ни было нежности. Женщина ахнула и сделала движение, собираясь скрыться в темноте.

— Стоять! — произнес Грант тоном, исключавшим всякое неповиновение, и она послушно замерла на месте.

— Говорите тише, — торопливо сказала она. — И вообще, кто вы такой? Я думала, это мой... друг.

— Я инспектор сыскной службы — из полиции.

Грант знал, что эти слова вызывали обычно на лицах одно из двух выражений — либо страх, либо настороженность. Первое чаще обнаруживали люди, ни в чем не замешанные; второе означало признание вины. Оно и появилось сейчас на лице женщины. Грант осветил фонариком дом — низкое одноэтажное строение с мансардами наверху.

— Перестаньте! — свистящим шепотом произнесла она. — Вы ее разбудите!

— Кого это «ее»?

— Старуху. Мою хозяйку.

— Вы горничная?

— Экономка.

— В доме только она и вы?

— Да.

Грант указал на распахнутое у нее за спиной окно:

— Это ваша комната?

— Да.

— Пройдемте туда и побеседуем.

— Вы не имеете права входить в дом. И не смейте мне угрожать. Я ничего плохого не сделала.

— Вы позволите пройти? — проговорил Грант с неприкрытой иронией.

— Вы не можете входить в дом без ордера на обыск! Я это знаю!

Теперь она стояла прижавшись к подоконнику, не позволяя ему двинуться дальше.

— Я не нуждаюсь в ордере, когда дело идет об убийстве.

— Убийстве? — Она удивленно взглянула на него. — А я-то тут при чем?

— Поднимайтесь в комнату и включите свет.

На этот раз она подчинилась и вскарабкалась на подоконник с проворством, говорившем о частой практике. Щелкнул выключатель, Грант последовал за ней и задернул за собой шторы.

Он очутился в уютной спальне, с покрывалом на постели и приглушенным светом настольной лампы.

— Кто ваша хозяйка?

Она назвала имя и прибавила, что служит здесь всего несколько месяцев.

— Откуда была ваша последняя рекомендация?

— Из поместья в Австралии.

— Герберт Готобед с вами в родстве?

— Это кто такой?

— Послушайте, вы лишь зря тратите время, мисс... Кстати, какое имя вы сейчас носите?

— Свое собственное, — ответила она сердито. — Роза Фрисон.

Грант передвинул лампу так, чтобы лучше разглядеть женщину. Он никогда раньше ее не видел.

— Герберт Готобед шел сегодня к вам, и вы его ожидали. Сейчас вы мне все о нем расскажете и тем избавите себя от серьезных неприятностей.

— Если хотите знать, я ждала Берта. Он молоко развозит. И не вижу ничего плохого в том, что я его ждала. За это не наказывают. Девушка тоже имеет право поразвлечься в таком глухом углу, как этот.

— Только и всего? — проговорил Грант, подходя ко встроенному шкафу. — Оставайтесь на месте, — добавил он.

В шкафу висела только женская одежда. Пожалуй, чересчур дорогая для экономки, однако не новая. Грант попросил ее выдвинуть ящики, и она с неохотой подчинилась. Там не было ничего необычного. Грант осведомился, где ее коробки с остальными вещами.

— Наверху, на чердаке.

— А что это за чемоданы под кроватью?

Она готова была наброситься на него с кулаками.

— Дайте-ка мне посмотреть их содержимое.

— Не имеете права! Предъявите ордер! Ничего не буду открывать!

— Зачем так протестовать, если у вас совесть чиста?

— Я потеряла ключи.

— А вот это уже подозрительно.

Она сняла ключ с цепочки, висевшей на шее, и выдвинула первый чемодан. Пока Грант наблюдал за ней, ему вдруг пришло в голову, что, пожалуй, в ней есть примесь южной крови. В движениях, волнистых волосах было что-то... Негритянское? Индейское? Тут он вспомнил о миссии на островах южного моря, которую возглавлял Герберт.

— Вы давно уехали с Островов? — как бы между прочим спросил он.

— Около... — начала она, но, спохватившись, быстро поправилась. — Не знаю, о чем вы.

Первый чемодан оказался пустым. Второй был набит доверху мужской одеждой.

— Любите переодеваться в мужское платье? — спросил Грант; его настроение, несмотря на распухшие ноги и гудящую голову, заметно улучшилось. — Или приторговываете старьем?

— Это вещи моего погибшего жениха. И попрошу вас воздержаться от неуместных шуток.

— У вашего возлюбленного было пальто?

— Да, но оно было все разорвано — оно было на нем, когда он погиб.

— Да? А как это случилось? — дружелюбно спросил Грант, перебирая одежду.

— Автокатастрофа.

— Вы меня разочаровали.

— Что?!

— Я думал, у вас больше воображения. Как его звали?

— Джон Старборд.

— Старборд значит «бортовой огонь»? Ну, такое имя исключает дорожное происшествие.

— Может, вы и знаете, про что говорите. Я ума не приложу.

— Не пальто ли вашего жениха хранилось в том чемодане, который теперь пуст?

— Нет, не оно.

Рука Гранта вдруг замерла, наткнувшись на что-то твердое. Он вытащил пачку паспортов. Их было четыре: один, английский, на имя Герберта Готобеда, другой, американский, на имя Александра Байрона Блэка, третий, выданный глухонемому испанскому гражданину Хосе Фернандесу, и четвертый — на гражданина Соединенных Штатов Вильяма Кейрнса Блэка с супругой. Но с фотографий всех четырех паспортов на него глядело одно и то же лицо — лицо Герберта Готобеда; как жена на снимках фигурировала Роза Фрисон.

— А ваш возлюбленный, видно, был коллекционер. Я всегда думал, что это очень дорогостоящее хобби. — Грант положил паспорта в карман.

— Вы не имеете права. Я закричу на весь дом. Скажу, что вы пытались меня изнасиловать. Смотрите!

Она распахнула халатик и стала рвать на себе ночную рубашку.

— Валяйте, кричите сколько вздумается. Вашей хозяйке наверняка будет любопытно взглянуть на эти паспорта. Между прочим, если у вас были какие-то идеи насчет этой престарелой дамы, советую вам их пересмотреть. А теперь пойду подберу свои туфли. Они остались где-то в саду. Хотя одному Богу известно, как я смогу в них снова влезть. И мой вам совет, миссис Кейрнс Блэк: не предпринимайте решительно ничего, пока я не дам о себе знать. Пока против вас у нас ничего нет, так что ведите себя таким образом, чтобы нам не пришлось заняться всерьез именно вами.

Грант умудрился влезть в башмаки (воспользовавшись приемом, к которому прибегал еще в детстве: когда больно — думай о чем-то другом), но, сделав несколько шагов, поспешно снял их снова и заковылял в сторону таверны так же, как и пришел, — в носках. Найти обратный путь в темноте было нелегко, но у Гранта была блестящая способность ориентироваться (в Ярде ходили слухи, что даже если ему завязать глаза и заставить несколько раз повернуться, он после этого все равно безошибочно определяет, где север), и общее направление он себе представлял. Он постоял немного возле дома на противоположной стороне улицы, выжидая, пока патрульный полисмен пройдет мимо. Это было лучше, чем спрашивать дорогу и давать пространные объяснения. И потом, какой уважающий себя офицер криминальной полиции пожелает объявиться перед уличными полицейскими с башмаками, болтающимися на шнурках вокруг шеи?

Добравшись до гостиничного номера, он оставил Вильямсу на столе записку с просьбой, когда он вернется, сразу после шести позвонить в Ярд и запросить, что у них есть по секте или ордену, именуемому себя Древом Ливанским, и разбудить его, когда они перезвонят. Потом он рухнул в постель и проспал без сновидений, с паспортами под подушкой, пока Вильямс не разбудил его в десять.

— Что о Тисдейле? — спросил он, едва открыв глаза.

О Тисдейле ничего не было слышно по-прежнему.

По поводу Древа Ливанского из Ярда сообщили, что орден был основан в 1862 году богатым холостяком ради блага тех, кто стремится избежать мирских соблазнов, поскольку сам он, как тогда было принято выражаться, был отвергнут и обманулся в предмете своей любви. От сам стал первым прелатом ордена и оставил на его нужды все свое немалое состояние. Правила общины предписывали строжайшее воздержание для всех ее членов, и считалось, что к настоящему времени орден накопил огромные средства. Прелат назначался своим предшественником, но в любой момент мог быть переизбран тайным голосованием братьев. Глотая жуткий

гостиничный кофе, Грант обдумывал эту информацию и потом сказал вслух:

— Так вот на что метит наш Герберт — на прелатство. Нынешний прелат ему в рот смотрит. Невероятно, что такого человека, как он, смогли настолько одурачить. Хотя о чем я говорю! Припомните-ка, Вильямс, сколько таких идиотов мы с вами встречали!

— Припоминаю, сэр, — весьма красноречиво отозвался Вильямс.

— Сколько одних только воротил старой закалки, которые заработали состояние своим горбом, а покупались на сладкие речи какого-нибудь проходимца в гостиничном холле! И потом, у Герберта, наверное, недюжинные способности к языкам. Возможно, свою деятельность в Америке он организовывал с дальним прицелом на прелатство. Во всяком случае, в настоящий момент он у прелата — единственный достойный кандидат на этот пост. И с перспективой — если будет вести себя по-умному — через несколько недель стать распорядителем огромнейших денежных фондов. Не удивительно, что он так осторожничает. Он хотел бы выяснить, сколько оставила ему сестра, но так, чтобы не скомпрометировать себя в глазах паствы. Если бы она завещала ему кругленькую сумму, думаю, он хоть завтра был бы готов распрощаться с монашеской жизнью. Полагаю, она его не слишком-то манит. Даже при регулярных визитах на виллу.

— Как вы думаете, он там еще долго пробудет?

— Пока не перекачает достаточно денег из казны Братства в свой карман. В любом случае вот за это милое занятие, — и Грант указал на паспорта, — мы сможем притянуть его когда захотим. Он от нас никуда не денется. Но вот что, Вильямс, меня серьезно обескураживает — при чем здесь убийство? Я не говорю, что он этого не мог сделать. Наоборот, уверен, что в день убийства он как раз и находился в той самой суточной отлучке. Но зачем ему было убивать? Он вернулся в Англию, когда узнал о ее приезде сюда. Судя по вещам его подружки, к этому времени он сидел на мели. Поэтому и вступил в Древо Ливанское. Однако, вероятно, он очень скоро осознал блестящие перспективы, которые перед ним открывались в ордене. Зачем было убивать сестру?

— Заявился к ней, и они поскандалили. Кстати, в этом случае и ранний час, над чем мы так долго ломали голову, объясним: это время

для него нормальное. Шесть утра для него — как для простого смертного время ленча.

— Тут вы правы. Попробую выяснить у досточтимого отца, отлучался ли брат Алоиз из монастыря две недели назад. Вчера отче, может, и имел основания сохранять неприступный вид, но, думаю, он станет более разговорчивым, когда увидит фотографии своего избранника на всех этих паспортах.

Но оказалось, что досточтимый отче посетителей не принимает. В маленьком окошечке показалось кислое лицо привратника, который стойко повторял одну эту фразу, ничуть не заботясь о том, насколько она согласовывалась с тем, о чем спрашивал его Грант. Велеречивый Готобед, видно, потрудился на славу и обработал прелата. Окошечко захлопнулось, и Грант оказался в одиночестве. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться, предварительно запасшись ордером на арест. Он медленно побрел прочь. Ноги у него все еще ныли. Мысленно поздравив Готобеду с тем, как тщательно тот смазал дверные петли подвала, выходящего на тротуар, Грант забрался в машину. Да, придется ехать за ордером.

Он вернулся в гостиницу за пижамой, зубной щеткой и бритвой (у него не было ни малейшего желания оставаться там еще на одну ночь) и писал записку еще спящему Вильямсу, когда его позвали к телефону. Звонили из Ярда. Сказали, что его человек ждет его в Дувре. Там, кажется, открылись новые факты.

Грант заново составил записку, кинул вещи в машину и, недоумевая по поводу того, зачем оставил этой фурии хозяйке за отвратительное обслуживание, невкусную пищу и неумение готовить такие большие чаевые, поехал в сторону Дувра.

Открылись новые факты. Это могло быть связано с Чампни. Что-то чрезвычайное. Если они просто выяснили, где Чампни провел ночь, то доложили бы об этом обычным путем, то есть по телефону. Значит, открылось что-то новое.

Детектив Римелл, меланхоличного вида молодой человек, основное преимущество которого состояло в том, что по внешности в нем никто не заподозрил бы сыщика, поджидал его в местном полицейском управлении, и Грант увел его к себе в машину. Римелл сообщил, что после бесконечных расспросов ему удалось раскопать некоего старикашку по фамилии Сирл, бывшего матроса, который в

среду или, вернее, уже в четверг, в половине первого ночи, возвращался домой с вечеринки по случаю обручения внучки.

Он шел один, потому что нынче у порта почти никто не живет. Все хотят жить как господа и норовят поселиться в одном из тех игрушечных домиков на холме, где и чихнуть-то боишься: а ну как дом развалится? Он ненадолго задержался, когда спустился с холма к морю, чтобы поглядеть на порт. Все же и теперь ему бывает приятно взглянуть на судовые огни в ночи. Начиная наплывать туман, но видимость еще была неплохая. Он знал, что «Петронелл» прибыла — видел ее в бинокль, когда шел к внучке, поэтому снова отыскал ее: она стояла не у причала, а бросила якорь у входа в порт. Пока он наблюдал, от ее борта отошел небольшой моторный катер и направился к берегу. Мотор был приглушен, как будто люди, находившиеся на катере, не хотели привлекать к себе внимание. Когда подошли к причалу, из тени показалась фигура человека. Другой, высокий, в котором Сирл легко признал лорда Чампни (он видел его, когда служил на старой яхте, принадлежавшей лорду Чампни), сойдя на берег, спросил: «Это вы, Хармер?» — тот, что пониже, ответил: «Да, я». И потом шепотом осведомился, все ли в порядке с таможней. «Никаких осложнений», — отозвался Чампни. Затем они оба сели на катер и отчалили. Туман тем временем совсем закрыл порт. Минут через пятнадцать Сирл направился к дому. Однако когда он уже шел по улице, то слышал, как катер отошел от борта «Петронелл». Ушел ли он в море или вернулся к берегу, Сирл не знал. В то время он не придавал этому никакого значения.

— Святые Небеса! — воскликнул Грант. — Просто отказываюсь поверить! У этих двоих нет и не может быть ничего общего! (Прежде, чем он закончил фразу, ему подумалось: за исключением одного — женщины.) У них нет общих дел. И тем не менее они что-то замышляют вместе, Грант помолчал и затем сказал: — Ладно, Римелл. Хорошо поработали. Сейчас перекушу и соберусь с мыслями.

— Спасибо, сэр. Можно мне дать вам дружеский совет?

— Давайте, если уж так необходимо. Хотя подчиненным это не рекомендуется делать.

— Не пейте больше крепкий кофе. Вы уже выпили за завтраком целых четыре чашки и ничего не поели.

Грант рассмеялся:

— А вам-то что за печаль? Чем больше среди нашего брата сердечных приступов, тем больше у вас надежд на повышение.

Он завел машину.

— Я не люблю давать деньги на венки, сэр.

Но улыбка сбежала с лица Гранта задолго до ленча. У мужа Кристины Клей и у человека, которого молва записала ей в любовники, объявилось ночью какое-то общее дело. Уже одно это было достаточно странно. Но то, что пятый сын седьмого герцога Бада и уважаемый, хотя и непредсказуемый представитель своего клана Эдуард Чампни тайно виделся с коротышкой иудеем из никому не известного захолустья, выглядело уж и вовсе непонятно. Что их связывало? Только не убийство. Грант не допускал мысли о возможности столь одиозного случая, как одно убийство на двоих. Каждый в отдельности мог иметь намерение убить ее, но никак нельзя было представить, чтобы они ради этого объединили свои усилия. Сирл утверждал, что катер снова отчаливал от «Петронелл». Предположим, там находился лишь один из двоих. Вдоль берега расстояние до Расщелины возле Вестовера было невелико. И Хармер объявился в коттедже всего через два часа после убийства. С моторки утопить Клей ничего не стоило. Еще лучше, чем идея с молом: быстрее и проще скрыться. Чем дольше он думал про катер, тем больше он склонялся к этой версии. Они тогда проверили все лодки в округе, но радиус движения катера гораздо шире. Но... черт побери это «но»! Сама версия выглядела дикой. Разве можно было себе представить, как Джасон говорит: «Одолжите мне катер, а я утоплю вашу жену» — или как Чампни сам предлагает Джасону катер, чтобы тот выполнил черную работу?! Нет, причиной их встречи явилось что-то иное. Если в результате ее и произошло убийство, то скорее всего он было случайным, не преднамеренным.

Так ради чего они встречались? Хармер упомянул таможду. Это были его первые слова. Может, Хармер был злостным наркоманом?

Против этого говорили два обстоятельства: во-первых, Хармер никак не походил на наркомана и, во-вторых, Чампни никогда в жизни не согласился бы провозить наркотики. Он мог любить риск, однако риск такого рода был для него определенно неприемлем.

Тогда что же они собирались скрыть от таможни? Табак? Драгоценные камни? Чампни утром показывал Джорджу Меиру

топазы, которые привез для Кристины. И опять не сходилось: Чампни мог участвовать в контрабандных делах ради любви к приключениям, однако Грант не мог представить себе, чтобы он стал этим заниматься ради Джасона Хармера. Об этот факт, как о глухую стену, разбивались все построения Гранта. Что могло из сблизить? А это произошло — сомнений не было. Так что же? Они были едва знакомы. А может, и вовсе не были. Чампни почти наверняка покинул Англию еще до приезда сюда Хармера, а Кристина познакомилась с ним только здесь, во время съемок.

Во время этого ленча пищеварительные соки у Гранта вообще отказывались циркулировать, зато голова работала на полную мощность. Сладкие хлебцы и зеленый горошек с таким же успехом можно было сразу выкинуть в мусорный бак. Подали кофе, а он был все так же далек от решения, как и в начале трапезы. Как ему хотелось оказаться одним из блестящих детективов со страниц приключенческих романов, знаменитых безошибочным чутьем и искусством принимать единственно верное решение. Но он был всего лишь обычный трудяга — инспектор уголовного отдела, честно исполняющий свой служебный долг, с обычными умственными способностями. Пока ему представлялся только единственно возможный путь — серьезный разговор с одним из двоих. Предпочтительно — с Хармером. Почему именно с ним? Ну хотя бы потому, что его легче разговорить. Ладно, надо прямо признать: потому, что это не грозит крупными неприятностями. Господи, как скверно, когда твое второе «я» все время следит за всем, что ты делаешь и почему!

Он отказался от второй чашки кофе, с улыбкой вспомнив Риммела. Хороший парнишка. Со временем из него выйдет прекрасный детектив.

Он позвонил в студию и осведомился, сможет ли мистер Хармер уделить время Алану Гранту где-то между пятью и восьмью вечера.

Ему ответили, что мистера Хармера в Лондоне нет. Он отправился к Лени Примхофер, кинозвезде из Европы, которая сейчас в Уайтклифе. Он пишет для нее песню. Нет, сегодня он не вернется. Адрес? Пожалуйста: Толл-Нэтч, Уайтклиф, номер телефона 3025.

Грант дозвонился по указанному номеру, где ему сказали, что мистер Хармер с фрейлейн Примхофер отправился на машине за город

и не вернется раньше восьми.

Уайтклиф — это, собственно, продолжение Вестовера, скопление роскошных вилл, выстроенных на утесе, вдали от шумных туристов и замусоренных пляжей. За Грантом все еще сохранялся номер в «Моряке», туда он и отправился, и там к нему присоединился Вильямс. Оставалось лишь ждать ордера на арест из Ярда и визита Хармера.

Хармер явился как раз в часы коктейля — перед обедом.

— Собирались пригласить меня отобедать, инспектор? — начал он. — Если не собирались, скажите все же «да», не портите вечер, а я заплачу. Еще один час с этой женщиной — и я свихнусь. Волчица. Дура каких мало. Повидал я звезд на своем веку, но эта — вне всякой конкуренции. Сплошная трескотня вперемешку с немецким гарниром из французских словечек для красоты. Официант! Что будете пить, инспектор? Не будете? Да бросьте, выпейте! Нет? Ну, ничего не поделаешь. Один коктейль с джином, официант. С вашей-то талией можно позволить себе пить, инспектор. Только не пытайтесь меня убедить, что вы искренний сторонник сухого закона!

Грант заверил, что ничего не имеет против выпивки.

— Ну, какие новости? У вас ведь есть новости, не так ли? — посерьезнев, спросил Хармер и пристально посмотрел на Гранта. — Что-нибудь действительно важное?

— Я просто хотел бы уточнить, что вы делали в Дувре в ночь на четверг.

— В Дувре?

— Да, больше двух недель назад.

— Кто вам наболтал эту чепуху?

— Послушайте, мистер Хармер, ваша неискренность все усложняет. Она мешает нам найти убийцу Кристины Клей. Ваш рассказ о том, чем вы занимались в ту ночь, поможет отбросить весь не относящийся к делу мусор, который затрудняет наше продвижение вперед. Мы не в состоянии четко представить себе картину преступления из-за массы всякого хлама, который на нее налип. Вы же хотите, чтобы мы нашли убийцу? Так помогите нам!

— Вы мне нравитесь, инспектор. Я никогда не думал, что полицейский может мне так понравиться, как вы. Но я вам уже сказал: в поисках коттеджа Крис я заблудился и провел ночь в машине.

— А что, если я представлю свидетелей, которые подтвердят, что видели вас в Дувре?

— Я и тогда буду утверждать, что спал в машине.

Грант разочарованно замолчал. Теперь ему так придется объясняться с Чампни.

В маленьких глазках Хармера мелькнуло что-то близкое к сочувствию.

— Видно, вы совсем не высыпаетесь, инспектор. Как бы вам не свалиться. Перемените-ка свое решение, выпейте. Стаканчик-другой делает чудеса: все сразу встает на свои места.

— Если бы вы не настаивали на том, что спали в машине, то и у меня появился бы шанс отоспаться наконец в собственной постели! — раздраженно проговорил Грант, распрощался менее вежливо, чем делал это обычно, и поднялся к себе в номер.

Гранту хотелось увидаться с Чампни до того, как Джасон Хармер может предупредить его о том, что инспектор стал наводить справки. Лучше всего было бы позвонить и попросить Чампни приехать в Вестовер. Послать за ним машину, если понадобится. А тем временем продолжать расспрашивать Хармера, пока Чампни не выедет из Лондона. Но оказалось, что Чампни уже оттуда выехал. В Эдинбург, где выступал на семинаре по теме «Будущее Галарии».

Опять ничего не получалось. Джасон наверняка успеет связаться с Чампни по телефону или послать телеграмму задолго до того, как Грант попадет в Эдинбург. Грант распорядился, чтобы оба вида связи находились под наблюдением, и снова спустился вниз, где Джасон все еще сидел с бокалом в руках.

— Знаю, вы мне не симпатизируете, инспектор, но, как перед Господом Богом, вы мне нравитесь, и, как перед Господом Богом, эта дама Лени внушает мне чистый ужас. Может, хоть на время забудем о том, что вы — детектив, а я червяк-подозреваемый, и все-таки пообедаем вместе, а?

Грант не мог удержаться от улыбки — и не стал отказываться. Джасон тоже понимающе улыбнулся:

— Только не воображайте, будто к концу нашего с вами обеда вы сумеете добиться от меня признания, что я не проспал в машине всю ночь.

Вопреки ожиданиям, Грант получил истинное удовольствие от их совместной трапезы. Это была интересная партия — каким-то образом поймать Джасона на лжи. Еда была великолепна, а Джасон — остроумен.

Поступило еще одно сообщение: лорд Эдуард выезжает обратно первым утренним поездом и часам к пяти прибудет в Лондон. Грант с первой утренней почтой получит из Ярда ордер на арест Герберта Готобеда.

Итак, Грант отошел ко сну в «Морском отеле» по-прежнему недоумевающий, но не отчаявшийся: по крайней мере на завтра программа действий была для него ясна. Заночевал в «Морском отеле» и Джасон, решив, что на этот день с него одной встречи с Лени более чем достаточно.

Кухня в «Морском отеле» находилась под самой крышей: согласно последним изысканиям строителей, при таком расположении все запахи должны были уходить наверх, в воздух. Предполагалось, — опять-таки по новейшим правилам, — что она будет целиком работать на электричестве. Но у великого магистра поварского искусства Генри были свои правила. Он был родом из Прованса, и готовить на электричестве — мой Бог, да это ужас, просто ужас! Если бы Господь хотел, чтобы готовили на электричестве, он бы не создал огонь. Генри получил и плиты и жаровни. И теперь, в три часа ночи, огромное белое помещение освещалось теплыми отблесками разожженных печей. В них весело сверкала медь, серебро, эмалированная посуда (алюминиевой посуды здесь не было: Генри становилось дурно при одном упоминании об алюминии). Дверь кухни была чуть приоткрыта, огонь в печах легонько потрескивал.

Вдруг дверь стала открываться. Сначала немного, потом еще и еще. На пороге, явно прислушиваясь, возник человек. Потом он, как тень, проскользнул в кухню и крадучись направился к столу с посудой. В полумраке блеснул нож, который он достал из ящика совершенно бесшумно. От стола он направился к стене, где была доска с ключами — каждый с бирочкой на своем гвоздике, — и уверенно снял тот, который ему был нужен. Он уже собирался покинуть помещение, но вдруг остановился будто замороженный. В свете пламени его глаза лихорадочно блестели, но лицо оставалось в тени.

Возле топки лежали щепочки, заготовленные на утро. Для лучшей просушки они были разложены на газете. Человек заметил листок. Он отодвинул щепки в сторону и стал читать, приблизив квадратик газеты к огню. Он читал, и в кухне стояла полнейшая тишина, будто тут никого не было. И вдруг, как по волшебству, все переменялось. Человек вскочил на ноги. Побежал и включил свет. Бросился обратно к плите и снова схватил газету. Разложив на столе, он трясущимися руками стал распрямлять и разглаживать ее так, будто это было живое существо. Потом он стал смеяться. Сначала тихо, колотя руками по чисто выскобленному столу, но потом его смех стал истерично

громким: он не мог остановиться. Он снова подбежал к выключателю и стал зажигать все лампы подряд — одну, вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую, восьмую. Потом, видно, новая мысль пришла ему в голову. Он выскочил из кухни и понесся по полированным пустым коридорам. Он скользил вниз этаж за этажом, бесшумный, как летучая мышь. Потом из груди его снова вырвался рыдающий смех. Оказавшись в погруженном во мрак вестибюле, он кинулся к конторке портье, где горел зеленый свет ночника. За ней никого не оказалось. Ночной портье совершал обход. Человек открыл регистрационную книгу и дрожащими руками стал водить по колонкам фамилий. Затем он снова полетел вверх по лестнице, и только прерывистое дыхание выдавало его присутствие. В дежурной комнате второго этажа он снял с доски ключ и побежал к номеру семьдесят три. Дверь открылась, он включил свет и кинулся на человека, лежавшего в постели.

Грант с трудом очнулся от сна с участием контрабандистов и стал отбиваться от маньяка, который, опустившись на колени, тряс его и все твердил сквозь рыдания:

— Значит, вы были не правы! Значит, все в порядке!

— Тисдейл! — воскликнул Грант. — Боже мой, как я рад вас видеть живым и невредимым! Где вы были?

— Между цистернами с водой. Они иногда напоминают монахинь, правда? Обязательно напишу об этом книгу. Назову ее «Мои дни в обществе цистерн» или «Как я скрывался на крыше».

— Прямо здесь, в отеле? Все время здесь?

— С ночи четверга. А сколько времени прошло? Я просто вошел ночью через служебный вход. Дождь хлестал вовсю. В такую ночь можно голышом пройти через весь город и никто тебя не заметит. Я знал про этот маленький закуток, потому что как-то видел там рабочих. Кроме них, туда никто не забирается. Выходил по ночам и таскал еду из холодильника. Наверное, у кого-то по этому поводу неприятности. А может, они и не заметили, как вы думаете?

Он с беспокойством глядел на Гранта неестественно блестящими глазами. Его начала бить дрожь. Было очевидно, что у него высокая температура.

Грант ласково усадил его на постель и достал из ящика пижаму.

— Наденьте это и быстро в постель. Наверное, вы вымокли до нитки в ту ночь, когда пришли сюда?

— Да. Одежда так отяжелела от воды, что я еле передвигался. Но на крыше сухо. И тепло. Днем даже слишком тепло. Вы понимаете тт-олк в пп-ижамах...

Он стал дрожать так, что у него зуб на зуб не попадал. Реакция после пережитого начинала сказываться. Грант помог ему переодеться и укрыл потеплее. Потом позвонил портье и попросил принести горячего супа и вызвать врача. Потом связался по телефону с Ярдом и сообщил добрую весть, в то время как Тисдейл следил за ним лихорадочными глазами. Покончив с телефонными переговорами, Грант подошел к постели и сказал:

— Словами не передать, как я перед вами виноват. Чего бы я не отдал за то, чтобы этого не произошло!

— Одеяла! Простыни, подушки и наволочки! Покрывало! — лепетал Тисдейл. — Боже, какое блаженство! Прочтите за меня вечернюю молитву! — И с этими словами он внезапно уснул.

Утром, поскольку, по словам доктора, «у пациента наблюдается определенный застой в легких, который в любую минуту может перейти в пневмонию», Грант вызвал к Тисдейлу его тетушку Мьюриэл. Тетушку пришлось разыскивать через Скотланд-Ярд, так как Тисдейл упрямо отрицал наличие каких бы то ни было родственников. Вильямса отправили в Кентербери арестовывать брата Алоиза, а Грант планировал после ленча поехать в Лондон и встретиться с Чампни. Он позвонил полковнику Баргойну, чтобы сообщить радостную весть о появлении Тисдейла, и к телефону подошла Эрика.

— Ой, как я за вас рада! — воскликнула она.

— За меня?!

— Конечно. Представляю, как вы переживали все это время.

Лишь тут Грант осознал, насколько это действительно его угнетало: ведь ему постоянно приходилось подавлять страх, что с Тисдейлом случилось что-то непоправимое. Какая она милая, эта малышка.

Эта милая малышка утром отправила пациенту дюжину яиц прямо из-под стейновских куриц.

— Как это похоже на нее, — сказал Грант Тисдейлу, — послала не цветы, как это делают обычно, а свежие яйца.

— Надеюсь, ей тогда не очень досталось за то, что она приносила мне пищу? — обеспокоенно спросил тот. Он говорил о событиях недельной давности так, будто они произошли много лет назад. Дни, проведенные в закутке между цистернами, показались ему вечностью.

— Как раз наоборот. Она спасла вашу голову и мою репутацию. Это ведь она нашла пальто. Вам запрещено разговаривать.

Но ему пришлось все-таки рассказать все с начала до конца. Грант ушел, а Тисдейл все повторял в полном изумлении: «Ну и ну!».

Между тем предстоящий разговор с Чампни вызывал у Гранта нешуточное беспокойство. Предположим, он прямо скажет: «Послушайте, вы и Джасон Хармер солгали мне по поводу ваших действий в такую-то ночь. Чем вы занимались тогда?» Что он услышит

в ответ? «Дорогой мой, я отказываюсь отвечать за то, что говорил вам Хармер, но он был моим гостем на „Петронелл“, а ночью мы отправились на катере ловить рыбу». И у обоих окажется великолепное алиби. Гранта по-прежнему занимала мысль о возможности контрабанды. Но что за товар мог одновременно представлять интерес и для Хармера, и для Чампни? И потом, для того, чтобы переправить контрабанду с корабля на берег, целая ночь ни к чему. А оба они отсутствовали всю ночь. Что отняло у них столько времени — с полуночи до утра?

Все время после доклада Риммела Грант безуспешно пытался вспомнить, о чем именно говорил Чампни непосредственно перед тем, как неточно упомянул о дате своего возвращения. Ему почему-то казалось, что вспомни он об этом — и для него все сразу прояснилось бы.

Он решил спуститься вниз и постричься перед отъездом в Лондон. Эту стрижку ему было суждено запомнить надолго. Он уже протянул руку, чтобы толкнуть дверь в парикмахерскую, как вдруг ему ясно вспомнился ленивый голос Чампни, произносящий всего одну фразу. Так вот о чем он тогда говорил! Перед мысленным взором Гранта замелькали отдельные эпизоды — теперь они выстраивались в стройной последовательности и давали ясную картину. Он развернулся, пошел к телефону и попросил связать его со спецслужбой. Задав несколько вопросов, он, широко улыбаясь, направился в салон парикмахерской. Теперь он знал, о чем будет вести разговор с Эдуардом Чампни.

Все мастера, как это обычно бывает по утрам, оказались заняты.

— Одну минуточку, сэ, — торопливо сказал распорядитель. — Вам придется чуть-чуть подождать.

Грант опустился на один из стульев у стены, потянулся к кипе журналов на полке, и пачка развалилась. Журналы были потрепанные и в большинстве своем старые. Он взял один из них — американский «Серебряный экран» — только из-за того, что на обложке была фотография Кристины Клей, и рассеянно стал листать страницы. Букет был обычный. О ком-то в пятидесятый раз сообщали «подлинную правду», причем она разительно отличалась от всех предыдущих сорока девяти «подлинных правд». Какая-то блондинка с куриными мозгами писала о том, как она по-новому прочла для себя Шекспира.

Другая рассказывала, как ей удастся сохранить фигуру. Актрисочку, которая понятия не имела, где у сковородки ручка, сфотографировали дома на кухне, за выпечкой пирожных; кинозвезда мужского пола превозносил своих собратьев по ремеслу. Грант небрежно перелистывал оставшиеся страницы. Он уже собирался положить этот номер и взяться за другой, как вдруг его внимание привлекла одна заметка. Грант стал ее читать с возрастающим интересом. Дочитав до конца, он поднялся на ноги с журналом в руках.

— Ваша очередь, сэр, — сказал парикмахер. — Сюда, пожалуйста.

Но Грант будто не слышал.

— Сейчас мы вас обслужим, сэр. Извините, что заставили ждать.

Грант обвел салон невидящим взглядом.

— Можно я захвачу это с собой? Журнал все равно старый. Благодарю вас заранее, — проговорил он и почти бегом покинул салон.

Они поглядели ему вслед и принялись весело шутить по поводу того, что он такое интересное вычитал.

— Нашел родственную душу, — сказал один.

— По-моему, родственные души в наши дни все повывелись, — откликнулся другой.

— Обнаружил средство от мозолей!

— Нет, решил посоветоваться с другом.

Вскоре о нем забыли.

Грант стоял в телефонной кабинке, и нетерпеливый господин в туфлях из дорогой кожи, ждущий своей очереди, уже начинал подумывать, что он вообще решил оттуда не выходить. Грант же разговаривал с кинознаменитостью Оуэном Хьюджем. Только поэтому господин в модных ботинках и не шел к другой кабинке: он надеялся услышать что-нибудь из их разговора. Как он понял, речь шла о том, упомянул ли кто-то в своем письме о чем-то.

— Ах, так упомянули? Спасибо. Это все, что я хотел узнать. Только, пожалуйста, никому ни слова про то, о чем я вас спрашивал.

Вслед за этим Грант попросил соединить себя с речной полицией и плотнее прикрыл дверь, чем привел ожидающего господина в полное отчаяние.

— Скажите, у того, кто живет по Ривер-Вок, двести семьдесят шесть, имеется моторная лодка?

На другом конце навели справки и сообщили:

— Да, имеется. Скоростная.

— Для морского плавания пригодна?

— Да, при необходимости. Кажется, ею пользуются для охоты на водоплавающую дичь.

— Используют ли ее для плавания вниз по Темзе?

— Да, используют.

Грант осведомился, смогут ли они в виде большого одолжения предоставить ему свою моторную лодку часа через полтора, и, получив согласие, позвонил Баркеру. (К этому времени господин в модных ботинках оставил всякую надежду что-нибудь услышать и удалился.) Он попросил передать Вильямсу, если тот появится до его приезда, чтобы тот ждал его у вестминстерского причала. Если не будет Вильямса, то пусть пошлют Сангера.

Грант воспользовался тем, что в период ленча движение на улицах сравнительно небольшое, и на тех участках дороги, где не было ограничителей скорости, превзошел сам себя в искусстве деликатного вождения машины и добрался без происшествий. Он нашел Вильямса в условленном месте — правда, несколько запыхавшегося, поскольку он только что прибыл из Ярда — и отправил назад разочарованного Сангера. Вильямс был полон решимости по мере возможности до конца участвовать в событиях и не желал никому уступить этой чести, тем более что Баркер предупредил его — должно произойти нечто чрезвычайно важное.

— Ну, вероятно, достопочтенный отче был поражен?

— Не столько он, сколько сам брат Алоиз. Ему и в голову не приходило, что мы его можем зацепить. По тому как он себя повел во время ареста, думаю, не только наша полиция им интересуется.

— Нисколько не удивлюсь, если так и окажется.

— Куда мы направляемся, сэр?

— В район Челси-Рич. Излюбленное место художников и исполнителей народных танцев.

Вильямс заботливо оглядел своего шефа и с удовлетворением отметил, что после возвращения юного Тисдейла вид у Гранта стал значительно лучше.

Полицейский катер подошел к берегу возле Ривер-Вок, двести семьдесят шесть, у того места, где стояла большая, окрашенная в

стальной цвет моторная лодка. Он осторожно стал приближаться к ней, пока два судна почти не соприкоснулись бортами. Грант шагнул в лодку.

— Пошли со мной, Вильямс, — приказал он. — Мне нужен свидетель.

Кабина оказалась запертой. Грант бросил взгляд на дом напротив и покачал головой:

— Придется рискнуть. Я уверен, что на этот раз не ошибаюсь.

В присутствии речной полиции он сломал замок и вошел в кабину. Там было так, как и должно быть в кабине морского судна: все было на своих местах и блестело, как новое. Грант начал методически проверять ящики. В одном из них, носовом, нашел то, что искал. Непромокаемое пальто. Черное. Купленное в Канне. С оторванной пуговицей на правом обшлаге.

— Заберите, Вильямс, и пройдемте со мной в дом.

Горничная сказала, что мисс Китс дома, и вышла, оставив их внизу в столовой. Комнату отличало отсутствие каких бы то ни было украшений, все здесь выглядело холодным и строгим, но вполне современным.

— Больше походит на клинику, где удаляют аппендицит, чем на место, где едят бифштексы, — заметил Вильямс.

Грант не ответил.

Лидия вошла с улыбкой. Браслеты ее звенели, бусы клацали.

— Извините, что не приглашаю вас наверх, но мои клиенты могут неверно истолковать ваш дружеский визит, мой дорогой Лев.

— Значит, там, у Марты, вам было известно, кто я?

— Разумеется. Вы недооцениваете мой дар ясновидения, милый мистер Грант. Почему бы вам не представить вашего приятеля?

— Это сержант Вильямс.

Грант заметил легкое замешательство, тем не менее, здороваясь с Вильямсом, она сохранила спокойствие. Но тут она увидела, что он держит под мышкой.

— Зачем вам мое пальто? — спросила она резко.

— Так это ваше пальто? То, что было в одном из ящиков в кабине моторки?

— Конечно мое! Как вы посмели проникнуть на лодку?! Кабина всегда на замке!

— Замок будет починен, мисс Китс. А пока должен, к великому сожалению, объявить, что арестую вас за убийство мисс Кристины Клей, совершенное вами в среду утром в Расщелине возле Вестовера, и предупредить, что все, вами сказанное, может быть использовано стороной обвинения.

Ее лицо мгновенно изменилось: обычное выражение самодовольства сменилось гримасой слепой ярости, которую Грант заметил в тот раз, когда Джуди Селлерс с насмешкой отозвалась о ее даре.

— Вы не можете меня арестовать, — заявила она. — Звезды этого не говорят. Мне ли не знать? От меня у звезд нет секретов. Они мне предрекают славу. Это вы — тот несчастный глупец, кому суждено всю жизнь спотыкаться и делать ошибки. А меня ждет только успех. Я могу делать все, что пожелаю. Так возвестили небеса, и так будет. Это судьба. «Есть люди, которые рождены для величия» — вот единственная истина, все другое — ложь. Если человек не рожден великим, он никогда им не станет. Я была рождена для славы. Для того, чтобы стать лидером. Чтобы все человечество чтит меня...

— Мисс Китс, вам придется сейчас же отправиться вместе с нами. Всю одежду, которая вам может понадобится, отправят потом.

— Какую одежду?

— Которую вам предстоит носить в тюрьме.

— Не понимаю. Вы не смеете запереть меня в тюрьму. В моем гороскопе этого нет. Звезды говорят, я могу сделать все, что захочу.

— Каждый может сделать все, что захочет, было бы желание. Но каждый обязан и отвечать за свои поступки. Позовите, пожалуйста, горничную и предупредите ее, что вас долго не будет. И пусть принесет вашу шляпку, если она вам нужна.

— Она мне не нужна. И никуда я с вами не поеду. Я поеду в гости к Марте. Вы, наверное, знаете — она получила роль Кристины. В новом фильме. Это моих рук дело. Все, что мы делаем, предназначено заранее. Это так просто: наше действие попадает в заранее намеченную цель, как удар молоточка по клавише в музыкальной шкатулке. Вы, конечно, знаете, как она работает? Может, и не знаете. Вы ведь не любитель музыки? От Марты я отправлюсь на прием к Оуэну Хьюджеду. Ну а потом видно будет. Приходите вечером, и мы все обсудим. Вы знакомы с Оуэном? Очаровательный человек. Его

роль тоже была обозначена заранее. Если бы не он, такая мысль никогда бы не пришла мне в голову. Нет, я не то хотела сказать. Великие свершения достойны только великих людей. Они осуществляются в любом случае. Но для этого требуется малюсенький импульс. Как для электрического тока — нажатие кнопки или выключателя. Я использовала это остроумное сравнение на прошлой неделе во время лекции в Шотландии. Она очень успешно прошла. Точное сравнение, правда? Может, хотите шерри? Я что-то очень рассеянна сегодня. Это потому, что я все время думаю о тех, кто ждет там, наверху, чтобы я им рассказала.

— О чем рассказали?

— О себе. Нет, не о себе — о них самих. Они для этого и собрались. Я что-то сбиваюсь. Они хотят знать, что их ждет. И лишь одна я могу им это сказать. Только я, Лидия Китс...

— Можно мне воспользоваться вашим телефоном, мисс Китс?

— Конечно. Он в холле, в шкафчике. Цветной. Телефон, не шкафчик, разумеется. О чем это я говорила?

— Попросите срочно прислать сюда Рейнолдса, — обратился Грант к Вильямсу.

— А, это тот художник? Рада буду познакомиться с ним. Он тоже был рожден для славы. Понимаете, ведь дело совсем не в том, как ты накладываешь или смешиваешь краски. А в том, что у вас внутри. И это все зависит от звезд. Вы должны заказать мне гороскоп. Вы ведь Лев. Львы — очень привлекательные люди. Они рождены для власти. Временами я очень жалела, что не родилась в августе. Но Овны — тоже прирожденные лидеры. Что-то я много болтаю. — Она хихикнула. — Все мне говорят, чтобы я поменьше болтала. Так меня и называли в детстве — «трещотка»...

Полчаса спустя полицейский врач Рейнолдс сделал укол морфия визжащему и мечущемуся существу, которое звалось Лидией Китс; только после этого ее смогли более или менее спокойно препроводить в полицейский участок.

Грант и Вильямс, стоя в дверях, молча наблюдали за отъезжающей машиной «скорой помощи». Наконец Грант очнулся и произнес:

— Что ж, надо двигаться. Пора поговорить с Чампни.

— Людей, пишущих законы для этой страны, нужно стрелять! — воскликнул Вильямс с неожиданной злостью.

— Вы имеете в виду высшую меру? — ошеломленно спросил Грант.

— Ну хотя бы изолировать от общества.

— А, понимаю. У меня там в машине фляжка. Хлебните-ка немного.

— Спасибо, сэр. Да не убивайтесь вы так, мисс, — обратился Вильямс к горничной, которая заливалась слезами. — Подобные вещи случаются, ничего не попишешь.

— Она была очень добрая хозяйка. Ужасно видеть ее такой.

— Берегите это пальто, Вильямс, — сказал Грант, пока они шли к машине, которая ждала их у ограды. Он был счастлив, что может наконец оставить этот дом.

— Скажите, сэр, как вы догадались, что это именно она?

Грант достал вырванные странички:

— Это из журнала, который мне попался в парикмахерском салоне. Прочтите сами.

Это была небольшая заметка, принадлежащая автору дешевых, сентиментальных романов откуда-то со Среднего Запада, которая побывала в Нью-Йорке. Город в ту пору был наводнен кинозвездами: они задерживались там либо после очередных съемок, либо перед новой картиной. Там находилась и мисс Лидия Китс. На скромную писательницу самое сильное впечатление произвело не то, что ей пожала руку знаменитая Грэйс Марвел, а точность прорицаний мисс Китс. Она предсказала, что в ближайшие три месяца с Лином Дрейком

произойдет несчастный случай, и верно: всем известно, что Дрейк до сих пор прикован к постели; она предсказала, что Миллард Робинсон потеряет огромные деньги из-за пожара, и точно: не прошло и месяца, как единственная копия пленки его нового фильма обратилась в пепел. Ее третье пророчество касалось звезды первой величины, чье имя писательнице было открыто, но которое она считала неэтичным разглашать. Кинозвезду ждала смерть на воде. «Если это третье предсказание, никак не связанное с обстоятельствами жизни кинозвезды и столь определенно указывающее на вид смерти, сбудется, то слава мисс Китс как особы, обладающей самым непостижимым даром — даром пророчества, будет вне всяких сомнений. Каждый из живущих будет добиваться встречи с ней». Заметка кончалась фразой: «Но не ходите с ней купаться, милая златовласая звездочка! Как бы искушение не оказалось для мисс Китс слишком сильным!»

— Разрази меня гром! — только и произнес Вильямс и молчал всю дорогу до Ярда.

— Передайте начальнику отдела, что я вернусь сразу же после встречи с Чампни, — сказал Грант и поехал дальше, на Риджент-Парк.

Гранту пришлось полчаса пробыть в обществе мраморных каминов и звериных шкур, прежде чем Чампни появился.

— Как поживаете, инспектор? Биннс сказал, что вы уже здесь. Извините, что оставил вас наедине с мебелью дольше, чем хотелось бы. Как насчет чая? Если не хотите чая, могу предложить то, что мой дядя называл «подкрепляющим». Правда, звучит гораздо приятнее, чем просто «выпивка». Есть новости?

— Да, сэр. Простите, что ворвался к вам сразу после вашего возвращения из поездки.

— Это не столь ужасно, как вчерашнее собрание в гостиной моей двоюродной бабушки. Я поехал, только чтобы сделать приятное этой старой даме, а оказалось, она надеялась, что я догадаюсь отменить эту лекцию. Тогда было бы более «пристойно», как она выразилась. Ну, выкладывайте ваши черные новости.

Грант сообщил ему о случившемся, и он выслушал все серьезно, без обычных легкомысленных замечаний, к которым столь часто прибегал в качестве защиты от неделикатности посторонних.

— Она сумасшедшая?

— По мнению Рейнолдса — да. Может, это просто истерия, но Рейнолдс считает, что это сумасшествие.

— Несчастливая. Но как она узнала, где жила моя жена?

— Ей написал Оуэн Хьюдждед. Он совсем забыл, что это секрет. Он даже упомянул в письме про ее любовь к ранним купаниям.

— Как все просто... Значит, она умела хорошо водить моторную лодку?

— Она практически выросла на реке. Курсировала по Темзе постоянно. Никому и в голову не приходило интересоваться, куда и зачем она направляется. Вероятно, пока не подвернулся благоприятный случай, она уже плавала туда не раз. Как это ни странно, мы никогда не думали о Темзе как о возможном пути следования. Естественно, мы обсуждали вероятность использования моторной лодки, но не со стороны Лондона. Хотя не думаю, что это нам бы сильно помогло. И мужское пальто, которое было на ней, сбило нас с толку. Многие женщины во время прогулок на яхте носят теперь мужские пальто, но мне это почему-то не пришло в голову.

Наступило короткое молчание. Каждый из них в эти минуты представил себе, как в тумане лодка выскользнула из освещенной бухты и заскользила вдоль берега, где мелькали огни. Маленькие, ярко светящиеся городки; случайная лодочная станция с ярким прожектором; мигающие огоньки редких вилл на прибрежных скалах сопровождали ее в пути. Затем, видимо, наступила полная темнота. Темнота и летний ночной туман, спустившийся к самой воде. О чем она думала в последние минуты ожидания? В полном одиночестве, располагающем к раздумью? Или уже тогда безумие овладело ею настолько, что у нее не возникло сомнений?

И потом... Они представили себе это «потом»: удивление, радостное «здравствуй», зеленая шапочка Крис, выскакивающая у серого борта, — купальная шапочка, которую так и не нашли; женщина из лодки, наклоняющаяся над Крис. Затем...

Гранту вспомнились обломанные ногти Кристины. Да, видно, все оказалось не так легко, как представляла Лидия.

— Таким образом, следствие по этому делу можно считать законченным, однако к вам меня сейчас привело другое дело. Совсем особое.

— Да? А вот и чай. Можете идти, Биннс. Вам с сахаром?

— Мне бы хотелось узнать, куда вы дели Римника.

Рука Чампни, державшая ложку, от неожиданности застыла в воздухе. Он насмешливо и даже с примесью восхищения взглянул на Гранта:

— Он у знакомых коротышки Хармера возле Тоджнбриских Колодцев.

— Могу я узнать точный адрес?

Чампни назвал адрес и передал Гранту чай.

— Зачем вам нужен Римник?

— Потому что благодаря вам он находится на территории Англии и у него нет паспорта.

— Не было, — поправил его Чампни. — Сегодня утром иностранное ведомство дало ему разрешение на пребывание в Англии. Для этого потребовалось море красноречия: пришлось напомнить, что Британия — оплот справедливости, защитница угнетенных, прибежище несправедливо обиженных и преследуемых за убеждения и прочее, и прочее. Главное, я добился желаемого эффекта. Представляете, там в Уайтхолле они до сих пор раздуваются от гордости за отчизну. Когда я закончил, они расхорохорились, как воркующие голуби. — Он заметил неодобрительный взгляд Гранта и добавил: — Я не знал, что такое пустячное дело может вас волновать.

— Волновать, вы сказали? — не выдержал Грант. — Вы чуть все не погубили! И вы и Хармер солгали мне о событиях той ночи...

Он замолчал, спохватившись, что повел себя недостаточно деликатно. Но Чампни понял его состояние.

— Я действительно весьма сожалею, что так вышло, инспектор. Вы собираетесь меня арестовать? Можно ли арестовать человека, так сказать, ретроспективно?

— Вряд ли. Надо выяснить. Я бы сделал это с большим удовольствием, — отозвался Грант. К нему вернулся юмор. — Мне ни за что не удалось бы вас поймать на этом деле, если бы не мой молодой коллега, Риммел. Он прекрасно поработал.

— Надо будет с ним познакомиться.

— Он узнал, что вы и Хармер встречались в ту ночь и были озабочены таможенным досмотром.

— Да-да, Римник просидел в шкафу у меня в кабине. Это были довольно тревожные полчаса. Однако таможенники и портовики тоже

люди.

Из его слов можно было сделать вывод, что они постучали вешалками, но не осмелились проверить закрытые шкафы в кабине лорда.

— Я знал, что если сумею припомнить, о чем вы говорили перед тем, как... создали у меня ложное впечатление о дне прибытия в Дувр, то найду ключ к вашему секрету. И я вспомнил. Вы тогда сказали: «Единственная надежда Галарии — Римник. Правда, не уверен, хватит ли у него самоотверженности. Он еврей. А они редко обладают этим столь необходимым для спасателей отечества качеством. Однако за ним есть два других преимущества: страсть к театральным эффектам и безусловная поддержка единоверцев». Едва я вспомнил эту фразу, как тут же понял, что вас связывает с Хармером. Остальное просто. В отделе безопасности знали об исчезновении Римника из страны и о том, что в британском паспорте, как и в разрешении на въезд, ему было отказано. Им даже было известно, что, по всей вероятности, его переправили в Англию, не было лишь доказательств. Значит, моторка подходила к берегу вторично?

— В ту ночь? Да. Хармер отвез нас к своему другу. Хармер хоть и коротышка, но в решительности ему не откажешь. Он был перепуган до смерти, но держался молодцом до самого конца. Он горячо любит свой народ. По виду никогда не подумаешь. И потом, он сам выходец из тех мест. Как я понял, Тисдейл наконец-то объявился. Представляю, какое это для вас облегчение. Он что, болен?

— Нет. У него была простуда и, конечно, нервное истощение. Но думаю, с ним все будет в порядке.

— В Йорке я купил дневной выпуск, и там дается душераздирающее описание пережитых им страданий. Я тогда же подумал, что вряд ли в этой заметке есть хоть одно слово правды.

— Вы правы. Ни единого. Это все воображение Джемми Хопкинса.

— Кто такой Джемми Хопкинс?

— Кто такой Джемми Хопкинс?! — Грант с изумлением поглядел на Чампни и с завистью сказал: — Теперь я понимаю, зачем некоторые предпочитают родной Англии отдаленные уголки планеты.

Месяцем позже Герберт Готобед покинул родину, чтобы удовлетворить любопытство полиции Нэшвилла, штат Теннесси, по поводу того, что он сделал с двумя миллионами, которые ему дала старая миссис Кинслей на постройку церкви. А как раз в день его отплытия — хотя ни одна из заинтересованных сторон об этом и не подозревала — Эрика давала обед в Стейнсе, с тем чтобы, как она прямо выразилась, убрать неприятный привкус от предыдущего обеда. Единственным дополнением к предыдущему составу участников был Робин Тисдейл. Что касается Гранта, то он — как это ни глупо — вздохнул с облегчением, когда увидел, что ее маленький носик, как и раньше, напудрен небрежно и платянце все то же — школьное. Втайне он опасался, что контакт с красивым, да еще и безвинно пострадавшим Робинсом мог поселить в сердце Эрики некие романтические мечты и положить конец ее детской непосредственности. Однако было похоже, что Эрику ничто не способно заставить измениться. Она обращалась с Тисдейлом все так же по-товарищески просто, как и тогда, когда сказала, что он носит слишком тесные воротнички. Грант заметил, что Джордж тоже исподтишка посматривает то на Тисдейла, то на Эрику и довольно посмеивается. Их взгляды встретились, и, не сговариваясь, они подняли свои бокалы в молчаливом приветствии.

— За что вы пьете? — спросила Эрика. — У меня есть тост — за успехи Робина в Калифорнии.

Все с готовностью за это выпили.

— Если вам на ранчо не понравится, подождите, пока мне исполнится двадцать один, и я его у вас куплю.

— Думаете, вам придется по душе такая жизнь? — с живостью откликнулся Тисдейл.

— Ну конечно, — ответила она и обернулась к Гранту, собираясь что-то сказать.

— Не дожидайтесь двадцати одного года и приезжайте посмотреть раньше, — не отставал Тисдейл.

— Это было бы очень интересно, — рассеянно ответила Эрика и спросила: — Мистер Грант (почему-то она никогда не называла его

инспектором), если я возьму билеты у мистера Миллса и завезу вам их, вы пойдете со мной в цирк на Рождество?

Она слегка порозовела, как будто просила о чем-то слишком рискованном. На Эрику, которая всегда говорила что думала, это было не похоже.

— Конечно пойду! — воскликнул Грант. — И с превеликим удовольствием!

— Значит, договорились. — Она подняла свой бокал и торжественно произнесла:

— За цирк в «Олимпии» на Рождество!

— За цирк на Рождество! — повторил вслед за ней Грант.